

А.А. Передельский

Э.В. Маркин

А.Н. Мелентьев

В.Н. Ахапкин

А.Н. Малинин

2022

**Очерки по истории и социальной теории
физической культуры и спорта:
Учебное пособие для студентов аграрных ВУЗов**

**Разработано в соответствии с федеральной программой
по физической культуре и спорту**

Учебное пособие

УДК 796
ББК 75
П 27

Передельский, Алексей Анатольевич
Маркин, Эдуард Васильевич
Мелентьев, Александр Николаевич
Ахапкин, Василий Николаевич
Малинин, Анатолий Николаевич

П 27 Очерки по истории и социальной теории физической культуры и спорта: Учебное пособие для студентов аграрных ВУЗов. – М.: Мир науки, 2022. – Режим доступа: <https://izd-mn.com/PDF/53MNNPU22.pdf> – Загл. с экрана.

ISBN 978-5-907603-52-3

Данное учебное пособие разработано с целью ознакомления студентов аграрных вузов России с достоверными и гипотетическими фактами исторического становления мировой и отечественной сферы физической культуры и спорта, агонально-спортивной традиции; с особенностями структурной организации, правовыми и финансовыми основами, основными моделями функционирования мировой и отечественной сферы физической культуры и спорта.

ISBN 978-5-907603-52-3

© Передельский Алексей Анатольевич
© Маркин Эдуард Васильевич
© Мелентьев Александр Николаевич
© Ахапкин Василий Николаевич
© Малинин Анатолий Николаевич
© ООО Издательство «Мир науки», 2022

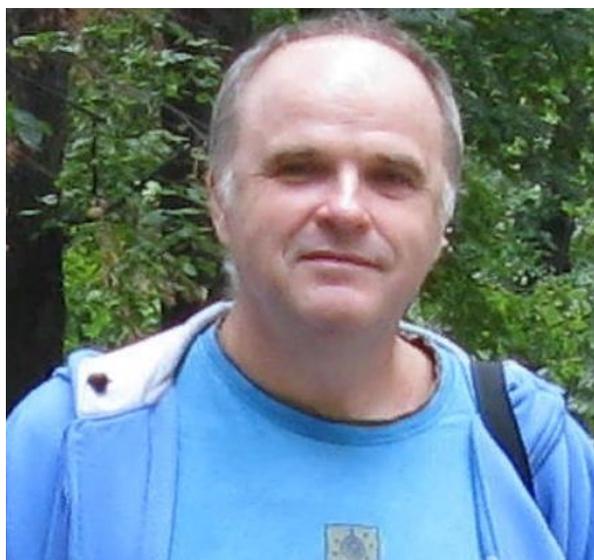
АВТОРСКИЙ КОЛЛЕКТИВ:

ПЕРЕДЕЛЬСКИЙ Алексей Анатольевич
доктор педагогических наук, профессор
кафедры физической культуры РГАУ –
МСХА имени К.А. Тимирязева

МАРКИН Эдуард Васильевич
кандидат педагогических наук,
заведующий кафедрой физической
культуры РГАУ – МСХА
имени К.А. Тимирязева

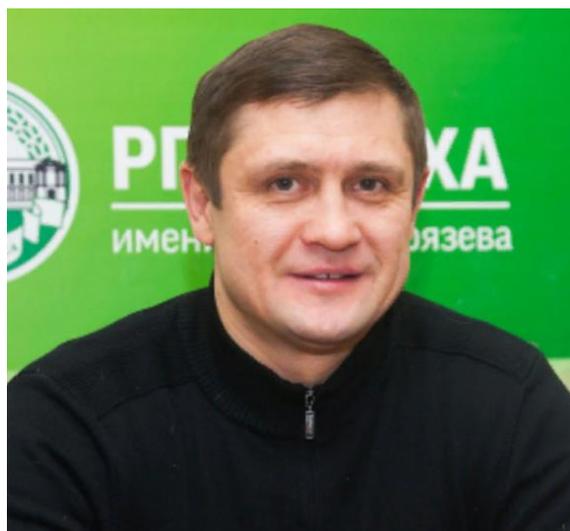

МЕЛЕНТЬЕВ Александр Николаевич
кандидат экономических наук, доцент
кафедры физической культуры
РГАУ – МСХА имени К.А. Тимирязева

АХАПКИН Василий Николаевич

кандидат педагогических наук, доцент
кафедры физической культуры
РГАУ – МСХА имени К.А. Тимирязева

МАЛИНИН Анатолий Николаевич

старший преподаватель кафедры
физической культуры
РГАУ – МСХА имени К.А. Тимирязева

Оглавление

Введение.....	6
Первая глава. История древней и современной агонально-спортивной традиции.....	9
1.1. Очерк по истории древней и современной агонально-спортивной традиции.....	9
1.2. Материалы для более глубокого изучения Сфера физической культуры и спорта с древних времен до наших дней	21
1.3. Материалы для более глубокого изучения. Спортсизация современного олимпийского движения и ее последствия для внешней политики России	74
Контрольные вопросы	85
Вторая глава. Отечественная история физической культуры, спорта, олимпизма	86
2.1. Очерк по отечественной истории физической культуры, спорта, олимпизма	86
2.2. Материалы для более глубокого изучения. Физическая культура в России с начала XX до начала XXI вв.	93
2.3. Материалы для более глубокого изучения. Концепция спортсизации физического воспитания.....	104
2.4. Материалы для более глубокого изучения. Динамика эволюции единоборств в России с конца XIX до начала XXI века	110
Контрольные вопросы	116
Третья глава. Структурная и функциональная организация сферы физической культуры и спорта в России, действующие и перспективные модели ее развития на уровне муниципального образования	117
3.1. Очерк по теории и практике функционирования муниципальной сферы физической культуры и спорта	117
3.2. Материалы для более глубокого изучения. Основные модели или системные формы реального функционирования муниципальных сфер физической культуры и спорта	129
Контрольные вопросы	134
Заключение	135
Литература	138

Введение

Сравнительный анализ зарубежной и отечественной научной и учебно-методической литературы заставляет, с одной стороны, испытывать гордость за разноплановые и глубокие исследования наших отечественных специалистов в области истории, теории и методики физической и, особенно, спортивной телесно-двигательной культуры. Однако, с другой стороны, нельзя не отметить и целый ряд характерных для советско-российской профильной литературы недостатков, связанных с идеологической насыщенностью ее содержания, крайне неравномерной и фрагментарной предметной разработанностью, описательностью и фактической недостоверностью или недоказанностью множества, казалось бы, уже привычных, традиционно и автоматически переносимых из работы в работу истин [Передельский А.А., 2018].

Нельзя не отметить, к примеру, что подавляющему большинству профильных отечественных ученых, к сожалению, присущи некоторые псевдонаучные тезисы и аргументы, даже явные заблуждения, приводящие к подмене действительных исторических (как древних, так и современных) фактов псевдоисторическим суррогатом и искусственно сконструированной (в угоду гуманизму и религиозно-политической толерантности) идеальной условно-игровой иллюзорностью [Столяров В.И., Передельский А.А., 2015].

Происходит это отчасти в силу крайне ограниченного допуска российских специалистов к проводимым на территории западных стран археологическим изысканиям и западным университетским научным библиотекам как основной базе документальных первоисточников о мировой истории спорта и олимпизма.

Отчасти подобный подход пропагандируется и ведущими западными идеологами спортивной науки, например, известным философом спорта Хансом Ленком, призывающим по образу и подобию мифа о Прометее и мифа о Геракле творить современную олимпийскую мифологию, выдаваемую им за современную философско-спортивную антропологию [Ханс Ленк,].

Собственно говоря, существенную часть наших мифологизированных знаний о современном спорте мы приобретаем даже не благодаря целенаправленной пропаганде западных авторитетов, а в результате необоснованной экстраполяции на современность наших собственных представлений о древнем спорте, которые, в свою очередь, в большинстве случаев черпаем, например, из таких древних мифологических источников, как «Илиада» Гомера.

Поэтому не мудрено, что мы свято верим в нерушимое единство здорового духа и здорового тела, не задумываясь об истине и чисто механически связывая психофизическое здоровье с занятиями спортом (причем не конкретизируя, каким, собственно, спортом предполагается заниматься). Часто даже не подозревая, что религиозно-ритуальное существование и соответствующее понимание греческих игр-агонов и римского спорта в древности очень сильно отличаются от современных светских, секуляризированных представлений как о спорте высших достижений, так и о массовом спорте. Часто даже не подозревая, что буквальный перевод соответствующего фрагмента произведения древнеримского поэта-сатирика Децима Юния Ювенала раскрывает принципиально иное отношение самого автора к указанной связи и выглядит примерно так: «Чтоб в бодром теле дух был здоровый, надо молиться».

Точно также мы принимаем на веру утверждения основателя современного олимпийского движения Пьера де Кубертена об идеологической несовместимости олимпийской доктрины и догматов Христианской церкви, не зная о том, что декларируемые им доказательства являются грубой идеологической подтасовкой фактического положения вещей и что в глубине его гуманистических воззрений скрывается масонский религиозно-политический заказ (точнее, заказ со стороны ложи иллюминатов) на создание «новой религии атлетов», способной ограничить или подорвать влияние Католической церкви в Западном мире [Передельский А.А., 2016].

Поверхностно, со своим собственным видением подхода к трактовке сути и содержания спорта, олимпизма, гуманизма и других продуктов

европоцентристской социокультурной программы, мы забываем о том, что в истории человечества данная программа не является ни единственной, ни всеобщей, ни универсальной. Несмотря на все ее претензии на глобальность, отражаемые в политическом и финансово-экономическом диктате Западного мира.

В свою очередь, отсутствие или недостаточность ясного осознания проблемного характера всего вышеперечисленного и много другого, касающегося реальной подоплеки западной истории, западных культурных образцов и стандартов, заставляет нас, в частности, в сфере физической культуры и спорта, «лить воду на чужую мельницу», предавать свои собственные национальные интересы, идти против своего же культурно-исторического наследия, придавать забвению или искажать собственные культурные ценности, становиться рабами и жертвами чужого Кодекса и Регламента.

Насколько мы близки к пониманию истинных социально-исторических корней и причин той, в частности, политической, реальной ситуации, которая сложилась в современном спорте и в современной спортивной науке, - призван прояснить приведенный ниже философско-исторический экскурс.

Первая глава. История древней и современной агонально-спортивной традиции

1.1. Очерк по истории древней и современной агонально-спортивной традиции

Методологической основой философско-исторического экскурса по истории древней и современной агонально-спортивной традиции выступает всеобщий диалектический принцип и метод единства исторического и логического, позволяющий, с одной стороны избавляться от выдуманных, а потому излишних идеальных сущностей, с другой стороны - путем логико-лингвистического анализа выявлять магистральную линию исторического развития, отвлекаясь от его зигзагообразных, тупиковых и возвратных изменений, не оказывающих существенного влияния на законы и закономерности генезиса рассматриваемого социального феномена. Таким образом, становится возможным исследовать реальную, а не иллюзорную логику исторического процесса. Попробуем проиллюстрировать сказанное на примере логики мировой истории агонально-спортивной традиции и в первую очередь рассмотрим формально-логические определения основных профильных понятий, таких как: физическая культура, физическое воспитание, физическая активность, физическое образование, спорт, состязание, соревнование, тренировка.

Учитывая, что термин «культура» выступает более общим понятием к термину «физическая культура», - начнем с него. На сегодняшний день в научном дискурсе участвуют более 500 определений понятия культуры, причем касающихся не только социальных, но и иных, например, биологических наук. Наиболее общеупотребительным и применимым к предмету нашего анализа являются определение культуры как интегративного качества общественной жизни, то есть как совокупности передающихся из поколения в поколение наиболее устойчивых обычаев, ритуалов, традиций, норм, правил, примеров, образцов социальной организации и функционирования, индивидуального и группового поведения и деятельности людей. В данном контексте **физическую**

культуру имеет смысл определять как **совокупность наиболее устойчивых, передаваемых в поколениях социальных обычаев, ритуалов, традиций и их оформления в виде социальных институтов, общепринятых (или относительно широко распространенных) образцов поведения и деятельности, которые ориентированы на поддержание и совершенствование норм физической (психофизической, телесно-двигательной) активности, позволяющей нормально функционировать в заданном социальном контексте.**

Физическая (психофизическая, телесно-двигательная) активность – любое производимое всем телом или его частью суставно-мышечное движение, сопровождающееся расходом энергии и, соответственно, в той или иной степени стимулирующее протекание жизненных процессов организма. Принято выделять два типа (собственно физический, психический) и **семь форм физической активности** (позная, равновесная, локомоторная, манипулятивная, реактивная, ориентировочно-деятельностная, нейрофизиологическая). Обращает на себя внимание тот факт, что физическая культура выступает лишь одной из многих составляющих разнообразной физической активности.

Интересно, что в зарубежной профильной науке и практике ни термин «физическая культура», ни термин «физическое воспитание» не применяется. Вместо них принят термин **«физическое образование»**. Давая структурно-функциональное определение последнему понятию, следует учитывать, что образование есть процесс и результат собственно образования (получения знаний), обучения (получения умений и навыков) и воспитания (формирования иерархии ценностей и ценностных установок).

Таким образом, **физическое воспитание** как бы должно обеспечивать ценностно-ориентационный подход к процессу получения, оценки и использования знаний, умений и навыков в профильной физкультурно-спортивной деятельности. Однако данный подход не стыкуется с реальной историей возникновения сферы физической культуры и спорта, в которой

военно-физическое воспитание выступает одним из важнейших профильных социальных институтов и ориентировано на военную или, в крайнем случае, на военно-прикладную деятельность. В практике же отечественного профильного образования термины физической культуры и физического воспитания вообще рассматриваются в качестве синонимов или понятий, занимающих один и тот же объем.

Еще сложнее дело обстоит с определением понятия «спорт». Этимологически термин «спорт» или производные от него в различных европейских языках означали глагол «развлекаться» или существительное «развлечение» [Мельникова Н.Ю., Трескин А.В., 2017; Передельский А.А., 2016]. В эпоху капитализма термин «спорт» приобрел расширительный смысл и стал обозначать любое неумеренное, но страстное увлечение, например, коллекционирование чего бы то ни было. Также он обозначал любую досуговую телесно-двигательную практику, направленную на сохранение и поддержание здоровья и хорошей физической формы. Вспомним произведение Джерома Камельки Джерома «Трое в лодке, не считая собаки», где герои считают себя спортсменами, совершая лодочную прогулку по Темзе. Одновременно под спортом стали понимать любительскую и профессиональную, практикуемую аристократическими, буржуазными, пролетарскими слоями телесно-двигательную практику, в том числе имеющую техническое обеспечение или оформление (скачки, конное поло, фехтование, стрельба, велоспорт, бокс, гребля) [Сараф М.Я., 1996, 1997, 2005].

Все вышеизложенное свидетельствует о нечеткости, размытости понимания термина и многоликости феномена спорта на Западе. Однако ни в одном из указанных определений или смыслов не отражена действительная внешняя феноменальная или внутренняя сущностная характеристика спорта. В действительности же **спорт существовал и (если не считать интегрированных в западную культуру «выходцев с Востока», то есть интеллектуальных видов спорта) существует как многовидовая системная, ритуальная и регламентированная, иллюзорно-реальная, условно-игровая,**

религиозно-светская телесно-двигательная состязательно-соревновательная практика. Коренной системообразующей чертой всей и любой видовой спортивной деятельности выступает соревнование как своеобразная разновидность состязательности, проявляющаяся в таких атрибутах, как: **спортивный регламент, наличие судейской коллегии, стремление к победе или рекорду.** Еще одной, хотя и не безусловной, характерной чертой культуры спортивной деятельности является **регулярная системная тренировка или тренировочная деятельность** (термин, по-видимому, произошел от понятия «тренинг», практикуемого еще со времен средневековья применительно к дрессировке скакунов, ловчих птиц, охотничьих, ездовых и бойцовых собак).

Наконец, еще одним собирательным термином, широко принятым в отечественной профильно-прикладной юридической, финансово-экономической, административно-управленческой, научной, педагогической практике, однако в гораздо меньшем масштабе используемым в практике непосредственной спортивной деятельности, выступает понятие **«сфера физической культуры и спорта»** [Передельский А.А., 2008, 2013], объем и содержание которого мы разберем в очередном очерке.

В данный момент нас интересует только то, что физическая культура в своей образовательной ипостаси и спорт (особенно, в ипостаси спорта высших достижений), являясь составляющими одной и той же сферы физической культуры и спорта, состоят между собой в отношениях диалектического противоречия. Во-первых, они принадлежат одной единой целостности – сфере физической культуры и спорта. Во-вторых, они противоположны друг другу по назначению и реально выполняемой роли в процессе осуществления жизнедеятельности. **Физическая культура (образование)** призвана способствовать поддержанию здорового образа жизни, совершенствованию всестороннего и сбалансированного (не исключая и интеллектуально-духовных качеств), то есть нормального (в смысле социально приемлемого и востребованного) психического и физического здоровья человека как активного

социального функционера. **Спорт** (особенно, спорт высших достижений) ориентирует на последовательное и неуклонное развитие психофизической (а отчасти и интеллектуально-духовной) специализации, то есть на относительно непропорциональное, одностороннее развитие личности, часто приводящее к дисфункциям, сбоям в работе организма и стрессам при резкой смене образа жизни после окончания спортивной карьеры. В-третьих, при определенных условиях (например, при изменении социального заказа) физическая культура и спорт могут трансформироваться друг в друга, порождая некие переходные, синтетические формы, типа массового спорта или организации соревнований по физической культуре. В этих случаях они переживают процессы частичной или полной «спортизации» или, наоборот, «деспортизации».

Теперь на базе проведенного логического анализа перейдем непосредственно к историческому анализу агонально-спортивной традиции. Начнем с того, что современный спорт и современный олимпизм (как и их древние предтечи) выступают продуктом не общечеловеческой культуры, а всего лишь одной, правда, пока еще наиболее влиятельной, а именно европоцентристской социокультурной программы. Европоцентристская социокультурная программа на альтернативных началах существовала и развивалась наряду с не менее древней ориентальной или восточной социокультурной программой, а также до недавнего времени довольно органично сосуществовала с гораздо более поздней программой вестернизации [Передельский А.А., 2016]. По мнению некоторых известных философов и историков культурно-историческую основу или, собственно, культурную сущность европоцентристской программы заложила Древняя Греция, что отнюдь не является бесспорным утверждением [Энгельс Ф., 1974; Передельский А.А., 2016]. К оформлению «материального тела» данной культурно-исторической сущностной основы, так сказать, «приложили руку» последовательно финикийская, эллинистическая и, особенно, римская цивилизация с ее правовой, финансовой, военно-полицейской, производственной и ... религиозно-ритуальной системами [там же].

Неотъемлемой частью древнегреческой религиозно-ритуальной культуры, частично заимствованной греческими полисами у финикийских торговых городов-государств, была практика игр-агонов, в частности, Олимпийских игр. Позднее к данной практике подключились владыки эллинистических государств и даже римские императоры, учитывающие колоссальный ресурс социального сплочения и единения, который регулярно воссоздавался при проведении игр-агонов [Передельский А.А., 2016; Мельникова Н.Ю., Трескин А.В., 1917].

Неотъемлемой частью, возможно, даже одним из важнейших религиозно-политических и финансово-экономических центров сосредоточения публичной жизни римского общества выступали спортивные религиозно-ритуальные игры-соревнования гладиаторских людусов (от лат. ludus – «игра», школа гладиаторов), совершенно точно заимствованные Римской республикой у своей гораздо более древней политической предшественницы – Лиги этрусских городов или Этрусской лиги [там же].

Таким образом, можно с полным основанием рассматривать средиземноморский историко-географический регион как древнюю родину зарождения агонально-спортивной традиции, а промышлявших военными набегами, пиратством и торговлей рабами племена финикийцев, греков, македонян, этрусков, римлян – как социальный источник и массив, первоначально практиковавший религиозно-ритуальную состязательную практику в форме условно-игровых соревнований, имевших строгий и во многом сакральный регламент их организации и проведения, жреческую судейскую коллегию и другие атрибуты, считающиеся сегодня основными признаками светской спортивной деятельности [Матвеев Л.П., 2010]. Иными словами, **древний олимпизм и древний спорт выступали не всеобщим атрибутом древней истории, а частной или локальной, а именно средиземноморской формой состязательности.**

При этом следует обратить особое внимание на тот факт, что подобная спортивно-состязательная практика отправления игр-агонов или «культов жизни» и гладиаторских религиозно-спортивных игр или «культов смерти» не

была присуща другим, несредиземноморским народам, например, скандинавам, готам, гунам или славянам, несмотря на наличие у них своей более или менее похожей культовой обрядово-ритуальной состязательной практики [Мандзяк А.С., 2005; Трескин А.В., 2008; Передельский А.А., 2008, 2011, 2016]. Хотя ранние религиозные верования (анимизм, тотемизм, магия, фетишизм) породили свою обрядово-ритуальную практику гораздо раньше даже финикийцев и греков [Тайлор Э.Б., 1989; Энгельс Ф., 1974; Токарев С.А., 1986]. Что же касается агонально-спортивной традиции, то она принадлежит уже не примитивным, а весьма зрелым формам племенных религий, например, индивидуальному тотемизму [Токарев С.А., 1986]. Соответственно, если гипотезы археологов о появлении и существовании архаичного общества в интервале от 100 до 40 тысяч лет до нашей эры хоть сколько-нибудь верны, то и у историков появляются основания отсчитывать генезис физкультурно-спортивной культуры уже не с древних, а с древнейших времен [Редер Д.Г., 1985]. Попробуем системно оформить указанную научную гипотезу применительно к процессу становления области, а затем и сферы физической культуры и спорта.

Итак, в древнейшем обществе спорта как такового еще не существовало, а физическая культура еще не выделялась в отдельную область социальной практики. Даже если ее элементы и практиковались хотя бы в форме телесно-двигательной игры [Хейзинга Й., 2007]. Вообще, **физическая культура, как часть общечеловеческой культуры, объединяющая все формы и виды когда-либо существовавшей систематизированной социальной телесно-двигательной практики, на всем протяжении своего исторического развития породила три основных социальных института: единоборств, военно-физического воспитания, спорта** [Передельский А.А., 2016].

Социальный институт единоборств, по всей видимости является наиболее древнейшим образованием, становление которого происходило в период самого начального социального расслоения первобытных общин, когда будущий или уже действующий вождь (он же отец, старший брат, жрец и старейшина) был

вынужден доказывать и отстаивать свой статус и главенствующее положение в схватке со свирепым зверем или соперником-человеком, претендующим на тот же статус. Победенного ждала смерть, альтернативой которой для поверженного соперника-человека служил «остракизм» (временное или пожизненное изгнание из рода) - самое древнее наказание в социальной практике. Фактически такие поединки были частью или сутью обряда индивидуальной «инициации» - наиболее древней формой состязательности или религиозно-культурного соперничества и, одновременно, зародышевой правовой формой разрешения социального спора. А подготовка к ним - древнейшей формой физической культуры и воспитания, которую могли себе позволить лишь единицы, при условии их хотя бы частичного освобождения от общинных работ.

Интересно, что следы подобного рода испытаний по приобретению или отстаиванию статуса вождя (царя) археологами фиксировались во многих регионах земного шара, начиная с пятого тысячелетия до нашей эры. Причем эти испытания, как уже отмечалось практиковавшиеся не только в схватке с человеком, но и с животными, несли на себе отпечаток ранних религиозных верований, особенно, тотемизма и магии [там же]. В последующие периоды мировой истории и в западном, и в восточном географическом ареале расселения человечества стали появляться самые разнообразные формы единоборств, существенно увеличивая социальную базу их активных адептов, придавая обряду «инициации» и социальному институту единоборств действительно всеобщий массовый характер.

По мере роста имущественного неравенства, нарастания социального расслоения и социальной напряженности внутри первобытных общин, между компактно проживающими сообществами все больше обостряются противоречия, приводящие к конфликтам и военным столкновениям. В целях защиты от агрессивных соседей или, наоборот, для подготовки нападения на них с целью захвата и грабежа, - постепенно формируются, так называемые, «мужские дома», тайные магические и тотемистические союзы, принимающие в

свои ряды только после прохождения соответствующих, упомянутых выше обрядов «инициации» [Передельский А.А., 2008, 2011]. Так организуются специализированные социальные группы воинов, проходящих курс особого физического, точнее, военно-физического воспитания отдельно от остальных членов общины (позднее – рода) [Энгельс Ф., 1974]. Появление подобных групп знаменует выделение элементов физической культуры в отдельную область в форме социального института военно-физического воспитания, традиционного не только для периода «военной демократии», но практически для всех последующих формационных образований: рабовладения, феодализма, капитализма.

Возникающие на базе поклонения воинственным богам племенные и национальные религии берут элементы военно-физического воспитания за основу и перестраивают их на характерную для обрядово-ритуальных систем иллюзорно-игровую почву, в частности, создавая условия для появления греческих игр-агонов и римского спорта [Передельский А.А., 2016]. Таким образом, **древний олимпизм и древний спорт являлись не светским, а религиозно-культовым, точнее, религиозно-политическим образованием, хотя и представленным в предельно секуляризованном (свободном от глубокой религиозности) виде.**

После гибели под напором варварских племен гуннов, готов, вандалов и лангобардов античного мира в 4 веке нашей эры агонально-спортивная традиция была продолжена в Византийской империи (в частности, Олимпийские игры в Антиохии еще проводились где-то до середины 7 века нашей эры) и прервана по социально-экономическим причинам более, чем на тысячелетие [Нестеров П.В., 2007-2009; Передельский А.А., 2016]. Таким образом, с древности до раннего средневековья агонально-спортивная традиция уже претерпевала существенные качественные изменения, что позволяет обоснованно выделять и отличать друг от друга, к примеру, три основных периода культивирования древних и средневековых Олимпийских игр: финикийский, греческий (спартианско-афинский), византийский (или антиохийский). Все эти периоды обладали своими

неповторимыми особенностями, игнорирование которых современными историками и идеологами олимпизма, вслед за Пьером де Кубертенем, оказалось чревато непониманием истинной сути и, соответственно, диалектики производственно-экономической и социально-политической трансформации современного олимпийского движения [Нестеров П.В., 2007, 2008, 2009; Кыласов А.В., 2009; Передельский А.А., 2016].

Возрождение и развитие агонально-спортивной традиции в 18-19 веках нашей эры, в общем и целом, также демонстрирует динамику институционального перехода от национальных систем единоборств и военно-физического воспитания к спорту. Только в данном историческом варианте социальный институт военно-физического воспитания вступил в процесс исторической спортизации параллельно с социальным институтом единоборств [Мандзяк А.С., 2005; Передельский А.А., 2008, 2011].

Указанная социально-институциональная трансформация происходит на совершенно ином формационном этапе мировой истории, а потому имеет свои особенности. Например, массовое увлечение практикой единоборств с использованием холодного и огнестрельного оружия в форме дуэлей (особенно, в дворянской среде) на Западе не ослабевало ни в Средние века (5-15 века), ни в эпоху Возрождения (16 век), ни в Новое время (17 век) [там же]. Активно и массово единоборства в странах Западной и Восточной Европы практиковались в указанные периоды и в народной среде, и представителями непривилегированных классов и сословий, например, на цирковой арене [там же]. Массовое увлечение европейцами (а затем и американцами) восточными боевыми искусствами и единоборствами скачкообразно повышалось после Первой и Второй мировой войны и связывалось с массовой эмиграцией в эти страны мастеров с Востока (особенно из Китая и Японии). Хотя знакомство с восточными системами единоборства благодаря колониальным войнам и захватам началось гораздо раньше, еще в 18 веке [там же].

В начале 19 века, особенно, после войны 1812-1813 годов в разных странах Европы (например, во Франции, в Австрии и Пруссии) создаются национальные

школы военно-прикладной гимнастики, а в целях подготовки и боевого слаживания колониальных войск (например, в Британской империи) разрабатываются и культивируются военно-прикладные игры, типа игры в суль (прообраз современного футбола) и регби [Передельский А.А., 2016; Мельникова Н.Ю., Трескин А.В., 2017]. Таким образом, **завоевательная и колониальная политика западных государств способствовала становлению современного социального института военно-физического воспитания.**

Повторная историческая «спортизация» единоборств и военно-физического воспитания благодаря массовому разорению крестьянских хозяйств, росту численности городского населения и средних слоев западных капиталистических стран разворачивается к середине 19 века, когда все большее число систем единоборств, военно-прикладных игр и гимнастик приобретают свой спортивно-соревновательный регламент и иные характерные черты видов спорта [Сараф М.Я., 1996, 1997, 2005].

Отчасти потеря реального и конкретного прикладного характера и указанная спортивная трансформация стали причинами мирового кризиса физической культуры в 20 веке, выход из которого, стали искать в том же спорте, положив начало, так называемому, педагогическому подходу к «спортизации физической культуры» [Кузин В.В., 1998; Лубышева Л.И., Романович В.А., 2011]. Но об этом пойдет речь далее.

Что касается Олимпийских игр, то в эпоху капитализма полноценного возрождения олимпийской религии, несмотря на все идеологические и содержательные закладки Кубертена [Кубертен Пьер, 1997; Кыласов А.В., 2009], так и не произошло. Современный олимпизм приобрел преимущественно светский характер, усиленный финансово-экономическими чертами древне-финикийской и антиохийской моделей, что коренным образом отразилось на его экономической и политической трансформации уже во второй половине 20 века, а еще более явно в первые десятилетия 21 века [Мельникова Н.Ю., Трескин А.В., 2017]. Причем отразилось таким образом, что **в современном мире**

Международный олимпийский комитет (МОК) превратился не только в крупнейшего и богатейшего монополиста в сфере физической культуры и спорта, своими беспринципными действиями заслужив ярлык руководящего органа «олимпийского империализма»; но и стал эффективным механизмом «политического отчуждения», давления и диктата в интересах США и других стран-лидеров западного мира.

1.2. Материалы для более глубокого изучения. Сфера физической культуры и спорта с древних времен до наших дней

Существование в современных условиях сферы физической культуры и спорта как особой, выделенной сферы общественной жизни является неоспоримым фактом. Общеизвестно, что она объединяет в себе различные, но во многом (в принципиальных моментах) сходные, подобные, типичные телесно-двигательные, даже более широко, психофизические системные практики, направленные на развитие и совершенствование качеств и способностей, на расширение диапазона функциональных кондиций, возможностей человека. Человек при этом рассматривается как обладающий разумом, интеллектом и социально организованный представитель особого биологического вида.

Не вызывает также сомнений и тот факт, что сфера физической культуры и спорта внутри себя неоднородна, расчленена на составные части, конкурирующие или сотрудничающие друг с другом, когда это позволяют обстоятельства и социальная детерминация. Это означает возможность и закономерность их обоюдной диффузии, взаимопроникновения, пересечения, взаимного усиления (резонанса), частичного или полного (в определенные периоды) поглощения друг другом.

Кстати, по поводу социальной детерминации следует отметить закономерность постоянной (в крайнем случае, регулярной и частой) ориентации сферы физической культуры и спорта в целом и её составляющих, в частности, на ту или иную традиционно выделяемую область общественной жизни: экономическую, социальную, политическую, религиозную, философскую (в современном мире в большей степени научно-образовательную), художественную (имеется в виду искусство). Даже более конкретно, структурные компоненты сферы физической культуры и спорта ориентированы на те или иные структурные компоненты вышеперечисленных областей общественной жизнедеятельности.

В контексте изложенного следует обратить внимание на такие, несомненно, принадлежащие сфере физической культуры и спорта, подсистемные образования, как физическое воспитание, физическое образование, физическая культура, спорт, единоборства, жесткие экстремально-прикладные практики, мягкие гуманистические игровые технологии, фитнес...

Незаконченность перечисления указывает на незавершенность процесса формирования и изменения состава подсистем рассматриваемой сферы. Однако, чтобы не запутаться далее в разношерстных и противоречивых формулировках и определениях, даваемых многими авторами, нам придется построить некую терминологическую классификацию, исходя из которой будет легко исторически более точно и конкретно дать рабочие, в том числе, генетические, родовидовые, атрибутивные определения соответствующих понятий.

Физическая культура – особая часть общечеловеческой культуры, акцентирующая внимание на процессе формирования и использования системных психофизических практик, направленных на поддержание, развитие и расширение диапазона функциональных качеств, способностей, возможностей человека как социального агента (а «в снятом виде» как индивида – представителя своего биологического вида).

Физическая культура в своей образовательной ипостаси подразумевает три взаимосвязанных направления или области:

- воспитания (формирования аксиологической или ценностной шкалы, системы);
- обучения (формирования комплексов умений и навыков);
- образования (формирования и систематизации знания, в первую очередь, о первых двух областях).

Как триада направлений (областей) психофизического функционирования, физическая культура выступает одним из способов, механизмов, каналов социализации человека. Вместе с тем, исторически физическая культура в разное время и в разных географических регионах под влиянием своего конкретного социального контекста порождает несколько специфических

социальных институтов: физического воспитания и образования, единоборств, спорта.

Институт физического воспитания и его учебно-образовательная ипостась, порожденная внедрением физического воспитания в программу школ и гимназий, в истории Человечества до самого последнего времени характеризовались универсальностью, то есть повсеместным распространением. Институт спорта характерен (по крайней мере, до XIX) лишь для физической культуры Запада. Институт единоборств, первоначально имевший универсальное значение, по определенным причинам в Новое время утратил это своё качество для Запада, а с середины XX века постепенно утрачивает его и для Востока. Зато институт спорта в Новейшей истории «набирает обороты», развивается до такой степени, что начинает по праву претендовать уже даже не на главенствующее, а на монопольное лидирующее место в современной физической культуре.

Безусловной монополии спорта постоянно, хотя и в длительной перспективе безуспешно, угрожают с двух сторон. Жесткие экстремально-прикладные практики пытаются превзойти сформированную в спорте норму экстремальности и атаковать существующую в спорте норму гуманизма. Мягкие гуманистические игровые технологии пытаются подправить спорт со своей стороны, полагая его норму экстремальности, наоборот, слишком высокой, а норму гуманизма, наоборот, слишком низкой. Крайности сходятся: и тех и других не устраивает спортивный соревновательный регламент, но по диаметрально противоположным причинам.

Отдельного рассмотрения требуют агональная (олимпийская) традиция и фитнес.

Также, как и историю спорта, историю агональной традиции следует делить на древнюю и современную. При известной преемственности и спиральности диалектического развития, древние агоны и спорт по сравнению с современными агонами и спортом (которые для удобства и по факту реального

существования можно называть, применяя приставку «нео») имеют весьма существенные социальные, в широком смысле этого термина, различия.

В древности – агоны и спорт суть по-разному религиозно-политически оформленные, отдельные, первоначально противопоставляемые друг другу, позднее взаимно адаптированные, сближенные психофизические системные практики. В современных условиях, уже будучи светскими (хотя и не без религиозного оттенка) социальными институтами, неоспорт и неоолимпизм снова демонстрируют тенденцию не просто к сближению, а к теснейшему пересечению, объединению, но под генеральной эгидой спорта. Хотя с определенным допущением можно сказать, что неоолимпизм возникает в 1896 году как гуманистический педагогический проект по созданию противопоставляемой неоспорту системы физического воспитания.

Что касается фитнеса, то (при всей еще не до конца ясной перспективе его развития) он с определенных социальных (опять в широком смысле термина) позиций просматривается как некий ремикс утратившего (в современной ситуации всеобщей спортизации) свое бывшее значение физического воспитания.

Наконец, сам институт физического воспитания внутри себя на протяжении всей истории отличался крайним разнообразием, в частности, в Новое время и далее он сочетал в себе гимнастические и игровые системные образования. Однако по критерию социальной ориентации можно с основанием рассуждать о следующих направлениях, областях его развития:

- военно-физическое воспитание;
- гражданское физическое воспитание;
- педагогическое (школьное) физическое воспитание или физическое образование;
- эстетическое или эстетико-художественное физическое воспитание.

Из всех этих направлений ни одно не отличается особой однородностью.

Например, гражданское физическое воспитание делится на:

- аристократическое;
- производственное (трудовое);

- рекреационное (досуговое);
- оздоровительно-профилактическое.

Возможно (даже очевидно), представленная классификация не является образцом системного или формально-логического построения, а определения указанных понятий способны вызвать резкие нарекания. На это можно сказать следующее. Во-первых, мы руководствовались принципом: «О понятиях не спорят, а устанавливают их объем и содержание». Во-вторых, системно или бессистемно, но представленная классификация и вытекающие из нее терминологические определения отражают все этапы исторического движения мировой физической культуры.

Однако последний тезис требует очень солидного историко-логического обоснования, к которому мы и приступаем.

Физическая культура в государствах Древнего мира

Анализ становления и развития сферы физической культуры в государствах Древнего мира позволяет сделать вывод, во-первых, о параллельном сосуществовании военно-физического воспитания и религиозной психофизической, интеллектуально-духовной состязательности; во-вторых, о более раннем историческом обособлении физического воспитания от военного дела, по сравнению с обособлением спорта от религиозного культа; в-третьих, о разнообразии форм древней состязательности, социально предрасположенных и потенциально способных влиться в спорт, но только не в древности, по причине их корневого религиозно-политического различия с античным обществом.

Помимо этого, собранные и систематизированные данные позволяют утверждать о достоверности ранее сделанных выводов о пересечении культуры единоборств с физическим воспитанием и древними формами состязательности, в которых впоследствии единоборства всё активнее растворяются, переставляя акцент с внутреннего содержания на внешнюю форму, с духовного на физическое. Причем любопытно отметить, что проявляются закономерности

развития указанного процесса уже в древности. Несмотря на то, что традиционно, в научной литературе о подобном качественном кризисе единоборств принято рассуждать в ином историческом контексте, лишь касаясь вопроса о становлении капиталистического общества и системы мирового колониализма.

Составить общее представление о развитии физической культуры в древности, теоретически обобщить и концептуально реконструировать интересующие нас сведения позволяют различные источники, к которым относятся: древние произведения и книги, как правило, религиозно-культового назначения и содержания, хотя их часто и величает эпосом, гимнами, комментарием; статуэтки и различного рода рельефные изображения эпизодов состязаний или иных характерных телесно-двигательных практик; заметки древних (в основном греко-римских) историков; археологические находки специфического назначения, позволяющего причислять их к физкультурно-спортивным орудиям, оборудованию, амуниции. На основании исследований данных источников, в том числе изложенных в научной литературе, посвященной истории физической культуры и спорта, написано много монографий и учебников. Среди них, в первую очередь, следует отметить труды отечественных авторов Р.Д. Абиева, Б.Р. Голощапова,

Н.С. Леонтьевой, Н.Ю. Мельниковой, В.Е. Петраковой, А.В. Трескина, Л.А. Финогеновой, большинство из которых являются учениками и продолжателями советской исторической школы. Одним из патриархов этой школы выступал выдающийся ученый В.В. Столбов.

В странах Древнего Востока физическая культура в основном развивалась в двух областях социальной практики: в военном деле и в семейном воспитании. Например, в Ассирии детей из привилегированных семей в двенадцатилетнем возрасте уже брали на царскую службу, где до 20 лет они усиленно занимались военными и ориентированными на войну физическими упражнениями. Но уже с 3-х летнего возраста в семье детей обучали верховой езде, метанию копья, переправе через водные препятствия, плаванию. В царском войске эти навыки

доводились до совершенства, причем с учетом «принадлежности к тому или иному воинскому подразделению» [Петракова В.Е., Абиев Р.Д., 2010, С.10].

Эти же авторы упоминают о неких состязаниях, проводимых в армейских частях. Возникает иллюзия, будто речь идет о военно-физическом воспитании, однако далее ситуация проясняется: «Как и во всем Древнем мире, большую роль в Ассирии играла религия. Одним из важнейших ритуальных обрядов, истоки которого восходят к глубокой древности, была битва царя со львом... Этот ритуал демонстрировал превосходство царя над подданными и подтверждал его право на власть. Схватка со львом требовала отличной физической подготовки, так что очевидно, что ассирийские цари уделяли большое внимание физическому развитию» [там же, С.11].

В данном фрагменте допущено сразу несколько ошибок из-за не совсем верной интерпретации исторической фактологии. Во-первых, факт проведения войсковых состязаний означал не воинские упражнения, а регулярное проведение соответствующих религиозных ритуалов, укрепляющих дух армии, приверженность ее бойцов индивидуальному тотемизму и культу царей. Во-вторых, сам факт ритуальной схватки царя со львом лишь подтверждает тотемистические корни указанных культов и их связь с древнейшими обрядами инициации, а отнюдь не свидетельствует в пользу физического воспитания как такового. В-третьих, в указанном примере мы имеем дело как раз с вариантом «растворения» религиозно-магических протоединоборств в религиозном состязательном культе, оценивая его по чисто формальному сходству со спортивной состязательностью.

Следующим объектом анализа выступает физическая культура Вавилона и Древней Персии периода правления династии Ахеменидов, о которых известно несколько больше благодаря записям Геродота, памятникам клинописи на глиняных табличках, терракотовым изображениям.

Для Вавилона и Персии были характерны такие виды физической культуры, как стрельба из лука, охота, верховая езда. Здесь же упоминаются кулачные единоборства и состязания на колесницах, которые, по непонятным

для нас причинами, называются спортивными, да еще и имевшими для «жителей Вавилона» «большое значение в повседневной жизни» [там же, С. 12]. О каких простых жителях Вавилона здесь может идти речь, если на колесницах в тот период, как и в государствах Средиземноморья имели право ездить лишь представители царских родов и видные военные начальники? И в какой повседневной жизни где бы то ни было практиковались заезды на колесницах – чрезвычайно дорогостоящих экипажах, использовавшихся (кроме военных действий) лишь в самых торжественных случаях, связанных в основном с празднично-религиозными мероприятиями?

Интересным и важным для нас моментом служит появление в Персии системы государственного воспитания детей, до 7 лет находившихся в семье на попечении матерей, которым запрещалось применять телесное наказание. Зато за период, который охватывало это государственное воспитание (с 7 до 24 лет) задел женского гуманизма уравновешивался достаточно суровыми нормами умеренности, воздержания, закаливания. По большому счету, очевидно, именно с персидского варианта развития физической культуры стоит начинать говорить вообще о становлении системы физического воспитания, хотя с 15 лет для юношей эта система перерастала в типичное военно-физическое воспитание, состоящее из охоты и военных упражнений.

Не совсем нам ясно происхождение и назначение популярной у персов игры «чауган», но сам факт наличия подобной игры (похожей на «конное поло») свидетельствует, во-первых, об аристократическом характере рассматриваемого физического воспитания, во-вторых, о наличии игровой телесно-двигательной практики, выходящей за рамки чисто военно-физического воспитания.

И еще один факт, показывающий наличие у персов именно системы физического воспитания, – это факт «совершенствования физических качеств» «на протяжении всей жизни» [там же, С. 14]. Что это такое, как не ориентированная на постоянные войны система, если и не вполне всеобщего, то уж точно непрерывного физического воспитания, четко разбитая на функционально и содержательно продуманные этапы? Перейдем к краткому

анализу физической культуры Древнего Египта. Здесь авторы уже совершенно четко и неприкрыто пишут о «культовом состязании по бегу за право быть царем-богом, фараоном» (которое позднее заменяется борьбой, сродни «вольной борьбе»), о храмовых празднествах Рамзеса II, сопровождавшихся состязаниями на колесницах с участием фараонов, о «соревнованиях воинов, бегущих за колесницами» [там же, С. 16–17].

Одновременно, как бы показывая всю богатую палитру разнообразных проявлений физической культуры древних египтян, упоминаются: гребля, стрельба из лука, кулачный бой. Состязания гребцов, как и воинов-бегунов, совершенно очевидно носили религиозно-ритуальный характер, ведь не случайно изображения тех и других помещены на изображениях сфинксов времен правления Аменхотепа II. Что касается стрелков из лука и кулачных бойцов, то здесь речь явно идет о местной единоборческой практике, но не совсем ясен социальный характер этой практики. Зато следующий фрагмент расставляет все акценты уже совершенно определенно: «Жесткая социальная иерархия и жрецы, строго хранившие традиции, делали невозможным создание стадионов, расположенных обособленно от мест совершения религиозных обрядов, а также соревнований вне религиозного ритуала» [там же, С. 18].

Наряду со священными состязаниями у древних египтян развивались различные направления физического воспитания, частично привнесенные извне (например, после персидского нашествия). Упоминаются: игровые (игра юношей в мяч, конное поло), танцевальные (для девушек), единоборческие (борцовские, фехтовальные), охотничьи практики, плавание. Однако показательно, что изображения указанных практик были размещены на надгробных памятниках в Саккаре и Бени-Гассане. Таким образом, все они также могли иметь религиозно-обрядовый состязательный характер, по крайней мере, первоначально и частично.

Вообще физическое воспитание в Египте носило четко выраженный социально-классовый характер, поскольку было личным, а не государственным делом, доступным преимущественно богатым слоям древнеегипетского

общества. Кроме того, оно тяготело к военно-физическим упражнениям, требовавшимся для военной и трудовой деятельности в рядах ополчения (задействованного также и на общественных работах), подстраивалось под практиковавшиеся виды вооружения и ведения боевых действий. «Сведений о регулярной физической подготовке или о соревнованиях внутри египетской армии до нашего времени пока не обнаружено. Вероятно, это связано с тем, что Египет постоянно вел войны и солдаты становились опытными военными через пару лет без каких-либо специальных тренировок» [там же, С. 20]. Этот фрагмент для нас особенно показателен: во-первых, он отражает раздельность и несмешиваемость религиозных состязаний, с одной стороны, и воинской подготовки – с другой; во-вторых, он доказывает, что военно-физическое воспитание в Древнем мире было производным от специфики ведения военных действий, применяемого в них вооружения, а не наоборот. Вместе с тем, в указанном фрагменте отражено недопонимание авторами особенностей боевой подготовки, невысказанной без регулярно проводимых упражнений с оружием и без него, что не позволило им понять и реальную роль единоборств в обеспечении «военного опыта», да еще и к тому же приобретаемого всего лишь за «пару лет».

Эксклюзивный вклад в сокровищницу мирового физического воспитания внесла древнекитайская культура. Именно от нее во многом берет начало направление лечебной гимнастики, системно представленное единство медицины и физической культуры. Авторы верно отмечают, что в древнем Китае «с помощью опыта лечения с использованием движений были разработаны методы воздействия на функционирование человеческого организма» [там же].

Однако их ссылки на древние китайские книги и данная ими интерпретация древнекитайского физического воспитания не всегда близки к истине. Например, мы уже неоднократно писали о неверном транскрибировании слова «гунфу», имеющего десятки смыслов и значений, но в обобщенном варианте означавшего «мастерство», «совершенство», «работу по совершенствованию», «путь достижения мастерства». Поэтому в написанной в

III тысячелетии до н.э. (возможно, сам факт и время рождения этого труда сильно искажены) книги «Гунфу» (а не «Кунфу») перечисляются многочисленные гунфу-практики, далеко не всегда имевшие отношение к физической культуре, объединенные лишь самой общей, традиционно китайской идеей мировой социально-этико-политической гармонии, мистического Порядка, материализованного в Поднебесном государстве «Чжун Го» или «Чжун Хуа». Отсюда некоторая путаница в систематизации и несколько принудительный характер типовой военной соотнесенности гунфу-практик, частичная и поспешная (не конкретно-исторически данная) взаимоподмена народного, религиозно-магического, военно-религиозного типов единоборств и боевых искусств.

Помимо лечебно-терапевтической гимнастики у древних китайцев отмечается наличие систематизированной (уточним, относительно независимой от религиозного культа) военной подготовки, включавшей гонки на колесницах, упражнения по стрельбе из лука, с копьем, по рукопашному бою.

Не полностью и не до конца идентифицированы авторами социальное происхождение и принадлежность боевых танцев, «танцев, исцеляющих бесплодие», так называемых, «танцев умерших», изображающих «подвиги предков» [там же, С. 21]. По роду причин мы бы отнесли указанную танцевальную практику к религиозно-магической сфере социальной деятельности, что, в свою очередь, проясняло бы ситуацию с воспитанием китайских мальчиков в «специальных заведениях», уточняя храмовый монастырский, а не светский государственный характер этих заведений.

Военно-физический профиль древнекитайских игровых практик, например, китайского аналога современного футбола – «чжу кэ» авторами подтверждается, как подтверждается ими и религиозное происхождение «боя с тенью» - основы кулачного боя. Очень верно показано и интерпретировано происхождение культуры ушу, рожденное на рубеже становления религиозно-боевых или военно-религиозных единоборств. Авторы пишут: «Название «ушу» включало в себя два иероглифа: «у» - бой, сражение, и «шу» - священное

искусство, связанное с магическими ритуалами. Большая часть упражнений ушу сочетала в себе элементы тренировки боевых искусств и магические танцевальные композиции, обладающие определенным символическим смыслом» [там же, С. 23]. К сожалению, дальше, описывая эволюцию культуры «ушу» в V–IV вв. до н.э., авторы несколько заблуждаются по поводу размежевания в рамках этой культуры «аристократического» и «народного» стилей. Патернализм, холизм, традиционализм и ритуализм древнекитайского общества стимулировали движение его культуры в несколько ином, нежели на Западе, парадигмальном направлении, не позволяющем противопоставлять друг другу народ и правящую бюрократию. Поэтому, отражая указанный этап трансформации культуры «ушу», следует скорее говорить о разделении религиозно-культовой, военно-прикладной и общественно-государственной практики дальнейшего культивирования ушу. Это же косвенно подтверждают и сами авторы рассматриваемого материала: «Школы ушу приобрели еще большее значение после введения обязательных экзаменов по боевым искусствам для всех, кто претендовал на государственную службу» [там же].

Наконец, мы добрались до анализа физической культуры Древней Индии, наследием которой (часто совершенно не понимая ее корней и основополагающих принципов) наши современники наслаждаются до сих пор. Тем более важно внести ясность по данному вопросу.

Прежде всего, представляется, что анализировать древнюю дравидическую физическую культуру Индии до арийского завоевания, претендуя на достоверность, вряд ли возможно. Понятно, что свои коренные традиции у нее были, но с приходом завоевателей они наверняка запрещались и искоренялись как опасные проявления освободительного движения или просто пассивного сопротивления, как запрещались и искоренялись основывающиеся на данных традициях дравидические религиозные культы. Единственным известным в мировой истории механизмом массово доступной трансформации проигравшей и побежденной религиозной и военной культуры выступает народное (фольклорное) танцевальное искусство, в котором (чаще всего в

скрытой, замаскированной форме) практикуются комплексы находящихся под запретом телесно-двигательных, психофизических упражнений.

Что касается физической культуры древнеарийского или адаптированного под ариев происхождения, то здесь целесообразно высказать несколько принципиальных соображений.

Первое. Ни о каких спортивных состязаниях в данном случае речь идти не может, поскольку состязательность древнеиндийского образца была (и до сих пор) замешана на ведических культурах (гимнах), ничего общего с античной культурой не имеющих. Нельзя «сбрасывать со счетов» и религиозно-магический характер древнеиндийских «эпосов» Махабхараты и Рамаяны.

Второе. Власть священнослужителей-брахманов и воинов-кшатриев имела свои четко очерченные и несмешиваемые области функционирования, поэтому в данном случае:

– говоря о физической подготовке военной аристократии (стрельбе из лука, верховой езде, езде на колесницах, гребле, фехтовании) мы должны подразумевать именно военно-физическое воспитание;

– а рассуждая о содержательном телесно-двигательном наполнении «традиционных религиозных праздников» (состязания по бою без оружия, на колесницах, по танцам, и, возможно, даже по игре в мяч с битой «катхи-ценду»), не стоит забывать об их религиозно-магическом обрядово-ритуальном характере.

Третье. Отдельного рассмотрения требуют и заслуживают социальное происхождение и назначение интеллектуальных игр на досках, например, «чатуранги» (прародительницы современной игры в шахматы). С одной стороны, авторы упоминают, что уже в VII в. до н.э. повсеместно существовал культ этой игры, с другой стороны, сама структура чатуранги (от «чатур» - четыре, «анга» - боевой порядок) указывает на военно-прикладной интеллектуально-стратегический характер игры, в которой в образно-ассоциативной форме представлены четыре главных вида древнеиндийской армии (пехота, кавалерия, боевые колесницы, боевые слоны) [там же, С. 25–26].

Если культово-боевая версия происхождения чатуранги верна, то перед нами не что иное, как одно из первых в мировой истории физической культуры явлений синтетического религиозно-политического игрового характера, подпадающих в современных условиях под критерий спортивно-прикладной, условно-компенсаторной, игровой состязательности.

Характерно, что уже в Древнем Китае и в Древней Индии физическая культура и свойственная ей состязательная практика были обобщены и осмыслены на религиозно-философском уровне. Получили соответствующий духовный заряд и восточные единоборства и различные направления восточного физического воспитания. Интересно, что древняя античная агонально-спортивная традиция на философский уровень так и не поднялась. Хотя античное физическое воспитание в работах античных философов (например, Аристотеля), кстати сказать, было представлено, причем представлено в контексте решения общепедагогических, социальных, этических и эстетических задач.

Здесь мы хотим всем этим сказать лишь то, что в процессе исторической адаптации к спорту как образованию, базирующемуся на более примитивном религиозно-магическом типе мировоззрения, указанные восточные (и западные) направления (институты) физической культуры закономерно должны были нечто «потерять», избавиться, во-первых, от своей религиозной специфики, во-вторых, от присущей им философской составляющей, скатившись к требующемуся в своей спортивной норме мифологическому мировоззрению. Что же им было суждено потерять?

Во-первых, с течением времени, в процессе спортизации, конечно, не сразу, а лишь в XIX–XX веках нашей эры в мировой физической культуре произошла подмена реальных военно-физических прикладных воспитательных систем (заложенных еще в древности, в частности, в Древнем Китае, Древней Индии, Древней Греции, Древнем Риме) на иллюзорно-компенсаторные условно-игровые спортивно-прикладные системы. Во-вторых, в результате отстранения философской основы китайской и древнеиндийской физической культуры в спорте так и не нашли своего, достойного их значимости, применения

ни гигиенические лечебно-профилактические, ни оздоровительно-дыхательные психофизиологические системы статического и динамического характера.

В-третьих, были утрачены древнейшие тотемистические, магические и иные ранние религиозные корни телесно-двигательных практик, которые в древности (II век н.э.) стали основой, например, китайской гимнастики Хуа То «игры пяти зверей».

В результате, с одной стороны, спортсмены утратили системное основание для комфортного мировоззренческого обоснования и сбалансированного самочувствия при активной соревновательной деятельности, отсутствие которого превращает лучших из них в мистиков и неврастеников [Загайнов Р.М., 2005]. С другой стороны, сам спорт стал паразитически использоваться для политически целенаправленного возрождения тотемистических и магических ритуалов фанатов и ультрасс, перед которыми сфера спорта во многом оказывается беззащитной [Алексеев А.Г., Передельский А.А., 2014]. В связи со столь серьезными современными обстоятельствами, представляется целесообразным более детально рассмотреть тотемистический и магический механизм становления древней физической культуры у ряда африканских племен, чей образ жизни, быт и верования до недавнего времени оставались на уровне древнего и древнейшего сообщества, на примере которых мы, следовательно, можем сделать определенные выводы, касающиеся антропосоциогенетического основания процесса эволюции мировой физической культуры.

Найденные в ходе археологических раскопок изображения охоты древнеегипетской аристократии на бегемотов (возраст находок позволяет датировать их, соотнося со второй половиной III тысячелетия до н.э.) уже сами по себе наталкивают на предположение о тотемистических культовых основаниях этой «забавы», ссылая на «спортивный характер» которой в древности имеет смысл лишь при сопоставлении с «утилитарными целями» подобного занятия в более поздние периоды истории Египта [Мельникова Н.Ю., Бондарчук О.А., 2011, С. 58–59].

Тотемистические ритуальные боевые танцы (пляски), групповые охотничьи загоны и ловитвы практиковались у многих древне-африканских племен и народностей: у баккарской народности в Восточном Судане они были связаны с охотой на слонов и страусов, у нуэрских племен в южной части Судана – на гиппопотамов.

В древне-африканской физической культуре имели место пережитки и других ранних религиозных верований: анимизма, фетишизма, шаманизма, культа предков, земледельческих и скотоводческих культов. Например, у тех же нуэров «военный предводитель – гванмуот, как считали соплеменники, был наделен магической силой ушедших в иной мир вождей племени. Он участвовал в военной подготовке молодежи, руководил военными операциями, был мастером владения копьем, которое, согласно легендам, в его руках приобретало магическую силу и обладало чудодейственными свойствами» [там же, С. 63–64]. В племени шилукки – соседей нуэров – считалось, что родовой вождь – реф «носит в себе дух легендарного основателя шилуккского народа ньяканга. Звание верховного правителя переходило от отца к сыну, однако кандидат в преемники обязан был пройти специальные испытания, которые подтверждали его силу, ловкость и выносливость. Испытания проходили публично. Реф мог быть верховным правителем лишь до тех пор, пока сохранял физическую форму на высоком уровне» [там же, С. 64–65].

Как и у других народов мира, у древне-африканских племен существовало два архаичных социальных института (институт ритуально-обрядового посвящения молодежи – «инициации» и институт раздельного полового воспитания и подготовки юношей и девушек в «мужских» и «женских домах» «тайных культовых союзов»). Именно посредством указанных институтов (общих для процесса антропосоциогенеза в целом) осуществлялся исторический переход от древнейших проторелигиозных состязаний к военно-религиозным и военно-прикладным практикам, системам военно-физического воспитания, включавшим ритуальные танцы с гимнастическими и военно-прикладными упражнениями, магические действия и поединки, различные виды бега и

прыжков, поднятие и переноску тяжестей, греблю, плавание, стрельбу из лука, кулачный бой и многое другое. В этом смысле, помимо уже рассмотренных народностей, показательны тайные союзы и общества племен западной Африки от Португальской Гвинеи до Берега Слоновой кости (кпелле, гола, темне, булло, кисси, палу, ландума) [там же, С.65].

С теми же обрядами инициации, племенными домами и тайными обществами было связано возникновение местных видов единоборств (например, борьбы «синь-тин» - у племен Западной и Южной Африки, фехтования на палках, кулачного боя, стрельбы из лука – у других народностей древнейших и более поздних африканских государств Ганы, Мали, Бенина, Йоруба, Дагомеи).

Последнее, что мы считаем необходимым отметить в данном анализе, так это факт исторического первенства всеобщего для ранних культур института религиозной состязательности. Нет, не спорта, а именно религиозно-культурной состязательности, по отношению к которой агонально-спортивные соревнования выступили более поздними и локальными (региональными) формами преемственности. Причем историческое становление последних имело перед собой и впереди себя сформированные на основе древнейшей и древней состязательности институты единоборств и физического воспитания.

Подтвердить и детализировать данное утверждение поможет анализ особенностей исторического развития физической культуры в Древней Греции и в Древнем Риме.

Физическая культура в Древней Греции

Известный отечественный философ спорта В.И. Столяров в своих многочисленных работах определяет спорт как совокупность различных (разнообразных) видов (форм) условного игрового соперничества [Столяров В.И., 2005– 2014]. Естественно, мы приводим здесь не всё, а лишь часть данного им объемного и обстоятельного определения, рожденного в многолетней

дискуссии со сторонниками соревновательного подхода [Матвеев Л.П., 2005; Визитей Н.Н., 2009, 2011, другие]. Однако именно эта, указанная выше корневая основа определения спорта для нас принципиально важна. Попробуем объяснить суть такой степени важности. Историк физической культуры и спорта Б.Р. Голощапов пишет: «Изучение древнегреческой культуры, и физической в том числе, новые данные о сравнительной этнологии и обычаях других наций сформировали убеждение, что элемент соперничества (и в двигательной деятельности в том числе) является универсальным компонентом антропологии человека. Это не только характерная и привилегированная черта древних греков. Соревнование в духовной, интеллектуальной и физической культуре имеет универсальный характер и служит одним из наиболее важных социологических и этнологических принципов развития человеческого общества. Более того, существует мнение, что соревнование (соперничество) должно быть признано в качестве одной из основных черт, присущих человечеству» [Голощапов Б.Р., 2007, С.18].

Не будем привязываться к не совсем точному использованию определенных слов в приведенном фрагменте, но обратим внимание на два момента.

Первое – это некоторое биологизаторство, связанное с попыткой подмены социальных характеристик человеческих отношений на биологические, ведь соперничество присуще и миру животных, в первую очередь, миру животных, из которого происходит человек как биологический вид. Нужно отметить, что из цитаты не ясна позиция самого автора, однако её продолжение «расставляет все необходимые точки». Б.Р. Голощапов пишет: «В самом деле, если двигательная деятельность – это естественная потребность человека, то элемент соревнования, соперничества при выполнении физических упражнений (особенно у детей) должен быть неотъемлемой её составляющей» [там же]. В данном рассуждении нет строгого формально-логического следования, то есть формально оно неправильное, а значит, автоматически исключающее содержательную истинность.

Однако есть смысл опровергнуть одно рассуждение другим рассуждением того же автора: «Физические упражнения древнего человека входили в магический церемониал, обрядовые танцы, посвящения, игры, имитируя трудовые, военные и другие действия. Через них осуществлялась передача опыта в выполнении тех или иных движений (а это уже зарождение элементов физического воспитания)» [там же, С.6].

Вот теперь, на основании вышеизложенного, можно перейти к комментарию другого, на наш взгляд, теоретического просчета Б.Р. Голощапова, а именно: к знаку равенства, поставленного им между терминами «соперничество» и «соревнование» (чего, особо заметим, не наблюдается в работах В.И. Столярова, четко разводящего эти понятия). По нашему мнению, которое мы и пытаемся концептуально обосновать, соревнование не есть эквивалент соперничества, как социальное явление может лишь напоминать биологическую закономерность, но не может в буквальном смысле её повторять, будучи её диалектическим «снятием».

Таким диалектическим «снятием», «отрицанием» принципа биологического соперничества выступает социально-религиозный принцип состязательности, одним из гораздо более поздних и системно завершенных преемников которого опосредованно становится спортивное соревнование, развивающееся и процветающее уже не на уровне ранних религиозных верований и культов, а на уровне сложившихся племенных и национальных религий в эпоху «военной демократии». Посредниками между древнейшими и древними формами культовой состязательности и спортивным соревнованием (в его агональном и коллизеальном вариантах), как уже указывалось, послужили социальные институты единоборств и физического воспитания. Причем, по большому счету, о спортивном соревновании как о таковом следует начинать говорить по мере освобождения спортивной культуры от пережитков религиозно-культового элемента и превращения в относительно обособленную область общественной деятельности и форму производства.

Посмотрим, насколько история физической культуры Древней Греции и Древнего Рима подтверждает высказанное предположение.

Перешедшая к нам по наследству от мыслителей и художников эпохи Возрождения тяга рассмотрения античной (особенно древнегреческой) культуры как «золотого века» культуры Человечества, в частности, выразилась в сильно идеализированных, стилизованных и упрощенных представлениях об этико-эстетическом эталоне человеческой личности, якобы представлявшей собой в Древней Греции гармоничное сочетание телесно-физического и духовно-интеллектуального совершенства. Да, действительно подобный идеал гармоничного человека тогда существовал, но, будучи идеалом, как любой идеал по большей части культивировался в головах философов, нежели соотносился с конкретно-исторической реальностью. В огромной степени сказанное касалось и физической культуры Древней Греции. И дело здесь даже не в том (как полагает Б.Р. Голощапов), что не следует переоценивать положительные качества её культурного наследия, включавшего и сильные и слабые стороны, отразившиеся в современном спорте и Олимпийских играх. Дело в том, что греческая культура (как, впрочем, и римская) не была единой, монолитной. Исходя из этого, невозможно и ненужно пытаться говорить о единой и монолитной основе физической культуры древних греков и древних римлян.

Во-первых, и те и другие строили свою культуру (в том числе и физическую), во многом заимствуя чужие культурные формы и традиции (греки – финикийские, римляне – этрусские).

Во-вторых, социально-этническая, производственно-экономическая и религиозно-политическая история данных древних народов отнюдь не проста и не однородна. Например, в древней истории Греции традиционно выделяются крито-микенский, ахейский, дорийский периоды, сильно различавшиеся по своим социальным характеристикам.

В-третьих, даже описывая отдельно физическую культуру Древней Греции, историки четко разделяют Спарту и Афины, как разделяется спартанский и афинский периоды существования древних Олимпийских игр.

И, наконец, в-четвертых, (это самое для нас главное) историки единодушно различают, даже в чем-то противопоставляют друг другу две области древнегреческой физической культуры: «гимнастику, или общее физическое воспитание, и агонистику – специальную подготовку и участие в состязаниях» [Мельникова Н.Ю., Трескин А.В., 2013, С.24]. Из них только «агонистика включала в себя гимнастические агоны, состязания и мусические соревнования (в области музыки, танцев, поэзии)» [там же, С.25].

Античная гимнастика также не была однородной. Это был целый комплекс, включавший в себя три составляющих: игры, палестрику (собственно физическое воспитание), орхестрику. При этом «Орхестрика сформировалась из ритуальных танцев, тесно связанных с древними обрядами посвящения. К ней относились игры с мячом для развития ловкости, акробатические упражнения, обрядовые, театральные и боевые танцы. Эти движения использовались при совершении культовых обрядов и во время публичных зрелищ, они применялись как вводные и дополнительные к основным при занятиях палестрикой» [Голощاپов Б.Р., 2007, С.14].

«Наиболее важную роль в становлении древнегреческой агонистики... сыграли испытания, связанные с обрядом посвящения молодежи, магические ритуалы. Состязания (особенно первоначально) посвящались богам и были важной частью религиозных обрядов, а не играми с их чисто состязательными (спортивными) целями [там же].

В данном фрагменте Б.Р. Голощاپов снова путается, теперь уже ставя знак равенства между состязательным и спортивным, но религиозная, культовая суть агонов из этого отрывка предельно ясна.

Далее историк отмечает, что «с IX в. до н.э. игры (имеется в виду агонистика – А.П.) начинают превращаться в демонстрацию боевых (военно-физических) качеств рабовладельцев. Другими словами, становятся более атлетическими по содержанию» [там же]. Под атлетическим вырождением историк (как и многие другие философы, социологи, историки спорта) понимает постепенную победу светского начала над культово-религиозным и

нарастающую утилитарность, коммерциализацию, идущую на смену идеалу человеческой гармонии. В подтверждение этой мысли можно привести высказывания и точки зрения древнегреческих поэтов и философов (начиная от Еврипида и Ксенофана, заканчивая Платоном и Аристотелем), подвергавших нарастающий атлетизм насмешкам и откровенному осуждению за однобокость развития, жестокость, недалёкость и жадность древнегреческих атлетов, медленно, но неуклонно становившихся профессионалами.

В данном случае не следует забывать, что насмешки и осуждения ни в коем случае не касались военно-политического сектора физической культуры древних греков, их военно-физического воспитания, которое наши историки иногда слишком поспешно и опрометчиво называют «общим».

В Спарте при этом практиковалось воспитание не только суровое и полностью ориентированное на военно-физическую подготовку, но и довольно одностороннее (в плане акцента на физические кондиции). А в Афинах, несмотря на большую уравновешенность телесного и духовно-интеллектуального факторов в общей воспитательной системе, последняя, тем не менее, также целиком и полностью подчинялась задачам подготовки граждан к военной службе, подчас далеким от идеала личностной гармонии.

И при этом невозможно отыскать в источниках никакого явного осуждения. Почему? Да потому, что ни один общественный деятель в здравом уме не рискнул бы осмеивать и осуждать свое государство, свою армию и свою семью (другое дело – мнение врагов и чужих). А институт древнегреческого физического воспитания как раз охватывал до 7 лет семью, до 20 лет (у спартанцев) – специальные общественные дома, с 7 лет – частные школы и с 16 до 18 лет (у афинян) – государственные школы – гимнасии, с 20 лет (у спартанцев) и с 18 лет (у афинян) – военную службу в структуре эфебии.

Таким образом, в Древней Греции существовала развитая система частного и государственного военно-физического воспитания, кстати, также в определенной части основанная на культах и ритуалах, роль которых в

агонистике неуклонно уменьшалась и выхолащивалась, что, несомненно, воспринималось как святотатство.

Проведенный краткий анализ показывает, что уже в Древней Греции формировалось некое сущностное противоречие между идеальными и реальными формами существования физической культуры. Усугубление данного противоречия было вызвано частично борьбой разных этносов, частично борьбой религиозной и светской власти, частично столкновением и конкуренцией разных (в том числе, противоборствующих) религиозных культов родовых, племенных, национальных религий, вынужденных сосуществовать на территории средиземноморского региона. В результате всего этого сгустка противоречий, побеждает и развивается некое синкретическое агонально-спортивное светское атлетическое начало, образование, в котором экономические и политические составляющие постепенно «берут верх» над культово-религиозными. В немалой степени этой победе поспособствовал развал системы греческого военно-физического воспитания в результате македонских и особенно римских завоеваний, приведших к потере Грецией своей национальной независимости, что, в свою очередь, отчасти было вызвано кризисом эфебии и переходом греков от гражданского ополчения к набору профессионально-наёмнической армии.

Основу данного образования (впоследствии именуемого спортом) составляли особые формы греческой (возможно, не только греческой) состязательности, носившие для древних греков универсальный этнокультурный характер, в полной мере отраженный в древнегреческой мифологии, к которой мы далее и обращаемся в надежде найти более полный и развернутый ответ на интересующую нас тему.

Мифология Древней Греции

Действительно глубокое изучение агонистики (как и римских форм состязательности), на наш взгляд, не может ограничиваться уровнем истории

физической культуры и спорта. Оно должно отталкиваться от установленных фактов из области истории религии и религиозной мифологии Древней Греции, в которых, собственно, и нужно искать глубинные корни происхождения агонистики и спорта в целом.

Именно в греческих мифах следует искать разрешение коллизии между произволом, властью богов и стремлением человека к свободе, самовыражению, разрешению, которое привело к возникновению спорта и спортивного регламента. Соответственно, именно в греческих мифах в специфической форме отражается древнейший период формирования спорта из религиозно-светских обычаев и ритуалов.

Начнем с того, что в античной религиозной мифологии четко просматривается уже не родовое устройство, а социальные отношения, свойственные эпохе военной демократии и ранним формам рабовладения. Зевс – первый среди олимпийских богов – типичный военный вождь, выдвинувшийся в войне с титанами и разделивший власть и сферы влияния с Посейдоном и Аидом. Боги убивают, прелюбодействуют, лишают пищи, что принципиально противоречит трем моральным табу – запретам первобытного общества: запрету на убийство родовича, запрету на вступление в половую связь с родовичем, запрету на явное неравенство или отказ в распределении воды и пищи среди членов рода. Война становится даже уже не промыслом, а обычным делом, смыслом существования, например, таких богов, как Афина и Арес. Боги обрекают друг друга, героев и людей на долгие и мучительные годы рабства (как в случае с Гераклом). Царство Аида – подземное царство душ умерших вообще напоминает рабские каменоломни (миф о Сизифе). Даже боги рискуют быть проданными в рабство простыми смертными (миф о Дионисе и тирренских морских разбойниках). В греческих мифах описано процветание ремесел (миф о Гефесте), торговли и даже воровства (мифы о Гермесе).

Природа как таковая в древнегреческих мифах практически не присутствует: явления и силы природы, представители растительного и животного царства одушевляются, более того, обожествляются. Мир полон

нимфами, дриадами, иными существами, которые испытывают метаморфозы, превращения (мифы о Дафне, Актеоне, Арахне, Нарциссе, Кипарисе). Здесь прослеживается сильное влияние анимистических и тотемистических верований.

Абсолютной неизбежностью наделяется только неумолимая Судьба, но и ее всевластие подчас стараются обмануть или героически изменить, предвосхищая и изменяя неизбежное в узловых точках (миф о рождении Афины из головы Зевса).

Да, действительно в греческой мифологии на долю человека выпадала служба орудийного характера: он был игрушкой и орудием в руках и замыслах враждующих между собой, коварных, хитрых, злопамятных богов. Но описываются случаи, в том числе, и самоволия, гордости, негибамости людей и, особенно, героев, их активного протеста против воли, решения, произвола богов (мифы о Геракле, Прометее, Арахне, соревновавшейся с Афиной, Оте и Эфиальте, пленивших бога войны Ареса, Асклепии, исцелявшим даже мертвых, прочее).

Да, действительно в греческой мифологии человек в отдельных случаях в качестве дара или для исполнения конкретного поручения богов получал магические силы, но они - эти силы – никогда не были неограниченными. Если же люди, герои или титаны превышали данные им богами полномочия, по глупости, жалости, доброте или из-за гордыни начинали мнить себя равными богам, то их ждала и страшная расправа и гибель (мифы о Фаэтоне, Дедале и Икаре, слепом Финее, прикованном Прометее, Одиссее).

В греческих мифах и всесилие и бессилие регулировались, регламентировались понятием справедливости, основанном на представлении о мере, в свою очередь, базировавшемся на определенном понимании закона и порядка, установленных Зевсом, которые никому (ни богам, ни людям) не разрешено было нарушать. Нарушение установленного закона и принятого порядка в мифологии древних греков отражало глобальный политический переворот, смену власти и, собственно, миропорядка (миф о восстании олимпийских богов против Крона и титанов).

Наконец, реальной зависимости от мира древние греки противопоставляли не только свое мифологическое всемогущество. Они реально тренировали себя, чтобы в войне, в ремесле, в спорте добиться богоподобия, стать достойными слугами и проводниками воли, вестниками силы представляемых ими богов. При этом они сохраняли приличествующую смертным, лишенным дара бессмертия и магии, скромность.

Заметим, в древности олимпийские чемпионы назывались не так как сегодня, не олимпийцами (богами), а олимпиониками. Так что современные спортсмены в гораздо большей мере подвержены гордыне в основном мифологического характера, раз в современной мифологии и практике прозываются олимпийцами.

В свете сказанного, нам крайне важно рассмотреть религиозно-мифологическое отражение древнего спорта в древнегреческих мифах и героическом эпосе.

Основным принципом, отделившим в древнем мире спортивную деятельность от любой другой, был принцип соревновательности, по мифологии, присущий поведению бессмертных богов. Олимпийские боги постоянно соревнуются между собой, соперничают в игре, довольно жесткой игре, где гибнут не только люди и герои, но и сами боги. И все-таки для богов вечная жизнь – это постоянное соревнование по определенным (правда, постоянно нарушаемым) правилам. Зевс соревнуется со своей женой Герой, Арес – со своей сестрой Афиной Палладой. В соревнование с богами вступают люди, герои, другие существа: богов невозможно убить, но можно попробовать победить в ходе соревнования. Так, Арахна соревнуется с Афиной в искусстве ткать ткани, сатир Марсий состязается с Апполоном в музыкальной игре (флейта против кифары). Соревнования боги допускают лишь среди равных, иначе их гнев страшен: Арахна превращается в паука, с живого Марсия сдирается кожа. Тем самым олимпийские боги жестоко наказывают за посягательство на их спортивные привилегии. Вступают в борьбу и кулачный бой без оружия также

герои-полубоги (Геракл против Антея - сына Посейдона и Геи, Полидевк – сын Зевса против царя бибриков Алинка).

Только герой Геракл (сын Зевса) и герой Тесей (сын Посейдона) не побоялись эстафету соревнования передать людям, основав различные агоны – священные игры и оставив их как ритуал празднично-зрелищного коллективного жертвоприношения богам.

Устраивались игры-состязания и в честь павших героев. Так Ахилл после похорон Патрокла устроил в честь умершего погребальные игры, в которые входили соревнования на колесницах, кулачный бой, борьба, бег, бой в вооружении, метание тяжелого диска, стрельба из лука, метание копья. Соревнование останавливали и спортсменам присуждали равную награду, если появлялась опасность того, что противники смогут сразить друг друга насмерть.

Наконец, спортивные состязания устраивались в виде брачных игр между женихами – претендентами, например, на право стать мужем Пенелопы. Но и тогда соревнования случались по наущению богов (в данном случае Афины), насылавших на людей гордыню и безумие. Только безумие позволило женихам Пенелопы взять в руки лук героя Одиссея, так и не сумевшим его согнуть и набросить тетиву. Не говоря уже о том, чтобы стрела пролетела через двенадцать колец. Это оказалось под силу лишь герою Одиссею, убившему всех женихов, покусившихся на царский жребий, дающий силу и власть. Заметим, что Сила и Власть - мифические великаны – слуги Зевса, заставившие Гефеста сковать своего друга титана Прометея.

Итак, в древнегреческих религиозно-мифологических источниках – трудах Гесиода, Овидия и, особенно, Гомера уже были отражены основы древнего спорта, неразрывно связывавшие его с религиозно-политической жизнью и религиозными ритуалами греков.

Не менее связанным с религиозно-политической ритуальной практикой древних греков выглядит и религиозно-мифологизированное искусство. Мало того, что в мифах, касающихся искусства четко прослеживаются элементы фетишизма и магии (золотая кифара Аполлона, изобретенная Афиной

тростниковая флейта, свирель Пана, магия песенного дара Орфея – сына речного бога Эагра и музы Каллиопы, способная зачаровать даже брошенный в него камень). Мало того, что в мифах о Гефесте и его искусстве ковать отразился религиозный культ огня и кузнечного дела. В древнегреческой мифологии искусство уже просто неотделимо от образа златокудрого, светозарного бога Аполлона и девяти его постоянных спутниц – дочерей Зевса и Мнемозины – муз. Обратим внимание на протокультурную неразделенность, слитность искусства, науки и ритуальной практики в мифах об Аполлоне и музах. Ведь Аполлона сопровождают не только музы эпической поэзии, лирики, любовных песен, трагедии, комедии, танцев, но и Клио – муза истории, Урания – муза астрономии, Полигимния – муза священных гимнов. Для божественного искусства, как и для божественного спорта, приличествует дух и практика соревновательной деятельности (миф о музыкальном соревновании Аполлона и Пана). Истинное искусство заставляет забыть раздоры, остановить военные действия. Даже в сонме олимпийских богов под звуки кифары Аполлона и пение его муз воцаряются мир и тишина. Обращает на себя внимание корневое религиозно-мифологическое родство спорта и искусства, их протокультурное переплетение между собой. Итак, в древнегреческих мифах религиозный культ, спорт, наука, искусство подаются в единстве, допускающем их метаморфозы, взаимные превращения.

Физическая культура в Древнем Риме

Физическая культура Древнего Рима прошла не менее сложный эволюционный путь, чем физическая культура Древней Греции, и по вполне сходным причинам. Обстоятельства эволюции этих двух поистине родственных (несмотря на различные культово-религиозные и социально-политические особенности) культур «сводят на нет» все попытки упрощённого противопоставления греческой агонистики и римского спорта, заставляют

взглянуть на них как на диахронно развивавшиеся феномены, если не одного, то всё равно очень близкого порядка.

Начнем с того, что физическая культура Древнего Рима ещё менее однородна и так же, как греческая, развивалась не совсем и не только на своей социально-этнической основе. Как и население Древней Греции, римскую народность создавали три основных племенных союза (этрусков, латинян, сабинов), причем под эгидой более древней цивилизации государства Этрурии. Только в конце VI в. до н.э. Рим принял республиканское правление взамен этрусской царской династии Тарквиниев.

Именно от этрусков, по свидетельствам историков, римляне переняли искусства, алфавит, письменность и ... спортивные состязания [Петракова В.Е., 2010, С. 27]. Правда, вопрос, собственно, о спортивности этих состязаний несколько спорен, хотя этруская аристократия, наряду с ритуальными состязаниями и военно-физическими упражнениями, практиковала атлетизм, борьбу, игры, заезды колесниц, танцы не только на религиозных церемониях, но и во время царских пиров, на все этрусских (религиозных) праздниках с массовыми ярмарками, на которых собирались двенадцать племен этрусков, составивших политический союз или Лигу. Иначе говоря, уже тогда, задолго до Императорского Рима, физические игры и забавы воспринимались определенной частью населения полуострова как «спортивные» (буквально, как «развлечения»). Этот вывод подтверждается настенной росписью гробниц города Тарквиния.

И всё-таки спорт как таковой (прообраз античного спорта) не составлял ядра этрусской физической культуры. Это ядро было представлено играми и танцами ритуального, культового происхождения, а также военно-физической подготовкой (воспитанием).

Состязания, проводившиеся во время религиозных церемоний союза городов во главе с Альба Ланга (VII в. до н.э.), устраивались общими храмами, «были тесно связаны с ритуалами, призванными обеспечить плодородие, успех в бою, с остатками тотемизма, родовыми культами, поклонением семейным

божествам и почитанием предков. В программу состязаний входили бег, гонки колесниц, фехтование и борьба» [там же, С.34]. Естественно, в подобных состязаниях принимали участие только свободные граждане. Соседи могли быть лишь гостями.

От этрусков римляне, имевшие с ними сходные культурные характеристики, получили в наследство и ритуальные гладиаторские бои, «история которых восходит к погребальным играм» [там же, С.33].

Военно-физическое воспитание этрусской молодежи и воинов также носило религиозно-магический характер и сопровождалось ритуалами, которые «должны были привлекать внимание и завоевывать расположение богов войны» [там же, С.31].

По мере отмирания религиозных празднеств Этрусской Лиги, состязания всё больше и больше принимали военно-прикладной характер, сущность и статус военных игр, сохраняя при этом и ритуально-символическое значение. Так «Троянские игры» патрициев, которые «устраивались перед боевыми походами, по случаю победы или принятия присяги», включали боевые пляски, состязания колесниц, конные скачки [там же, С.34]. В этом «Троянские игры» напоминают Олимпийские игры спартанского периода.

Вообще историки постоянно обращают внимание на то, что «физическое воспитание в Древнем Риме преследовало чисто практические цели», что «оно носило преимущественно военно-прикладной характер и в этом смысле было похоже на спартанское» [Голощапов Б.Р., 2007, С. 18]. Как мы показали выше, это не совсем так, то есть сходство, конечно, имеется, но переоценивать его не стоит.

По мере роста имущественного неравенства между патрициями и плебеями последние, имея гражданские права и пополняя римскую армию, стали проводить собственные игры, однотипные с патрицианскими.

Постепенно ориентация на захватнические войны меняет облик римской физической культуры. Сначала она максимально милитаризируется, затем военная подготовка профессионализируется, перекачываясь в легионы, куда

молодежь поступала в 16-17-летнем возрасте, уже получив базовую военно-физическую подготовку в семье под надзором отцов. Свободные граждане «уходят с арены цирков в военные лагеря», хотя Плебейские и Аристократические игры еще продолжают устраивать, включая в них культовые состязания, шествия и жертвоприношения. Неоднократно делались попытки перенести из Олимпии в Рим и Олимпийские игры, но неудачно: «аристократия «Вечного города» не принимала греческую гимнастику, считая ее бесполезной и даже порочной. Они (аристократы – А. П.) видели в ней опасность развращения молодежи, приучения ее к праздному (читай – спортивному – А.П.) времяпрепровождению в гимназиях за бесцельными упражнениями, опасность падения нравов и крушения мощи государства» [Петракова В.Е., 2010, С.40]. То есть свободными гражданами и для свободных граждан воюющего Республиканского Рима лишенный религиозно-культового характера спорт как праздное и общественно бесполезное занятие не признавался. Что же произошло далее?

А далее «основанная на военной диктатуре империя положила в конце I в. до н.э. конец полувековому внутреннему кризису. Окончание гражданских войн и обеспечение внутренней безопасности создало условия для почти двухсотлетнего мирного развития экономической и культурной жизни» (внутри расширяющейся Римской империи – А.П.) А переставшая (в связи с реформой Мария по созданию во II в. до н.э. профессиональной наемной армии) жестко ориентироваться на военно-прикладные задачи «физическая культура стала выполнять развлекательные функции» [там же].

Место свободных римских патриотов в цирках заняли рабы-гладиаторы и помилованные преступники. Но не только они. Недаром историки «расходятся во мнениях по поводу «жалкой судьбы» несчастных гладиаторов». Для многих из этих «несчастных» судьба была более, чем благосклонна. «Гладиаторами становились не только по принуждению рабовладельца или по приговору суда к арене, но и абсолютно добровольно, в погоне за приключениями, славой и богатством» [там же, С. 44]. Удачливые гладиаторы получали денежные призы,

проценты от ставок, давали платные уроки фехтования, становились ланистами. Причем, по доказательному объяснению В.Е. Петраковой, очевидно, что получение полного освобождения и восстановления в гражданских правах для римских преступников и рабов было скорее не исключением, а распространённым правилом, имевшим свои условия и сроки. Гладиаторство как популярный вид спорта было профессией и профессией весьма прибыльной.

Другим популярным у римлян видом спорта выступали состязания колесниц. В этой области у римлян сформировались целые спортивно-политические фракции или партии белых, красных, синих, зеленых, превратившие цирковые зрелища «в своеобразную арену политической борьбы». Заезды колесниц в Риме превратились не просто в профессиональное занятие, вокруг них оформился целый высоко прибыльный бизнес, позволявший даже возницам наживать значительное состояние и делать социальную карьеру.

С конным спортом были связаны детские (до 11 лет) и юношеские (до 17 лет) состязания всадников по акробатике и тому, что в будущем назовут джигитовкой.

Итак, физическая культура Древнего Рима проделала долгий путь, полный метаморфоз: от ритуальных единоборческих состязаний – к военно-физическому воспитанию, от последнего – к праздному спортивному зрелищу, от праздного спорта – к политике и бизнесу (механизму наживы). От политики и бизнеса оставался один шаг к государственному религиозному культу обожествления императоров и превращения в арену политической борьбы за высшую власть, в которой простой народ стал простой марионеткой, покупаемой за организацию бесплатных кровавых развлечений, массовых раздач продовольствия и вина, то есть за комплекс натуральных благотворительных пожертвований, названный в истории «хлебом и зрелищами». И этот шаг был сделан уже во времена Суллы и Нерона.

Если, сравнивая древний и современный спорт, мы «на опережение» заглянем несколько вперед, то увидим, что, кроме первого этапа, они удивительно похожи между собой во всех основных фазах своей эволюции. Да и

отсутствие первичного этапа религиозного культа можно принять не за абсолютную, а лишь за относительную истину.

Физическая культура в эпоху Средневековья

Несмотря на то, что агонально-спортивные традиции Античности в Западной римской империи были во многом насильственно прерваны в IV веке н.э. в связи с варварскими завоеваниями и последующей христианизацией Западного мира, в Восточной римской империи они еще продолжали свое существование как минимум до VII века н.э., то есть дожили до периода раннего Средневековья. В этот период Византийская Империя уже узнала военную мощь славянских дружин, представители которых по сути находились на этапе разложения родового строя и создания общества военной демократии. Таким образом, вариант взаимообмена и преемственного влияния в области, в частности, физической культуры у средневекового греко-римского и у, собственно говоря, еще древнеславянского общества в истории существовал. Поэтому, признавая имеющую в данном случае формационную диахронность, мы начнем сравнительный анализ средневековых образцов физической культуры с культуры славян до IX–X вв. н.э. включительно.

Как уже отмечалось выше, у племенных союзов антов и вenedов, давших (в дальнейшем выделившуюся и обособившуюся) ветвь восточных славян, уже в первых веках нашей эры наблюдался переход к военно-демократическому обществу, однако для их физической культуры данного периода принцип имущественного разделения еще не был характерен, поэтому здесь можно говорить о процветающей (по необходимости военно-политического свойства) системе практически всеобщего и непрерывного физического воспитания, распространяющегося, по крайней мере, на мужскую часть свободного населения. Понятно, что имеется в виду четко ориентированная на военные набеги и оборонительные действия система, прежде всего, военно-физического

воспитания. «Славянский мальчик с юных лет знал, что он должен вырасти воином» [Леонтьева Н.С., 2010, С. 55].

Вместе с тем, физическая культура восточных славян не была однополярной. «Наряду с массовыми и религиозными широкое распространение получили военные игры» [там же]. Например, обряд инициации славянских юношей «постепенно преобразился в игрища, посвященные языческим богам: Перуну, Триглаву, Святовиту,

Сварогу, Хорсу, Дажьбогу, Стрибогу и другим. Игрища носили соревновательный характер» [там же, С. 57].

В приведенном фрагменте, на наш взгляд, закрались две неточности, граничащие с ошибочным толкованием. Первое. Кроме Перуна (на счет этнического происхождения его последователей историки, кстати, до сих пор до конца не определились) остальные перечисляемые боги, по большому счету, военными богами не считались и, выполняя приписываемые им функции защиты и покровительства родов и племен, воинских генераций, религиозно – боевых братств не создавали. Хотя тайные союзы, мужские дома для подготовки молодежи к обряду инициации и, далее, к военной защите территории рода они, несомненно, имели. Вот культ Перуна действительно был ярко выраженным воинским культом, сплотившим воинские дружины северных славянско-варяжских племен.

Перуну поклонялись члены боевого братства варягов (до сих пор не идентифицированных окончательно на предмет их социально-этнической или чисто военно-религиозной организации). Приблизительно таким же братством выступали скандинавские воины-викинги, практиковавшие военный культ бога Одина.

Второй неточностью указанного фрагмента следует считать упоминание спортивного характера восточнославянских физических «игрищ». То, что они, будучи религиозно-оформленными, носили состязательный характер, сомнений нет. Однако к спорту их отнести трудно, причем не только по религиозно-политическому признаку (культовое ядро славян явно никак не совпадает и не

пересекается с культовым ядром греко-римского сообщества), но и по формально-светскому признаку (у славян описываемого периода еще не могло быть «праздного» класса. широкой социальной группы. которая культивировала бы спорт как развлечения и/или механизм внутренней политической борьбы). Хотя, очевидно, в результате военных походов восточных славян в Грецию и на Крит, ими была заимствована «тавромахия» – культовые игры с быком, заключающиеся в акробатических прыжках через голову и круп бегущего животного [там же, С. 58.].

Другой фрагмент цитируемого автора, будто «по итогам состязаний, проводившихся на игрищах, победители становились членами княжеских дружин без обязательных испытаний, которым подвергались молодые воины, желающие вступить в дружины» [там же], также не совсем точен и нуждается в комментарии. Дело в том, что институт княжеских дружин имел три взаимосвязанных звена: отроки, гриди (гридни), воинская старшина (десятские, сотские, тысяцкие). Первые два звена составляли младшую, а третье – старшую дружины. Отдельные внеочередные перемещения, как и в любой другой системе иерархических групп, в дружине, конечно же, имели место, но противопоставлять итоги состязаний обязательным испытанием не очень уместно, по той простой причине. что эти состязания и выступали необходимой частью обязательных испытаний. Окончательный вердикт выносила война, воинская деятельность – быть или не быть «опоясанным гридем», войти или не войти в состав старшей дружины.

Еще одной (на этот раз грубой) ошибкой является попытка многих авторов позиционировать рукопашный бой как обязательную, да еще и активно применяемую в боевых условиях, часть воинской подготовки восточных славян.

Древний и средневековый славяно-восточно-скандинавский религиозно-боевой институт единоборств в своей основе был оружным (работа с оружием) и не предполагал безоружного рукопашного боя. Оружие было прерогативой свободных людей, а каждый свободный представитель славянских племен (кроме невоинских жрецов) по необходимости либо был воином, либо «начинал»

как воины (независимо от его основного социально-производственного занятия и статуса).

Поэтому упоминание, будто славянское воинство закрепляло успех боя рукопашной схваткой» [там же, С. 60], не соответствует исторической достоверности. Это принципиальное возражение, ибо оно влияет на характеристику всего восточнославянского физического воспитания, которое было именно военно-физическим с ритуальным элементом, а не общефизическим. Соответственно, виды и комплексы упражнений были подчинены требуемым навыкам по владению определенными типами и видами вооружения (метательным, колюще-рубящим, для конного или для пешего бойца), а также по характеру ведения боевых действий (наступательный, оборонительный, на суше, на воде, в условиях леса, степи, лесостепной зоны, при взятии города, на открытой местности). Отсюда (если не брать фольклорную культуру «Петрушки», то есть ярмарочно-балаганных, празднично-оборонческих единоборств, танцев и народных игр) легко идеально реконструировать весь состав (наполнение) программы физической подготовки славян. В эту программу входили: упражнения с разнообразным оружием на выносливость;

- плавание, гребля, ныряние, военная гимнастика и акробатика, то есть виды. без которых воин не имел права сесть за весло лодьи;
- бег, прыжки и прыжки с шестом, метание, поднятие и переноска тяжестей (бревна, камня), катание на лыжах, санях);
- конная езда и джигитовка;
- игры («ходьба и бег на ходулях», «городки», «взятие (оборона) ледового городка», «чур» (подобие хоккея), «конный бой»).

Воинское (военно-физическое) воспитание начиналось очень рано – с трех-четырех лет и продолжалось практически до окончания жизни. Причем это же во многом касалось и некоторых славянских женщин-воительниц, которые в войске не были исключением, хотя не были и правилом. Иначе говоря, шанс на

получение воинского воспитания изредка имели представительницы знатных воинских родов (свои и удочеренные).

Эффективность системы физической культуры восточных славян до нашей эры подтверждается успехом их военных кампаний 584, 610 – 626, 860 годов, походами Аскольда, Олега, Игоря, Святослава, Владимира.

Физическая культура средневековой Европы, естественно, в первую очередь, должна рассматриваться при анализе эволюции агонально-спортивной традиции с древности до наших дней. И не так уже важно, что европейское Средневековье знаменует собой кажущийся разрыв в указанной традиции, потому что диалектически средневековая физическая культура – это «первое отрицание» физической культуры Античности. Без понимания сути эволюционных процессов, происходивших в Средние века на Западе, было бы затруднительно правильно понимать и интерпретировать ремикс агонально-спортивной традиции в Новое время и в Новейшей истории, представляющий собой «второе отрицание» единого диалектического процесса развития мировой физической культуры, характерной для современной цивилизации.

Физическая культура средневековой Европы в системном выражении имела жесткие сословно-классовые ограничения, сугубо военно-прикладное значение и ярко выраженную религиозно-церковную ориентацию. По большому счету, речь может идти лишь о рыцарском физическом воспитании. Другими составляющими рассматриваемой физической культуры, например, практиковавшейся в лагерях чешских «гуситов» или у английских йоменов, в силу их относительной бессистемности и исторической пространственно-временной локальности, по нашему мнению, вполне можно пренебречь, хотя в истории эволюции института единоборств свою роль эти народные (оборонческие и праздничные) формы все-таки играли. К примеру, чешские табориты практиковали использование в бою целого ряда сельскохозяйственных орудий, очень напоминая этой особенностью и направленностью своей борьбы средневековых мастеров «окинава-тэ» (единоборства окинавских крестьян, успешно противостоящего японскому джиу-джицу, культивируемому

самураями – завоевателями). Точно также и подготовка чешских таборитов Яна Жижки довольно долго «брала верх» над выучкой сборного состава рыцарских отрядов (не путать с самими рыцарями).

Искусство боя на шестах и стрельбы из луков английских свободных (вольных) стрелков, в свою очередь, напоминает искусство китайских монахов и японских самураев, о которых пойдет речь далее. Но, к сожалению, искусство и так не имевшее широкого распространения, было отодвинуто «на второй план» огнестрельным оружием на несколько веков раньше, чем на Востоке.

Обратимся к системе физического воспитания рыцарства, в силу вышеуказанных причин имевшего почти монополию на развитие. «Военно-физическое воспитание будущих рыцарей начиналось с 7 лет, обычно при дворах крупных феодалов. Замки сюзеренов выступали прообразом школ для молодых феодалов. Однако, и это естественно, подобные «школы» не были государственными, а скорее, частными семейными» [Петракова В.Е., Леонтьева Н.С., 2010, С. 74]. Система имела три концентрически повторяющие друг друга ступени: паж (с 7 до 14 лет), оруженосец (с 14 лет до 21 года), рыцарь (с 21 года или «как повезет»). Третья ступень была сугубо индивидуальным обучением и только для избранных, как правило, феодалов с крупным состоянием.

Однако нам интересно другое, а именно то, что в процессе своего развития данная система практически создала необходимые условия для возникновения современного спорта, причем и как религиозного состязания и как развлечения для имущих классов и сословий, которое вызывало большой интерес и у простого народа. Попробуем это показать.

«Одна из глав очерка «Германия» римского историка Корнелия Тацита начинается так: «Их (германцев) зрелища на всех собраниях одни и те же: обнаженные юноши прыгают с разбега меж врытых в землю мечей и смертоносных фрамей (копий – А.П.). Привычность этой игры сделала ее искусством, и искусство придало изящество этому зрелищу, которое никогда не вознаграждается: их дерзкая ловкость требует лишь одной награды – удовольствия зрителей». Подобные игры, связанные с инициациями, по мере

христианизации Европы преобразовывались в рыцарские турниры» [там же, С. 78]. Таким образом, «рыцарская физическая культура создала особую форму военноспортивных состязаний – турниры» [там же].

Это были именно состязания, поскольку носили характер «божьего суда», напомним, исторически первой социальной формы единоборческого поединка. И это первое.

С другой стороны, Католическая церковь «запрещала турниры... под предлогом, что эти праздники отвлекают рыцарей от крестовых походов и требуют чрезмерных затрат, которые целесообразнее использовать на войну с неверными» [там же, С. 80]. Этот фрагмент, приводимый авторами по факту запрета турниров Папой Иннокентием IV на Лионском соборе в 1245 году, в том числе отображает и борьбу Церкви с военнорелигиозным культом рыцарства, порой охватывающую целые государства и могущественные рыцарские Ордены (генерации, союзы). Это второе.

«Короли также часто выступали против посвящения дворян в рыцари во время турниров, не желая, чтобы победа в настоящем бою давала победителю право получения рыцарства» [там же]. Авторы упоминают один из подобных случаев, когда Филипп II Август в 1209 году заставил своих детей дать клятву, что они не будут участвовать в турнирах. Данный факт отражает понимание представителей власти, основанной на военной силе, реальную направленность турнирной подготовки рыцарей, ослабляющей, в итоге, эту воинскую силу (очень характерная ремарка в адрес современной военно-спортивной прикладности спортивных единоборств). Иными словами, подготовка к турнирам соотносилась с реальной боевой подготовкой рыцарей как подготовка гладиаторов в Древнем Риме соотносилась с боевой подготовкой легионеров, то есть в лучшем случае это было соотношением иллюзорно-компенсаторной модели к действительному оригиналу-прототипу. И это третье.

«Средневековые турниры можно назвать регламентированными спортивными состязаниями, так как их всегда возглавляла судейская коллегия, состоявшая из старших и наиболее опытных рыцарей... Турнирные судьи строго

свели за соблюдением правил турнира, объявляли победителей и награждали их призами» [там же, С. 80–81]. А вот и форма типичного спортивного соревнования – спортивный регламент и судейская бригада. Это четвертое.

Наконец, участники турниров сражались, используя специальное «куртуазное» (затупленное, лишённое боевых качеств, снабжённое предохраняющими контурами) оружие, давая при этом клятву, что не помышляют о крови и мести, а выступают исключительно из соображений «владения воинским искусством» [там же, С. 79]. Перед нами зачаточные формы имеющих в современном спорте широкое распространение и признание принципов гуманизма, честной игры, спортивной борьбы. Это пятое, но не последнее.

Скучающие и ищущие развлечений феодалы не ограничивались турнирами. Они много охотились, занимались дрессурой собак, соколов, лошадей, боролись (жестко и мягко), фехтовали, бегали и прыгали, плавали – иными словами, культивировали виды физического воспитания и единоборств, которые в XIX веке благополучно превратились в виды спорта.

Эпоха рыцарства породила массу игр, развлечений, в которых оттачивались как навыки турнирной подготовки («квинтина» – игра со специальным тренажером – манекеном, крепящимся на вертикальном шесте и способным «дать сдачи» в случае неточного удара копьем), так и навыки групповой борьбы (боя) представителей средневековых городских цехов против отрядов бродячих рыцарей («суль» – прообраз современного футбола).

Из походов в восточные и азиатские страны рыцари привезли конное поло и шахматы.

«Любимое развлечение рыцарей – метание камней после появления метательных орудий начинает терять связь с военным делом, а в XII–XIII вв. начинает использоваться только как средство развития силы» [там же, С. 87]. Похожая судьба сложилась со стрельбой из лука, вольной борьбой, фехтованием, в которых накапливались приемы и правила, характерные для их современных спортивных аналогов. Популярностью у рыцарского сословия пользовались

танцы и игры с мячом, например «же де пом» («игра с яблоками» – прообраз современного тенниса).

Итак, рыцарская система физического воспитания фактически создала весь арсенал видов, в дальнейшем названных любительским или аристократическим спортом. Осталось их лишь спортизировать, для чего начали складываться благоприятные условия: «Эпоха рыцарства пришла в упадок в XVI в.; к этому времени появились порох и огнестрельное оружие, наемные войска (ландскнехты). Как следствие рыцарская система физического воспитания стала архаичной, не соответствовала современности и изжила себя» [там же, С. 93]. В этом фрагменте авторы сделали не совсем верный, по существу развития физической культуры, вывод. Изжило себя и стало архаичным не физическое воспитание рыцарей, а само рыцарское сословие. Как раз рассматриваемая система военно-физического воспитания стала эволюционировать дальше, сыграв роль переходного мостика к современному спорту. Данный факт наверняка заметили авторы анализируемого материала, раз и они, в конце концов, пришли к единственно правильному (хотя и не совсем полному) выводу о том, что «рыцарские турниры, по сути, явились предшественниками будущих спортивных состязаний» [там же, С. 95]. Однако следует добавить, что в ходе трансформации была сохранена и развита форма турниров, но было потеряно во многом их духовное содержание, кодекс рыцарства, а также весь пласт изящной средневековой куртуазности, напоминающей мусическую составляющую Олимпийских игр древности (танцы, манеры, поэзия).

Другим предшественником современного спорта (или его определенной части) стала культура средневековых восточных единоборств, понесшая в ходе своей аналогичной трансформации такую же духовную потерю (мусического начала и кодекса воинов-самураев). Однако, в отличие от Европы, на Востоке, например, в Японии, также вступившей в эпоху феодальных отношений и вышедшей из нее гораздо позже, система военно-физического воспитания просуществовала вплоть до конца XIX века, несмотря на применение и начало

относительно широкого производства огнестрельного оружия уже с середины XVI века. На это есть ряд причин.

Во-первых, «по сравнению с Европой японский феодализм характеризуется значительно большей многочисленностью военного дворянства. В XVI–XVII вв. сословие самураев насчитывало около 2 миллионов человек, т.е. примерно десятую часть населения страны. В европейских странах число рыцарей, как правило, не превышало 1-2 процента от всего населения» [Мельникова Н.Ю., Трескин А.В., Абиев Р.Д., 2010, С. 97].

Во-вторых, жесткое сословное деление в Японии установилось лишь в конце XVI века, точнее, в 1591, когда был узаконен факт наследственности самурайского звания и запрещены межсословные переходы. Самураи стали единственным и единственным воинским сословием всадников-дворян, сформировавших японский институт рыцарства. Напомним, что английское *chivalry* («рыцарство»), французское «шевалье» «кавалер», русское «кавалерия», немецкое «ritter» (русский эквивалент – «рыцарь») – это разноязычные слова, означающие – «всадник» [там же, С. 112].

В-третьих, как уже отмечалось, отношения между христианской церковью и европейским рыцарством не всегда были равными. «Равновесие между основами христианства, фундаментом которого были мир и любовь, и рыцарями, чьим основным делом была война, было очень хрупким. Однако церковь благословила оружие и окружила рыцаря священным ореолом. Нравственное начало христианских традиций связано с жертвенностью личности ради духовного спасения человечества, обращенного в христианскую веру» [там же, С. 112].

У японских самураев личная жертвенность была представлена и обставлена не менее пафосно, но предназначалась она исключительно для сюзерена – господина.

Кроме того, Бусидо («Кодекс чести» самурая) очень органично «лег» на традиционные для Японии религиозные системы синтоизма и буддизма. Дзен-буддизм вообще фактически стал религиозно-философским ядром Бусидо,

помог «разрешить нравственное противоречие между насилием и буддизмом» за счет апелляции к опустошенному или пустотному сознанию, состоянию, в котором самурай действует, лишь подчиняясь мировой гармонии и объективному порядку вещей [там же].

В-четвертых, военно-физическое воспитание японцев основывалось на древнем институте боевых единоборств, по сути, им и являлось, так как сражение японских самураев всегда разбивалось на парные поединки с последовательным выбыванием участников. Военно-единоборческим трофеем всегда выступала отрубленная голова уважаемого и доблестного противника. Интересно, что в войне с монголами японцы были шокированы анонимностью трофеев «варваров», отрезавших лишь уши поверженных врагов.

Итак, институт единоборств, национальные религии, восточный культурный ритуализм, традиционализм и изоляционизм, о которых, помимо нас, упоминают многие авторы, укрепили систему военно-физического воспитания японцев, закалили ее, сделав менее уязвимой перед лицом промышленной революции и капитализации общества. Но, в итоге, даже всего этого не хватило, чтобы устоять перед глобальной спортизацией данной физической культуры в XX веке. А японский (как и европейский) вариант состязательности послужил в этом процессе не помехой, а скорее благоприятным обстоятельством. Чтобы во всей полноте осознать данный факт, необходимо обратиться к анализу эволюции сферы физической культуры в Новое время.

Физическая культура в Новое время

По сути дела, указанную эволюцию можно разбить на два основных этапа (фазы):

– образования и развития национальных систем физического воспитания в Новое время;

– их последующей исторической спортизации, оформления как направлений и видов спорта.

Начавшиеся в XVII веке буржуазные революции, положившие конец эпохе феодализма и поднявшие к кормилу государственной власти буржуазию, создали производственно-экономические и военно-политические условия, потребовавшие развития и систематизации национальных сфер физической культуры. Новые условия потребовали и их идеологического обоснования, а последнее, в свою очередь, озаботилось созданием новых устойчивых и перспективных форм продвижения физической культуры. В роли идеологического лидера в данном случае выступали социально-педагогические идеи и концепции философов-просветителей Джона Локка, Жан-Жака Руссо, Иоганна Генриха Песталоцци. Главным институтом физической культуры в Новое время стал (вернее продолжал оставаться) институт физического воспитания, подхвативший и переработавший содержание средневековых систем военно-прикладной подготовки, подведя их под относительно новую форму – форму гимнастических комплексов. Правда «гимнастика к концу XVIII века еще не определилась как специфическая форма организации физического воспитания, а включала все известные в то время элементы физического воспитания человека: ходьбу, бег, прыжки, плавание, метание, борьбу, фехтование, бег на коньках, игры и т.д.» [Поликарпова Г.М., 2012, С. 87].

Целенаправленный импульс к системной самоорганизации национальных гимнастик обеспечили философско-педагогические теории. Значительный вклад в указанное теоретическое осмысление, например, внесла книга Джона Локка «Некоторые мысли о воспитании», ориентированная на военно-физическое воспитание джентльменов (деловых людей), то есть дворян и буржуа. Чтобы в нужный момент превратиться в хорошего солдата, по убеждению Локка, джентльмен должен иметь сильную волю, характер, нравственную основу дисциплины, что воспитывается жестким режимом, закаливанием организма, телесным воспитанием при занятиях плаванием, фехтованием, верховой ездой, при увлечении гребным и парусным флотом. Это и понятно, ведь Англия в то

время уже претендовала на роль ведущей морской державы и стратегически планировала ведение военных действий именно на море.

Одновременно Локк прорабатывал вопросы сочетания умственного и ремесленноручного труда, семейного воспитания и теорию активного отдыха, в основе которого он видел укрепление телесного здоровья. В последнем случае Локк, отталкиваясь от не совсем верного перевода изречений древнеримского поэта Ювенала, создал клише «в здоровом теле – здоровый дух». На самом деле, у самого Ювенала, рассматривавшего тему божественного произвола и судьбы, эта мысль звучит иначе: «Чтоб бодрый дух был (оставался) в теле здоровом... нужно молиться богам».

Джон Локк, что для нас особенно интересно, требовал обучать детей практически полезным вещам, превратив процесс обучения в игру и развлечение.

Велико влияние на развитие теории физического воспитания Жан Жака Руссо, который в сочинении «Эмиль, или о воспитании» изложил свой проект воспитания детей в контексте идей естественного права, то есть ратовал за соответствующее, следующее природе свободное воспитание, делая при этом акцент на развивающие здоровье и силу телесные упражнения. Без этого Руссо не видел возможности развивать ум и рассудительность.

«В физическом воспитании Руссо рекомендовал применять соревновательный метод, предлагал проводить национальные праздники, включая в программу массовые спортивные состязания и игры» видело в этих праздниках «важные средства развлечения и национального единения» [там же, С. 90].

«Первым из педагогов предложил своеобразную классификацию физических упражнений в зависимости от движений в суставах» швейцарский ученый Песталоцци в работе «О физическом воспитании как основе опыта построения элементарной гимнастики, содержащей последовательный ряд физических упражнений» [там же, С. 91].

В своей «Элементарной гимнастике» Песталоцци учитывает организацию производительного труда, режим, специальные физические упражнения, игры,

пешие прогулки, катание на лыжах и коньках, плавание – как факторы, обеспечивающие высокий уровень физического развития, наряду с военными занятиями.

А вот его последователь Франциско Аморос уже четко и сфокусировано использовал гимнастику Песталоцци в целях военно-физической подготовки испанских солдат, заложив систему французской естественно-прикладной гимнастики. Но об этой системе речь пойдет несколько позже.

Влияние идей Песталоцци проявилось не только во Франции, но и в Германии, где Иоганн Бернхард Базедов открывал частные благотворительные «школы друзей человечества», «школы человеколюбия» или «филантропины» с преподаванием, в том числе, и физических движений. Учителя этих школ Герхард Ульрих Антон Фит и Иоганн Христиан Гутс-Мутс предприняли шаги в отношении систематизации физических (гимнастических) движений. Фит в работе «Опыт энциклопедии физических упражнений» выделил пассивные (с помощью предметов: поднятие тяжестей, стрельба, фехтование, верховая езда) и активные (простые движения тела: ходьба, бег, прыжки, плавание, танцы) упражнения. Гутс-Мутс построил гимнастическую систему на основе греческого пятиборья (бег, прыжки, метание диска и копья, борьба). В своих трудах «Гимнастика для юношества», «Гимнастическое руководство для сынов отечества» он уделил внимание режиму гимнастов, подготовке к упражнениям, играм, строевым упражнениям. Разработал технику упражнений на снарядах.

Таким образом, первоначально гимнастика создавалась педагогами в качестве всеохватывающей области физического воспитания, но в стороне от государственной политики. Питавшие ее гуманистические и просветительские идеи носили еще абстрактный, социально-политически не очень четко выраженный характер.

Положение с гимнастикой в корне изменилось, вернее, определилось после Наполеоновских войн начала XIX века. «Почти во всех капиталистических странах стали создаваться национальные системы физического воспитания» [там

же, С. 95] и все как одна они были ориентированы на военную подготовку. Полицарпова Г.М. предельно точно и четко объясняет данный феномен:

- поражение наполеоновских войск в России специалисты, не желающие признать превосходство русского оружия, списывают на «физическую неподготовленность» французов. Отсюда вывод о важности физической подготовки, наряду со специальной военной выучкой;

- Наполеон ввел широкий социальный призыв населения в свою армию, тем самым массовостью задавив малочисленные профессиональные армии соперничавших с ним стран, в которых срок службы мог равняться 25 годам. Этим резервистам обучить стрельбе и строю можно было относительно быстро, но физически готовить их было необходимо загодя, еще в подростковом возрасте;

- системы военно-физического воспитания создавались как системы гимнастические, потому что «гимнастика дает возможность точно воздействовать на ту или иную часть тела или обучить конкретным двигательным навыкам и умениям, и кроме того она больше соответствовала способу ведения боя в те годы» (речь идет о тактике линейного строя – А.П.) [там же, С. 96].

- гимнастика развивает все физические качества, учит однообразию действий и четкому выполнению команд, но цели может ставить разные, что и было продемонстрировано гимнастическими системами Пруссии, Швеции, Франции.

Немецкая национальная гимнастика Фридриха Яна называлась «турнкунст» («искусство в изворотливости») и в своей основе содержала упражнения на снарядах и военные игры. Она ставила задачи развития телесных кондиций, сложно координационных и волевых способностей, выступающих базой для смелости и честолубия, необходимых для возрождения немецкой нации.

Шведская система физического воспитания Пера Линга и Ялмара Линга была направлена на укрепление и развитие тела как механизм нормализации

функционирования организма. Ее комплексы упражнений учитывали анатомию и физиологию человека и ориентировали на общее физическое развитие. Задача приобретения специальных навыков ею не ставилась, но перекладывалась, например, на военную подготовку. Основное внимание уделялось симметричности, прямолинейности, точности соблюдения углов, статичности и, вследствие этого, выносливости. Снаряды использовались как вспомогательный облегчающий или затрудняющий выполнение упражнения фактор.

Французская система гимнастики полковника Франциско Амороса ставила задачи в широком диапазоне от развития морали до развития физической силы, но в сумме имела ввиду формирование комплексных навыков для военных условий, позволяющих солдату преодолевать любые препятствия и справиться с любыми неожиданностями «с наибольшей скоростью и экономией сил».

Каждая из систем имела свою разработанную ее авторами технику, методику преподавания, схему построения урока. Однако, несмотря на претензии гимнастики по всеобъемлющему охвату телесно-двигательной активности, во второй половине XIX века накапливается все больше видов физических упражнений, ничего общего с гимнастикой не имеющих. «Атлетика, гребля, бег на коньках и велосипедный спорт – развивались совершенно в иных условиях и по другим законам, нежели двигательный материал гимнастики» [там же, С. 99]. Связано это было, в первую очередь, с началом империалистической стадии развития капиталистического общества.

Без необходимого обоснования заявленный тезис выглядит не просто парадоксально, он выглядит доктринерски. Но, между тем, указанная связь существовала, мало того, носила определяющий характер. Доказать это можно следующим образом.

Первое. Возникнув в философско-педагогических кругах, гимнастическая парадигма получила экономическую и политическую поддержку, оформилась организационно и социально. Далее ее эволюция, несмотря на определенное социально-педагогическое гуманистическое развитие и видение, в общем и целом, подчиняется логике объективного нарастания тенденций

производственно-экономической монополизации, логике закономерно вытекающих из этой тенденции и не менее объективных процессов колонизации и милитаризации. Иными словами, несмотря на рост научно-методического обоснования и функционального расширения гимнастических систем (или даже, наоборот, в соответствие с этим ростом), гимнастическое движение все больше подпадает под зависимость от стратегии и тактики военно-политического планирования, насыщается элементами военной прикладности. Противоречия между общей (гуманистически ориентированной) и специальной военно-прикладной направленностью гимнастических систем обостряются и закономерно приводят к поляризации и относительно автономному существованию различных гимнастических направлений.

Второе. Изначально имевшаяся у авторов гимнастических систем претензия на всеобъемлющий охват всех телесно-двигательных практик того времени закономерно выливается в расширительное понимание гимнастики как физического воспитания в целом. Однако с течением времени становится очевидным, что гимнастика даже в сумме своих направлений не в силах более соответствовать статусу всеобъемлющего физического воспитания. Потому что, с одной стороны, она все сильнее специализируется, превращаясь в область многолетней системной сложно координационной подготовки, с другой стороны, теряет, выводит из этой системной подготовки игровой элемент.

Третье. Капиталистическое общество, все сильнее дифференцируясь внутри себя, неуклонно формирует различные социально-классовые потребности досугового, рекреационного, эстетического телесно-двигательного характера и соответственно, различные возможности и средства удовлетворения этих потребностей. Под эти новые потребности и возможности создаются новые формы и виды телесно-двигательной практики, которые, даже если и не покидают русло военно-прикладной подготовки, все равно уже не вписываются ни в одно из известных, в целом сформировавшихся и зрелых гимнастических направлений. А если новые формы и виды вообще не соотносятся с военно-физическим воспитанием, то (при доминирующей прикладности гимнастики

Нового времени) им с ней вообще становится не по пути. По крайней мере, до тех пор, пока они сами не приобретают похожей прикладности, попадая под соответствующий социальный заказ.

Четвертое. Изменение характера ведения боевых действий, отход от линейных построений в сторону рассыпного строя и маневренной войны – ставят под вопрос достаточность военно-гимнастической подготовки и формируют военно-социальный заказ на игровые системы, на применение специального оборудования, индивидуальных технических средств и устройств.

На стыке всех указанных противоречий возникает и укрепляется сперва четко социально и классово ориентированный спорт (аристократический, буржуазный, рабочий; городской, сельский; коренной, эмигрантский, прочее).

Параллельно внутри самой гимнастики зреют, развиваются и созревают процессы ее спортивной переориентации или спортизации. Попробуем показать все это более детально.

Гимнастика Жоржа Демени в конце XIX века дифференцирует задачи телесного и двигательного совершенствования по гендерному признаку: для юношей по-прежнему считается важным осваивать основные виды военно-прикладных движений; для девушек главным провозглашается художественно-эстетическое, танцевальное направление. Именно «Демени понятие «гимнастика» расширил до понятия «физическое воспитание», включая также и спортивные виды физических упражнений» [там же, С. 108]. Как педагог Демени стремился достичь своей гимнастикой самых разных результатов: гигиенического, эстетического, экономического (в смысле физически оптимального), нравственного, общеразвивающего.

Гимнастика Жоржа Эбера первой половины XX века выступила воинствующим продолжением линии военной прикладности, доказывающим «никчемность специальной гимнастики для женщин и спортивной специализации (с ее «односторонним развитием» – А.П.) [там же, С. 111]. «Естественность» метода Эбера заключалась в стремлении к норме физического развития солдата, вопреки погоне за рекордами, в гигиенических процедурах и в

требовании осваивать лишь прикладные, «жизненно необходимые упражнения». На этом пути Эбер создал великолепную систему малозатратной и массовой «допризывной физической подготовки». Негативное отношение Эбера к спорту отразилось в его книге «Спорт против физкультуры».

Сокольская гимнастика Мирослава Тырша в Чехии середины XIX века носила принципиально внесловный характер, но именно потому, что носила ярко выраженный полярный политический характер, то есть была подчинена задачам национально-освободительного движения против австрийцев. Задачами соколов считались: упражнение и сохранение здоровья, обеспечение неуязвимости, предохранение от последствий односторонних занятий. Сокольская система стала прообразом спортивной гимнастики.

Датчанин Нильс Бук в первой половине XX века разработал систему первоначальной «примитивной» или «основной» гимнастики, но ее основной и всеобщий характер определялся задачей «здоровых, но неловких деревенских парней так основательно «обработать» гимнастикой, чтобы они стали ловкими и подвижными, пригодными к несению военной службы» [там же, С. 116–117].

Франсуа Дельсарт во второй половине XIX века, привлекая в гимнастику элементы балетного искусства, создаёт в артистической среде основу художественной гимнастики, «грамматику художественного жеста». Эмиль Жак Далькроз, внося свой вклад в художественную гимнастику, создал «систему физических упражнений, с помощью которых добивался полного согласования движения тела с любым ритмическим импульсом» [там же, С. 120]. В 1910 году Далькроз называет свое детище «ритмической гимнастикой».

Итак, нарастающая узкая специализация гимнастических направлений, экономические, социальные, военно-политические изменения – создают условия для повсеместного и всеобщего увлечения спортом. По меткому выражению отечественного философа спорта М.Я. Сарафа, современный спорт, в частности, вырастает на почве «досужего развлечения», а дух капиталистической конкуренции активизирует и стимулирует развитие спортивной соревновательности.

Во второй половине XIX века параллельно совершенствуются любительский и профессиональный спорт, причем в Великобритании, США, Франции и других странах спортивные клубы и общества возникают с учетом классовой принадлежности спортсменов. Для аристократии характерными становятся такие виды спортивных увлечений, как фехтование, бокс, борьба, конные скачки, парусные состязания. Для буржуазии наиболее привлекательными формами проведения досуга становятся: велоспорт, автомобильный спорт, воздухоплавание, гребля, гольф, крикет, рекреация, стрельба. Рабочие спортивные клубы культивируют гиревой спорт, бег, метание, конькобежный спорт, лыжи, бокс и борьбу, футбол и бейсбол.

Несомненно, рост рабочего спортивного движения стимулировался урбанизацией, увеличением численности промышленных предприятий и интенсивностью труда на фабриках и заводах, но не прямо, а косвенно, через обострение экономической борьбы и развитие профсоюзного движения. Кроме того, вовлечение рабочего класса и люмпенпролетариата в спорт способствовало его профессионализации, позволяя аристократам делать на нем большие деньги. Поэтому руководителям и представителям спортивного бизнеса, устроителям спортивно-массовых зрелищных мероприятий объективно было выгодно развивать рабочие и буржуазные спортивные клубы и общества, поощряя их взаимную конкуренцию. В дальнейшем рабочие спортивные клубы и общества небезуспешно включаются в политическую борьбу, в частности, во время избирательных кампаний, на почве национальных, классовых, международных столкновений еще больше усиливая профессиональные тенденции в спорте.

Наиболее востребованные разными классами и слоями населения спортивные игры и состязания, таким образом, получили благоприятную возможность для формирования основы профессионального спорта, включенного в систему капиталистического производства. Возникает и процветает спортивный тотализатор и букмекерство.

Другим мощным социальным стимулом развития спортивной состязательности становится религиозно-церковная детерминация, имеющая

методы и средства косвенного и прямого активного влияния. Косвенно эта детерминация проявлялась в степени насыщенности религиозным элементом ряда физкультурно-спортивных движений, таких как военно-спортивное движение скаутов, созданное Робертом Баден Пауэлом и охватившее в начале XX века ряд европейских стран, включая Российскую империю. Прямое влияние религии на спорт заключалось в создании церковно-спортивных организаций, начиная со второй половины XIX века.

Первым на роль спортивных игр и развлечений, на сущность и назначение спортивной состязательности обратили внимание монахи-иезуиты, тщательно отслеживавшие научную и образовательную деятельность в Европе. Наибольшую активность при внедрении в сферу физической культуры предприняла Протестантская церковь, основавшая в 1844 году в Лондоне Ассоциацию молодых христиан (ИМКА).

«Среди множества других средств привлечения молодежи ИМКА с самого начала использовала спорт. Он рассматривался как «острый инструмент», с помощью которого можно «проникнуть в ум и сердце молодого человека через его тело» [там же, С. 128]. Г.М. Поликарпова утверждает, что, кроме активного строительства спортивных сооружений во второй половине XIX века, «в лоне Ассоциации были изобретены такие спортивные игры, как баскетбол и волейбол» [там же].

С определённым опозданием обратилась к спорту и Католическая церковь. Для этого Ватикану в конце XIX века пришлось подредактировать свою доктрину и перейти к проповеди идеи гармонии духовного и физического воспитания, но с приоритетом духовного. В зоне первоначальных спортивных интересов католичества оказываются шахматы, кегли, игры на свежем воздухе.

В 1903 году Всемирный сионистский конгресс положил начало международному союзу гимнастических и спортивных организаций «Маккаби».

К концу XIX века спортивная состязательность получила в Европе столь широкое и массовое распространение, а профессиональный спорт так усилился, что на растущую бездуховность и коммерческий характер спорта стали обращать

внимание с разных сторон: со стороны буржуазно-аристократических религиозных организаций, типа масонских лож; со стороны интеллектуально-университетских кругов; со стороны военно-правительственных учреждений. В такой ситуации в 1894 году и начинает реализовываться философско-просветительский педагогический проект воссоздания Олимпийских игр.

1.3. Материалы для более глубокого изучения. Спортизация современного олимпийского движения и ее последствия для внешней политики России

В то время, когда Пьер де Кубертен и его сторонники стояли у истоков создания и начальной реализации проекта неоолимпизма, у них не было задачи создания очередной, международной спортивной организации. Речь шла о философско-педагогическом проекте в сфере физической культуры, возрождающем традиции древнегреческой агонистики в единстве ее мусического и гимнастического начал. По сути дела, имелась в виду не организационно-спортивная модель, а модель физического воспитания, причем очень широко и глубоко философски трактуемая.

Как раз оппозиционное противопоставление данной модели однобокому, коммерческому профессиональному спорту конца XIX века являлось дополнением к противопоставлению христианской религии и олимпийской религии или «религии атлетов», которую основоположник неоолимпизма позиционировал достаточно активно. Так нам представляется, исходя из анализа личности, ближайшего социального окружения, религиозно-политических предпочтений самого Кубертена, а также отталкиваясь от достоверного перевода исторических документов (в частности, эдиктов римских императоров), на которые ссылается Кубертен.

Возможно, финансово-экономический фактор и не служил отдельной причиной рождения современных Олимпийских игр (вернее, Игр Олимпиад), а явился неизбежным следствием этого рождения (на что у нас есть некоторые сомнения). Однако вопрос о том, к какой мировой финансово-экономической силе необходимо обратиться, наверняка стоял перед Кубертенем, как

впоследствии он стоял и перед его преемниками по организации олимпийских мероприятий. Кроме того, именно финансово-экономический фактор должен был рано или поздно превратиться в главный рычаг продвижения, эволюции олимпизма, определяющий политическую позицию последнего, его отношение к коммерции и спорту как онтологическим объектам социокультурной данности.

Итог суммарного действия вышеуказанных причин в общих чертах нам известен: олимпизм либо духовно переродился, либо развернул изначально заложенные в нем потенции, сбросив свою внешнюю философско-идеологическую оболочку, вернее, превратив ее в оболочку мифологическую. Так или иначе, но сегодняшний олимпизм – это структура, которую по формальным признакам еще нельзя классифицировать в качестве подразделения профессионального спорта высших достижений, но которая фактически все больше и больше к данной позиции приближается, заслужив название и ярлык «олимпийского империализма» или «олимпийского монополизма».

Независимо от признания или опровержения этого ярлыка, приходится признать, что современное олимпийское движение уже укоренилось в сфере спорта, органично влилось в структуру спорта, то есть окончательно и бесповоротно спортизировалось. А раз так, то оно с неизбежностью принимает на себя и свойственные спорту принципиальные социальные характеристики, как уже отмечалось выше, вынужденно мифологизируя положения своей Хартии, то есть «идеалы олимпизма», чтобы снять явное противоречие между должным и сущим.

В качестве фактологического доказательства сказанному приведем несколько фрагментов научных исследований по истории физической культуры и спорта.

К концу XIX века по различным видам спорта стали возникать международные, интернациональные союзы, лиги, федерации. Среди них в 1894 году возник и Международный олимпийский комитет (МОК), а с 1896 года стали проводиться современные Олимпийские игры. Обращаем внимание на то, что вначале I Олимпийский конгресс назывался «атлетическим» конгрессом и на нем

присутствовали лишь 12 государств. На этом же Конгрессе была утверждена Олимпийская Хартия, собственно говоря, основной программный документ МОК.

В начале XX века продолжают создаваться и развиваться разного рода международные религиозные, студенческие, женские, а также региональные спортивные организации, с которыми МОК был вынужден активно конкурировать. В ходе данной конкуренции МОК успешно вытеснял или поглощал конкурентов, беря на вооружение их методы и формы работы, открывая соответствующие направления спортивной деятельности. Так, например, с 1921 по 1934 гг. активно развивалось международное женское спортивное движение (Всемирная женская спортивная федерация), имевшее целый ряд национальных федераций и проводившее женские Всемирные игры, альтернативные Олимпийским. «Успешное проведение Игр побудило президента Федерации Алису Милье в 1935 году обратиться в МОК с просьбой исключить из программы Олимпийских игр женские дисциплины и виды спорта с тем, чтобы более результативно проводить Всемирные женские игры. В ответ МОК и международные федерации объявили о начале расширения программы женского спорта во всех крупнейших международных соревнованиях» [Мельникова Н.Ю., Трескин А.В., 2013, С. 303]. В результате Всемирные женские игры больше не проводились. Напомним, что до указанного обращения МОК, мягко говоря, не слишком активно развивал женский спорт. Да и древнегреческая олимпийская традиция, которой следовал неоолимпизм, женских видов, как известно, не содержала.

Возьмем другой пример. Долгое время МОК считал идею проведения Олимпийских зимних игр «сомнительной и даже вредной», никак не вяжущейся с программой проведения греческих Олимпийских игр, включавшей, по вполне понятным причинам, лишь летние виды состязаний. Между тем, страны Скандинавии и Финляндия идею проведения международных зимних игр, опять же по вполне понятным причинам, всячески продвигали, причем не в последнюю очередь продвигали по национально-политическим соображениям укрепления

международного престижа своих государств. С этой целью Скандинавские страны с 1901 года проводили, так называемые, Северные игры, в которых они реализовывали свое понимание состязательности. Они ратовали за «чистоту спорта», «принципы любительства», «отказ от профессионализма и коммерциализации...призывали относиться к спорту как к источнику здоровья, морали и гражданственности, уважению к традициям прошлого» [Мельникова Н.Ю., Трескин А.В., 2010, С. 142]. Но самое главное, на наш взгляд, это религиозный, почти мистический характер отношения скандинавов к своим Играм, бывшим для них «не только соревнованиями, но и своеобразным культом» [там же, С. 147].

Параллельно во Франции тоже складывалась своя национальная система зимних видов спорта на основе скандинавского опыта. На консультативной конференции по вопросам развития зимнего спорта в мае 1921 г. представители Франции, Швейцарии и Канады предложили учредить Олимпийские зимние игры. Шведы и норвежцы были против. Аргументы последних, апеллирующие к олимпийским правилам были более обоснованы. В итоге, было принято «соломоново» решение: было решено провести на базах отелей зимних курортов во французской Шамони в 1924 году Зимнюю спортивную неделю под патронажем МОК. При этом представитель МОК от Франции маркиз де Полиньяк и делегат от Канады Меррик напирали на «несправедливость» «монополизации» северянами зимних видов спорта. У них при этом прозвучала мысль, что «вне олимпийского движения ни один вид спорта «не может быть поистине международным» [там же, С. 179].

Заметим, что сам Кубертен был против данного решения, которое буквально «продавили», пообещав, что соревнования в Шамони формально не будут считаться олимпийскими. Однако задним числом МОК признал эти игры как олимпийские, нарушив свое обещание.

Тем самым «Северным играм был действительно нанесен фатальный удар», в результате которого очередным, восьмым по счету Северным играм,

запланированным в 1930 году, так и «не суждено было осуществиться» [там же, С. 169].

Вообще, в процессе своей спортизации современные Олимпийские игры прошли не просто долгий, вековой путь, но и претерпели полный цикл социальных изменений, отказавшись, по существу, от своих же основных первоначальных принципов, но сохранив большинство из них декларативно. Это касается, прежде всего, принципа невмешательства во внешнюю и внутреннюю политику стран со стороны МОК, превращенного сегодня в гибкий и обоюдоострый инструмент массированного политического воздействия, позволяющий проводить Игры в нацистском государстве, готовящемся развязать Вторую мировую войну (Берлин, 1936 год), использовать их в целях политического протеста и бойкота (Москва, 1980 год; Лос-Анджелес, 1984 год).

В не меньшей, а даже в большей степени это же относится и к принципиальному отказу от профессионализации и коммерциализации Олимпийских игр.

Можно и дальше осуждать спортивную профессионализацию, прекрасно понимая при этом, что удачное выступление на Олимпийских играх – это гарантированный трамплин для «прыжка» в профессиональный спорт с его колоссальными гонорарами, тотализатором, букмекерством и тому подобными коммерческими предприятиями. Кроме того, олимпийские медали сегодня знаменуют собой не что иное, как пик именно спортивной карьеры, а не достижение в области физического воспитания гармонично развитого человека, как это часто пытаются представить, не считаясь с фактами косноязычия и скудоумия некоторых олимпийцев. Счастье еще, что далеко не всех: есть мощные личности Ганса Ленка, нашего Александра Карелина. Но ведь, насколько нам известно, никто и никогда не проводил на этот счет никаких конкретных социологических исследований с целью выяснения, кого и почему больше.

Кстати, интересный вопрос: «Куда, в какую сферу социальной практики массово «уходят» олимпийские чемпионы, в том числе и отличающиеся духовно

и интеллектуально в лучшую сторону?» Ответ очевиден – в политику и в связанную с ней структуру управления, где они, в силу ряда причин, особенно востребованы.

Рассуждать сегодня о некоммерческом характере олимпийского спорта – это высшая степень идеалистической близорукости. «Примечательно, что Олимпийские игры в Древней Греции уже имели коммерческие аспекты» [Мельникова Н.Ю., Маркин Е.В., 2011, С. 240]. Социально-религиозные пожертвования и дары Храму, процент от торговой прибыли и от коммерческих сделок, деньги «в рост» и «на сохранение» - все шло в копилку олимпийских жрецов. «Таким образом, уже в древние времена Олимпийские игры рассматривались правителями стран и деловыми людьми как место извлечения финансовых прибылей и политических дивидендов» [там же, С. 241]. Мы бы добавили к приведенной цитате тезис о том, что не стоит самих олимпийских жрецов рассматривать эдакими невинными и пассивными «карасями», которых всячески использовали политические и экономические «акулы». Жрецы Зевса сами были те еще «акулы», да еще, в придачу, имевшие высший статус и приоритет принимавших гостей хозяев религиозно-спортивных мистерий.

За век своего существования серьезнейшим коммерческим предприятием (да еще имея столь показательные исторические традиции) стали и современные Олимпийские игры. Это есть неоспоримый факт, даже если интерпретировать его как борьбу за экономическую независимость.

«На данный момент существует 6 основных источников финансирования (извлечения коммерческой прибыли – А.П.) олимпийского движения:

- 1) продажа прав на телетрансляции;
- 2) программа олимпийского партнерства;
- 3) официальная поддержка и лицензирование;
- 4) продажа билетов;
- 5) национальное спонсорство;
- 6) национальное лицензирование» [там же, С. 252].

Любопытно отследить этапы становления данной «экономической независимости», а правильной будет сказать, коммерческого благополучия МОК, которое последний использует в качестве мощного рычага «своего влияния при проведении нужной ему политики» [там же, С. 261].

Острodefицитный бюджет вторых и третьих Олимпийских игр заставлял их организаторов проводить мероприятие в рамках Всемирной выставки, что сводило Игры на уровень развлекательной части программы Выставок в Париже и в Сент-Луисе, соответственно, в 1900 и в 1904 году. Здесь, на наш взгляд, интересна не сама по себе нехватка денег и вынужденное обращение МОК к организаторам Всемирных выставок, а то, что они обратились именно к последним. Иными словами, интересно направление поисков денег в придачу к уже имевшимся источникам от частных пожертвований, продажи почтовых марок, сувениров и памятных монет. Имелись уже и первые спонсоры. Например, одним из партнеров правительства Греции при проведении первых Игр в 1896 году была компания Kodak.

С Игр в Лондоне (1908 год) «начинается тесное сотрудничество организаторов и спонсоров Олимпийских игр» [там же, С. 244].

В дальнейшем к организациям Игр подключаются крупные коммерческие компании, реализующие товары, услуги, занимающиеся рекламой. Одной из них в 1928 году становится Соса-Сола (Игры IX Олимпиады в Амстердаме). Дальше события развивались «как по нотам»:

- 1932 год Лос-Анжелес – первый коммерческий успех – выход Игр на уровень самокупаемости;
- 1948 год Лондон – впервые телекомпания заплатили за трансляцию Игр;
- 1960 год Рим – 46 компаний впервые получили статус «официальных спонсоров» Игр;
- 1964 год Токио – количество сотрудничавших с МОК компаний возросло до 250; - 1972 год Мюнхен – впервые открыто агентство по лицензированию как вид коммерческого сотрудничества с компаниями;

- 1980 год Москва – маркетинговые программы МОК принесли прибыль в размере 613 млн. долларов – по линии лотерей «Спортлото» и «Спринт», 434 млн. долларов – от продажи прав на телетрансляцию Игр. И это в то время, как экономике СССР Игры принесли убыток в 200 млн. долларов [там же, С. 248];

- 1984 год Лос-Анжелес – прибыль МОК уже оценивается как «значительная». Получена она с помощью новой концепции финансирования (автор Питер Юберрот). Суть концепции: пожертвования – это не меценатство, а «серьезные вложения, способные приносить ощутимую отдачу» [там же]. В результате было подписано 447 контрактов, а один километр эстафеты олимпийского факела продавался за 3500 долларов;

- 1985 год – создана международная рекламно-спонсорская программа «ТОР» (The Olympic Partners), координирующая деятельность фирм-спонсоров.

Были и неудачи также коммерческого характера в результате неверного политического расчета. Так Игры 1976 года в Монреале из-за бойкота 28 африканскими странами «принесли убыток почти 1 млрд. долл.» [там же, С. 247].

Однако МОК научился успешно бороться с коммерческими трудностями и ныне работает даже «на опережение», например, организуя в свою пользу хаотичность работы Интернет-компаний (в 2008 году в Пекине впервые прибыль от использования ограниченного в трансляциях Интернета составила 6 млн. долларов.

Экономическая политика, отражающая коммерческие интересы МОК, продолжает наращивать свое влияние на политику и экономику государств – организаторов Игр. Выискиваются новые формы и методы прямого и косвенного решения политико-экономических вопросов в интересах МОК. Одним из таких косвенных, но крайне ярких показательных примеров можно считать проект этического олимпийского Кодекса, в работе над которым нам довелось принять личное участие в мае-июне 2015 года.

Странам, признающим олимпийское движение, в том числе и России, был разослан соответствующий Проект с предложением ознакомления и поддержки.

На первый взгляд, в нем все достаточно мифологично. Но, в конце концов, мало ли в современном спорте мифологии? Зато при более глубоком погружении в содержание становится ясным, что через «этические» положения фактически реализуется программа экономического и политического могущества МОК, превращая его в безнадзорного монополиста в области международного спорта высших достижений. Государства – члены МОК, наоборот, фактически лишаются своих прав и становятся пассивными и безгласными партнерами. Еще раз отметим, что все это делается под самым благовидным предлогом – разработки этического Кодекса. Приведем несколько конкретных фрагментов вышеупомянутого документа, который в нынешних политических условиях Россия даже не может существенно изменить или отредактировать.

В разделе 1. «Основные положения Кодекса» читаем: «Спортсмены – олимпийцы призваны быть носителями идеи всеобщего Мира, солидарности, дружбы и взаимопонимания». Как сочетать данную мифологическую формулу с принципом невмешательства МОК во внешнюю политику государств и международных организаций? При том, что мир – это всегда определенный внешнеполитический баланс, закрепляющий те изменения, которые внесены последней войной (войнами). И, вообще, какое дело до внешней политики олимпийскому движению, ставящему и решающему задачи совершенно в ином, далеком от большой политики русле?

В разделе II «Этика олимпийца России» читаем: «Подвержены контролю все формы информационных вмешательств, дискредитирующих идеалы Олимпийского движения». А как же быть с толерантностью, терпимостью, демократической свободой слова, дискуссий и личностного выбора?

Не трудно ли будет это требование согласовать с другим пунктом того же раздела? «Исключена дискриминация по расовому признаку, полу, этническому происхождению, религии, философским и политическим убеждениям, семейному положению и другим причинам».

А как быть, если эти очень широко и абстрактно трактуемые «идеалы» на какомто этапе войдут в противоречие с долгом, например, российских олимпийцев перед своим Отечеством?

Еще дальше идет очередное требование того же раздела: «Участники олимпийского движения не должны вмешиваться в деятельность ОКР и МОК». А это уже заявка на полную и неограниченную политическую монополию, на независимость МОК от национальных олимпийских комитетов.

Политической монополией дело не ограничивается: «Организаторы Олимпийских игр и их представители не должны прямо или косвенно способствовать, принимать или предлагать любые варианты вознаграждений и комиссионных, а также иметь скрытые выгоды, противоречащие идеалам Олимпизма». Значит, следует отменить президентские премии и подарки российским олимпийцам? Лишить страны – организаторы Игр экономической выгоды, оставив на их долю одни только экономические риски? Или под запретом понимаются лишь скрытые выгоды? А открытые выгоды, по договоренности с МОК, возможны? Да, нет, и такие выгоды не приветствуются: «Участники олимпийского движения не должны рассматривать Олимпийские игры в качестве коммерческого предприятия, проводимого с целью извлечения экономической выгоды». И это при той коммерческой программе, которая сегодня принята МОК? Это уже не мифология, а неприкрытое лицемерие. Причем воинствующее: «Города, намеревающиеся провести Олимпийские игры, должны возлагать всю ответственность за качество их проведения прежде всего на самих себя» (из раздела IV «Кандидаты на проведение Олимпийских игр»).

И, наконец, апофеозом политико-экономической монополизации выглядят две формулы, закрепляющие монополизацию идеологическую (раздел VII «Внедрение настоящего Кодекса»).

1. «Любые представители олимпийского движения могут информировать Исполком ОКР о нарушениях Кодекса этики с целью возможной передачи дела Комиссии по этике ОКР». Прямо скажем, это положение в недалеком будущем, как учит история, способно привести к закулисным

политическим интригам и скандалам. О какой этике здесь вообще можно говорить?

2. «Комиссия по этике ОКР вправе продолжить работу по совершенствованию настоящего Кодекса и в контакте с представителями различных социальных групп и общественных организаций, следующих в своей деятельности требованиям Олимпизма».

Мы воспринимаем эту формулу в качестве требования вседозволенности и потенциальной беспринципности как эксклюзивного права для МОК. А это уже прямая угроза для России. Ведь не уточняется, до какой степени может быть продолжена такая работа, в какой мере она может привести к ограничению или опровержению уже принятых положений Кодекса.

Контрольные вопросы

1. Что собой представляет древняя агонально-спортивная традиция и какие народы стали социальным каркасом ее возникновения и развития?
2. Каковы географические и историко-временные рамки возникновения, развития и пресечения древней агонально-спортивной традиции, в чем причины данного пресечения и как, исходя из этого, с точки зрения диалектики общего и частного, можно соотнести феномены состязательности и спортивной соревновательности (состязания и соревнования)?
3. Назовите основные этапы и причины исторической трансформации древней агонально-спортивной традиции. Попробуйте дать краткую характеристику, определяющую специфику каждого из данных этапов.
4. Что такое физическая культура? Какие социальные институты определяют ход и последовательность ее исторического развития?
5. В чем состоит коренное отличие (отличия) древней и современной агонально-спортивной традиции?
6. Определите причины и сущность древней и современной «спортизации».
7. В чем причины, каковы сущность и последствия мифологизации агонально-спортивной традиции?
8. В чем причины, каковы сущность и последствия трансформации современного олимпизма?

Вторая глава. Отечественная история физической культуры, спорта, олимпизма

2.1. Очерк по отечественной истории физической культуры, спорта, олимпизма

В общем и целом, отечественная история физической культуры, спорта, олимпизма повторяла основные закономерности генезиса современной мировой агонально-спортивной традиции, однако имела и некоторое своеобразие, не укладывавшееся в рамки указанной мировой традиции. Это своеобразие, прежде всего, проявилось в значительном отставании России от технического прогресса ведущих европейских стран Англии, Франции, Германии, уже переживших или переживавших и промышленные и социальные революции. До отмены крепостного права в 1861 году в крестьянской стране с относительно небольшой прослойкой городского населения массовые занятия физической культурой и спортом были попросту невозможны. И спорт до конца 18 века в России развивался либо в цирковой среде, наполненной иностранными атлетами, либо в военных кругах дворянской элиты. Только в начале 20 века российское военное ведомство под давлением и опекой некоторых членов императорской фамилии и немногочисленных меценатов начинает делать осторожные шаги в сторону развития военно-физического воспитания в офицерской среде. Правда это развитие быстро принимает скачкообразный характер: в крупных российских городах стремительно растет число добровольных спортивных обществ и лиг. В частности, российские спортивные делегации начинают принимать участие в Олимпийских играх. С 1914 года, в связи со вступлением России в Первую мировую войну, Октябрьской революцией и установлением советской власти в 1917 – 1918 годах, бурный рост спортивного движения в России был резко прерван и возобновлен в новом качестве только в первой половине 30-х годов.

История отечественного спорта после 1917-1918 годов ярко демонстрирует социальные причины и закономерности борьбы, во-первых, государственно-политических курсов на развитие физической культуры и

спорта; во-вторых, тенденций спортизации и военно-прикладной ориентации в области профильного образования; в-третьих, различных политических позиций нашего государства по отношению к международному олимпийскому движению.

Следует признать тот неоспоримый факт, что **советское и российское государство далеко не всегда держало политический курс на развитие спорта, точнее, спорта высших достижений, а еще точнее, спорта высших достижений в составе международного олимпийского комитета, всемирных и международных спортивно-видовых организаций западного мира** [Мельникова Н.Ю., Трескин А.В., 2017; Передельский А.А., 2016].

В первые годы установления советской власти, борьбы с внутренней контрреволюцией и внешней интервенцией спортивные лиги, еще сохранившиеся с дореволюционного периода, мягко говоря, новой властью не поддерживались. Особенно, пока их куратором был назначен комсомол. Столь **негативная позиция государства к спорту в те годы определялась четырьмя основными причинами:**

1) руководящий и тренерский состав спортивных лиг в большинстве случаев был представлен бывшими офицерами царской армии и потомственным дворянством, то есть, так называемыми, классовыми врагами пролетариата. Соответственно, со стороны этих сплоченных и дисциплинированных спортивных организаций с физически крепкими членами ожидали политических провокаций и антисоветских выступлений. Насколько это ожидание со стороны большевиков было реально оправданным, известная нам официальная история умалчивает. Хотя если сравнивать ситуацию первых лет установления советской власти в России с событиями на постсоветском пространстве в 21 веке, то некоторые аналогии все же напрашиваются. К примеру, известен факт выступления в 2013-2014 годах на стороне антиправительственной майданной оппозиции практически всех украинских футбольных ультрас;

2) на спорт предпочитали смотреть как на буржуазный социально-экономический и политический механизм «отчуждения», то есть отрыва рабочих

от реальной борьбы с угнетателями, отвлечения их в область игрового иллюзорного равенства с раздуванием реального соперничества и конкуренции между ними. Иными словами, спорт долгое время считался продуктом и массовым агентом буржуазного или капиталистического интернационала;

3) во время проведения активных военных действий, как показывает вся мировая история 20 века, основная спортивная деятельность приостанавливается, зато основное внимание переключается на ее военно-прикладные аспекты и направления [Передельский А.А., 2016];

4) до начала 30-ых годов бурное развитие в стране советов получила трудовая гимнастика, включающая элементы, имитирующие операции процесса трудовой деятельности. Также не потеряли своей актуальности военно-прикладные комплексы рукопашного боя штыком и прикладом, чему по ускоренной программе обучались бойцы Красной армии.

Под руководящим началом Комсомола российский спорт деградировал настолько, что было решено передать контроль и руководство над спортивными организациями профсоюзам. После этого ситуация несколько улучшилась, и спорт в России снова начал развиваться, причем уже на качественно иной социальной, преимущественно пролетарской основе. Однако и в данном случае его ждали серьезные проблемы, во-первых, связанные с политическим осуждением профсоюзов за их увлечение движением Пролеткульта; во-вторых, вызванные взлетом коммерциализации и профессионализации спорта в период расцвета Новой экономической политикой (НЭПа). Что, соответственно, после отказа советского государства от продолжения движения прежним политико-экономическим курсом подверглось резкой политической критике как возрождение буржуазного элемента и влияния в спортивном движении. Апофеозом и, возможно, неким переломным моментом в ликвидации двойственного отношения к становлению национального спорта со стороны государственной власти явилось Постановление ЦК ВКПБ 1929 года, в котором осуждались индивидуальные виды спорта за их «рекордизм» и «чемпионство»,

вовлечение в спорт и спортивную эксплуатацию детей, но зато приветствовались групповые (командные) виды спорта за их дух массовости и коллективизма.

Впрочем, в описываемый период власть уже стала смотреть на спорт гораздо более лояльно. Во-первых, в связи с тем, что международное спортивное движение под лозунгом преданного служения делу мировой пролетарской революции организационно оформлялось в рамках самого Коминтерна. Следовательно, в глазах политиков международные спортивные организации теряли однозначно буржуазный окрас и разводились по противоположным полюсам классовой принадлежности. Во-вторых, молодое советское государство, начинавшее видеть в спорте полезный механизм прорыва международной политической и экономической блокады, негласно, вплоть до скандалов с Коминтерном, стало поддерживать «частную» инициативу ряда выдающихся советских спортсменов, выступавших на официальных чемпионатах Европы и мира, а также российских организаций, вступавших в «буржуазные» международные спортивные организации [Мельникова Н.Ю., Трескин А.В., 2017]. Наконец, в-третьих, нельзя было игнорировать факт все большей массовости российского спортивного движения.

Мы полагаем, что указанные причины «политической оттепели», даже несмотря на недостаточность документальных доказательств, нельзя ставить в один ряд с остальными, обычно приводимыми в профильных учебниках, гораздо более эфемерными аргументами, типа необходимости наличия критериев сравнения результатов буржуазных и пролетарских соревнований [там же].

Итак, с первой половины 30-ых годов 20 века позиция советского государства по отношению к спорту (прежде всего, спорту высших достижений) довольно резко меняется в сторону его признания и поддержки. Причем это происходит на фоне фактического (хотя и не особо заметного) отказа от трудовой гимнастики и усиленного внимания на развитие военно-прикладного движения членов Осоавиахим (Общества содействия обороне, авиационному и химическому строительству – существовавшего с 1927 по 1948 годы – предшественник ДОСААФ).

Очень наглядно указанную политическую эволюцию можно отследить на последовательности разработки физкультурно-спортивных теорий, доказывающих существенный уровень политической идеологизации нашей профильной науки, в которой с 20-ых до 80-ых годов 20 века создавались первоначально - теории физического воспитания и образования, затем - история и теория физической культуры, общая теория физической культуры, включавшая разделы интегративной теории спорта, параллельно с этим - история спорта, далее – теории спортивной подготовки, спортивной тренировки, спортивного соревнования [Передельский А.А., 2018-2019].

До Второй мировой войны и после нее, фактически до конца 20 – начала 21 века политика СССР и Российской Федерации по отношению к спорту с приоритетом спорта высших достижений не менялась, закономерно способствуя нарастанию к концу 70-ых – началу 80-ых годов кризисных тенденций в области физической культуры (образования) [Лубышева Л.И., Романович В.А., 2011].

Что касается отечественной области физической культуры (образования), то с момента перехода руководства над ней от военных структур к органам образования и по ныне данная область выступает полем непрекращающейся борьбы между ориентацией на спортивную и военно-прикладную деятельность [там же]. Причем в этой перманентной борьбе довольно четко прослеживается и закономерность их сменяемости, в соответствии с которой возобладание в перестройке структуры и содержания государственных образовательных программ военно-прикладной ориентации происходит накануне или, наоборот, после очередной войны, выявляющей недостатки физической подготовки призываемой молодежи. В относительно длительные мирные периоды руководящие органы и научные центры отечественного образования впадают в какую-то эйфорию гуманизма и приверженности к ориентации на спорт и на, так называемые, здоровые сберегающие технологии [там же]. Указанная смена ориентаций происходила с завидной регулярностью и с частотой, присущей скорее челночной дипломатии, чем второму по консервативности (после Церкви) социальному институту, которым «по определению» (в силу своей социальной

природы) должна выступать государственная система образования. Хотя объективная необходимость или целесообразность спортивной и здоровьесберегающей ориентации, по нашему мнению, проявилась всего два раза: когда государство обратилось к школе с просьбой сыграть роль плацдарма массового спортивного движения и когда была актуальна задача восстановления здоровья военного поколения советских детей [Передельский А.А., 2016].

Если указанная закономерность ориентационных метаний физической культуры (образования) верна, то похоже на то, что в ближайшее время нам предстоит вновь наблюдать возобладание военно-прикладной ориентации в организации физической культуры и направленности физического воспитания российских школьников. И опять (впрочем, как всегда) с большим опозданием от смены декораций на сцене реального театра политических событий.

Отдельного упоминания заслуживает политика нашего государства в области олимпийского движения. Как известно, Международный олимпийский комитет не принимал в свои ряды Советскую Россию и СССР до 7 мая 1951 года. Возможно, и даже вполне предсказуемо не принимал бы и дальше, если бы за членство СССР в МОК не проголосовали представители стран Азии и Африки, получивших такое членство буквально накануне. Их суммарное представительство оказалось гораздо более многочисленным, чем суммарное представительство западных стран – членов МОК. Перевес голосов в пользу членства СССР был совершенно очевиден, хотя об этом прецеденте предпочитают не писать и не говорить. Тем не менее, факты свидетельствуют за то, что вступление нашей страны в МОК для западных стран было вынужденной и крайне нежелательной уступкой. Если судить по формальным признакам (например, по отсутствию прецедентов превращения какого-либо российского вида спорта в олимпийский или по отсутствию наших представителей в списке председателей хотя бы одной из 14 комиссий и комитетов МОК, а также с списке комиссаров ВАДА, - то становится совершенно ясно, что в МОК нас всегда держали в роли нелюбимых пасынков». И это при всех наших медальных зачетах от участия в Играх-Олимпиадах и Зимних олимпийских играх. Что, как бы не

старались это скрыть, отлично объясняет действительные причины и основания резко негативного отношения МОК к российским спортсменам в первые десятилетия 21 века.

Вопрос о виновности наших профильных руководящих органов государственной власти в указанном национальном спортивно-политическом кризисе для нас является чисто риторическим вопросом, на который существует однозначно положительный ответ: виновны. Виновны, прежде всего в том, что имея в свое время альтернативные формы и механизмы международного спортивного развития, управления и контроля, добровольно отказались от них в пользу членства в МОК, предопределив его спортивно-политическую монополию. Виновны в том, что согласие правительства Л.И. Брежнева на проведение летних Игр-Олимпиад в Москве в 1980 году позволило МОКу избежать полного разорения, банкротства и, более того, заработать 1 миллиард долларов США при только прямом убытке СССР в размере около 350 миллионов долларов США, тем самым открыть для МОК новую эру - эру коммерческого процветания. Виновны в том, что закрепили искусственно выращенную монополию МОК подписанием Олимпийского этического кодекса, в котором такая монополия политически и финансово-экономически полностью и обстоятельно обставляется.

Все вышеуказанные шаги, по нашему глубокому убеждению, были тактическими победами, но и колоссальным стратегическим просчетом советско-российской дипломатии в области международного спорта и Олимпийского движения. По сравнению с этим просчетом на чаше весов допинговые скандалы ничего не значат.

Особенности исторического развития нашей страны обусловили особенности советско-российского спорта и спортивной науки.

Физическая культура и физическое воспитание, например, у нас традиционно рассматриваются как отражаемое понятиями-синонимами одно и тоже явление соответствующих учебных дисциплин (курсов, образовательных программ) в школе и в вузе (высшей школе).

Спорт в нашей стране также традиционно делят на массовый спорт и спорт высших достижений. В основе определения и того, и другого рассматривается **соревновательная деятельность или соревнование со всеми присущими ему атрибутами: регламентом (правилами) организации и проведения, судейством, целевой ориентацией на победу или рекорд, регулярной тренировочной деятельностью по подготовке спортсменов.** В работах одного из наиболее известных теоретиков спортивной науки Л.П. Матвеева сформулированы **3 основных признака спортсменов и спортивной или тренировочной и соревновательной деятельности:**

- **регулярное участие в соревнованиях все более высокого уровня (регионального, национального, международного);**
- **рост спортивных достижений и результата как высшего достижения;**
- **регулярная тренировочная деятельность с повышением объема и интенсивности нагрузок, чтобы добиться такого результата при выступлении на соревнованиях [Матвеев Л.П., 2010].**

2.2. Материалы для более глубокого изучения. Физическая культура в России с начала XX до начала XXI вв.

Как и вся мировая физическая культура, физическая культура в России в период с начала XX до начала XXI вв. развивает три родственных социальных института: спорта, физического воспитания, единоборств. Однако в данный локальный период времени, в связи с определенным разрывом преемственности, например, с древнерусской единоборческой культурой, а также по ряду других причин, в том числе административно-бюрократического порядка, очередность социального распространения, продвижения и влияния этих институтов несколько иная: спорт – физическое воспитание – единоборства.

Рассмотрим указанную связь и очередность более детально. С 1908 по 1914 гг. можно констатировать мощный организационный рывок в развитии отечественного спорта. «В эти годы расширяется география спортивных связей, создаются Всероссийские лиги по отдельным видам спорта, расширяется

календарь Всероссийских соревнований, учреждается Российский олимпийский комитет, и Россия официально вступает в международное олимпийское движение. В эти годы выходят новые спортивные журналы, их число заметно возрастает» [Мельникова Н.Ю., Трескин А.В., Левин Д.М., 2010, С.197]. Значительный и разноплановый процесс наблюдается в области теоретико-методической разработки тематики спортивной подготовки.

Столь явный, скачкообразный качественно-количественный прогресс, в общем-то, очень молодой области спортивной жизни России очень трудно объяснить лишь наличием большой группы «интеллигентов-энтузиастов», как это пытаются сделать вышеуказанные авторы. Конечно, почин – дело великое, что уже доказала история появления и развития гимнастических и игровых систем в Европе в Новое время. Но без социального заказа данный почин интеллектуальных кругов был бы и в Европе, и в России обречен на неудачу.

Социальный (в том числе, и правительственно-политический) заказ на спорт в Российской империи, несомненно, существовал и состоял в следующем:

- прошедшая война с Японией показала актуальность системной физической подготовки офицерского и рядового состава российской армии. Армия на тот момент искала варианты решения данной проблемы. Спорт представлялся одним из наиболее приемлемых вариантов, что фактически подтверждается дальнейшими событиями (созданием военно-спортивных клубов на спортивных базах в годы Первой мировой войны в проекте «Мобилизация спорта»);

- мирный период времени между двумя войнами начала XX века ознаменовался для России относительным экономическим благополучием, интенсивным ростом производства, расслоением крестьянства, что способствовало появлению, вернее, росту социальных слоев – завсегдаев массовых зрелищ;

- спорт в России во многом формировался и функционировал на базе цирковых арен (например, гиревой спорт, классическая борьба, акробатика, гимнастика), соревнования проводились на праздничных ярмарках при большом

скоплении народа. Данное обстоятельство сильно способствовало быстрому росту популярности спорта.

Были и другие причины растущей спортивной популярности, связанные с международными связями и иностранными инвесторами российских промышленных и иных хозяйственных проектов и программ.

На волне указанных процессов в России даже создается «новый тип управленческой структуры, где соединяются государственные и общественные формы руководства в лице Канцелярии Главного Наблюдающего за физическим развитием народонаселения Российской империи (1912 г.), Временного совета (1914 г.) и союзов по отдельным видам спорта» [там же, С. 198]. Кроме того, в 1913 и 1914 годах прошли комплексные состязания по олимпийской программе, была разработана и предложена система нормативов «нормального атлета», учреждались правительственные награды за особые заслуги в спорте, итогом централизации спорта стала организация пятнадцати Всероссийских союзов и вступление большинства из них в международные спортивные ассоциации.

В указанном контексте становится более понятным пафос сподвижника Пьера де Кубертена, первого представителя России в МОК (Международном олимпийском комитете) генерала А.Д. Бутовского, с горечью отмечавшего: «Однако в России к проблеме физического воспитания относятся с большой долей безразличия» [Мельникова Н.Ю., Трескин А.В., 2011, С.12].

Бутовский А.Д. имел в виду, прежде всего, отношение общественности и официальных властей к Олимпизму, то есть на тот момент философско-педагогическому проекту, которому еще только предстояло в будущем приобрести социально-институциональный статус и соответствующее политическое влияние. Спорт же подобный статус и влияние уже имел, поэтому широкое общественное движение, начатое энтузиастами, получило надлежащий резонанс и отклик со стороны государства (в том числе, и представителей царской фамилии).

До революции 1917 года российские спортсмены дважды успели принять участие в международных Играх Олимпиадах. Затем, по причинам политической

изоляции Советского государства и изоляционистской политики КСИ (Красного Спортивного Интернационала) – международного союза рабочих спортивных организаций под эгидой Коминтерна, советские спортсмены системно возобновили международные старты лишь в 40-е годы XX века.

В данный сложный для российского спорта период столкнулись две политические тенденции:

- пролетарского классового изоляционизма в спорте;
- стремление использовать спорт для прорыва политической блокады и в качестве аргумента в споре различных формационных систем.

Со временем возобладала вторая тенденция, однако она «взяла верх» далеко не сразу, что отражается в следующей хронологии событий.

В работе Всеобуча (Управления Всеобщего военного обучения при Всероссийском штабе Наркомата по военным делам, созданного декретом ВЦИК от 22 апреля 1918 года) была поставлена задача восстановить и перестроить спортивные организации и сеть молодежных спортивных кружков. К концу 1918 года в восстановленной сети насчитывалось 350 спортивных объединений (союзов, лиг) с охватом более 38 тысяч активных членов.

В 1919 году решением, утвержденным главой Всеобуча Н.И. Подвойским, в программу военного обучения была включена физическая подготовка «как средство оздоровления и физического воспитания народа».

В октябре 1920 г. образован ВСФК (Высший совет физической культуры) – первый государственный, профильный, совещательный орган при Всеобуче. Под его руководством проводилась политика по образованию местных (губернских, уездных) военно-спортивных клубов, занимавшихся обучением допризывников. В январе 1921 г. в стране уже функционировало 1612 таких клубов. Им было предписано: особое внимание уделять бегу на коньках, на лыжах, стрельбе, остальным видам спорта – «если позволяют условия».

В 1923 году – проводится первая Всероссийская олимпиада.

Относительно (и абсолютно) небольшое число людей, включенных в описываемый период в физкультурно-спортивное российское движение, определяется тремя основными обстоятельствами:

- слабая связь и преемственность с руководящим и тренерско-инструкторским активом дореволюционных спортивных организаций;
- подчеркнута политический характер и военная ориентация проводившейся работы;
- отсутствие финансовых возможностей и реального времени у населения России для участия в организованном активном спортивном досуге и развлекательных акциях (которые, кстати, по вполне понятным причинам, и не проводились, если не считать редких «агиток»).

Таким образом, говорить о спорте (как о таковом) с 1918 по 1920 годы было бы фактической ошибкой. Курс на «спортизацию» был указан позже, а именно в 1922 году (на январской конференции Всеобуча). А фактическое влияние на реализацию данного курса оказала Новая экономическая политика (с 1921 года), реанимировавшая иллюзорную для той ситуации возможность буржуазного развития определенной части населения и тем самым создавшая необходимые экономические и социальные предпосылки для спорта как массово-развлекательного феномена. Процесс был запущен и «пошел» даже при ликвидации Всеобуча в 1923 году.

В этой, как показывает история, относительно благоприятной для развития российского спорта ситуации социального и имущественного расслоения и сам спорт стал «яблоком раздора». Приняв спорт как данность, его стали разрывать по «классовому признаку, пытаясь вычленив в «буржуазном» спорте «пролетарский» элемент или составляющую. В более конкретной форме дискуссия проходила в русле противопоставления спорта (футбола, бокса, тяжелой атлетики, борьбы и т.д.) советскому физкультурному движению.

Активным противником традиционных для мировой практики видов спорта и соревновательной формы организации спортивных состязаний, в

частности, выступил ЦК РКСМ (Российский коммунистический союз молодежи). Промежуточным итогом данного противостояния была ликвидация «параллелизма» в развитии советского спорта, иначе говоря, частные спортивные организации подлежали уничтожению, а задачу «спортизации» населения попытался взять на себя (конечно, в руководящем смысле) РКСМ. Как результат, «с конца 1920 г. проявляются тенденции угасания спорта и спортивного движения» [Мельникова Н.Ю., Трескин А.В., Левин Д.М., 2010, С.213]. В 1922 году V съезд РКСМ объявил спорт «вне закона». Всероссийский союз красных спортивных организаций, тесно работавший с Всеобучем, был ликвидирован в 1923 году. Но «потерпев неудачу в вопросах организации физической культуры в стране, РКСМ был вынужден в 1923 г. передать спортивные организации профсоюзам.

Одной из важнейших, как полагают авторы рассматриваемого материала, причин неудачи РКСМ со спортом было неприятие старых инструкторских спортивных кадров, работу которых успел активизировать Всеобуч, и которые состояли в меньшей степени из интеллигенции, в большей степени – из бывших офицеров.

Другим фактическим, не менее активным противником традиционного спорта выступали организации и в целом движение Пролеткульта (созданного при поддержке и под патронажем наркома по просвещению А.В. Луначарского в 1917 году). До 1925 года, когда произошло слияние Пролеткульта с профсоюзами, лидеры этого движения активно пытались влиять на вектор развития физической культуры и спорта.

Концептуально данное влияние оформлялось следующим образом:

- популярность традиционных видов спорта в буржуазных странах рассматривалось как доказательство буржуазной природы спорта;
- в качестве необходимой альтернативы «буржуазному спорту» объявлялась

новая физическая культура пролетариата в двух её формах: в форме трудовой гимнастики, копирующей элементы трудового процесса; в форме коллективного спорта, призванного заменить индивидуальные состязания на групповые и исключить детский спорт, «узкую специализацию, вредный профессионализм и рекордизм буржуазного спорта»;

- задачей новой физической культуры провозглашалось «психофизиологическое воспитание нового квалифицированного человека» [там же, С.224-226].

Следует отметить, что И. Соколов – один из авторов «новой трудовой гимнастики», включивший в систему её упражнений комплексы, способствующие воспитанию естественного (автоматизированного), трудового (рационализированного) и художественного (ритмизированного) движения для упражнения тела рабочих, роста их выносливости и неутомляемости, выполнил весьма интересную и, безусловно, нужную работу, которая внесла свой вклад в практику трудового процесса, в частности, в «стахановское движение». Кроме того, эта «новая гимнастика» не являлась такой уж новой. В известных гимнастических системах Нового времени подобные задачи ставились и небезуспешно решались, что в любом учебнике объявляется их несомненной заслугой. Поэтому мы не видим смысла принижать роль советской трудовой гимнастики как отечественной модели физической культуры.

Следует также отметить, что основные тезисы идеологов Пролеткульта в отношении коллективного спорта до сих пор находят своих сторонников и последователей, в частности, в области разработки «мягких» гуманистических видов и моделей спортивной деятельности, например, в проекте В.И. Столярова «Спарт» (спорт плюс искусство).

Кроме того, против факта самого существования детского спорта выступали не только пролеткультовцы, но и практически все основные, работавшие в данной области лидеры-педагоги того времени, начиная от Пьера де Кубертена и Петра Францевича Лесгафта, опиравшиеся в этом вопросе на точку зрения древнегреческих философов.

Тем не менее, начиная с 1925 года понемногу начинает «набирать вес» и силу «спортивное направление» в отечественной физической культуре, ратовавшее за возврат к традиционному спорту и его соревновательной практике. Резолюция по вопросу о физкультурной дискуссии от января 1925 года Президиума ВСФК содержит его поручение научно-техническому комитету ВСФК «ускорить разработку практических указаний к применению соревновательного метода».

Усиление указанного «спортивного направления» было отнюдь не простым гладким процессом, оно протекало при активном противодействии Коминтерна, на что целесообразно обратить особое внимание.

Уступка ВСФК по поводу использования соревновательного метода и развития традиционных видов спорта на основе привлечения старых спецов – кадров тренерского состава из числа представителей бывшего господствующего класса казалась мелочью. И это действительно было мелочью по сравнению с политической независимостью советского спорта от мирового (буржуазного) спортивного и олимпийского движения, по сравнению с грандиозностью задачи «победоносной борьбы международного пролетариата с мировым капиталом», на решение которой Красный Спортивный Интернационал (КСИ) ориентировал и советских спортсменов.

Была найдена достойная альтернатива Олимпийским играм в лице Всероссийских Олимпиад, проводившихся с 1923 года и с 1928 года сформировавших программу с заимствованными традициями конкурсов искусств и церемониалом награждения победителей, представленными не только в Играх Олимпиадах, но и в древнегреческом олимпизме.

Кроме того, были налажены международные связи с зарубежными рабочими спортивными организациями, а работа КСИ в целом рассматривалась как вклад спортсменов в дело «объединения международного рабочего движения в борьбе с набиравшими силу в Европе милитаризмом и фашизмом» [Мельникова Н.Ю., Трескин А.В., Левин Д.М., 2011, С. 154].

Наряду с этим, существовали объективные и субъективные обстоятельства, обусловившие постепенное, пошаговое, но неуклонное «сползание» советского спорта с декларируемых и действительно первоначально занимаемых им социально-политических позиций.

К субъективным обстоятельствам следует отнести все более усиливающийся интерес и тягу советских спортивных тренеров и руководителей к участию в международных соревнованиях с лучшими зарубежными спортсменами, которые, в силу зрелости «буржуазных» международных ассоциаций, союзов, состояли именно в них, а не в относительно молодых и еще слабых коминтерновских спортивных организациях.

Объективным основанием указанного интереса и тяги выступала невозможность взращивания победителей и рекордсменов иначе, как в борьбе с лучшими командами и спортсменами Запада. Попытки некоторое время сравнивать и противопоставлять результаты советских спортсменов на Всесоюзных Олимпиадах и мирового спорта на Играх Олимпиадах, а также на чемпионатах мира в основном и в большей степени выполняли роль некоего идеологического заменителя, чем объективного сравнительного анализа. Ведь ясно, что должно сравниваться подобное с подобным, испытываемое, тестируемое в одних и тех же условиях, иначе ни о какой чистоте эксперимента речи быть не может. Это понимает любой опытный спортивный судья, тренер, руководитель. Тем более, что сравнить рекорды еще как-то, при определенных допусках и оговорках, возможно. А как сравнить результаты игровых и единоборческих турниров и чемпионатов? Единственный путь – совместное участие в одних и тех же соревнованиях.

Другим объективным основанием усиливающегося интереса и тяги к участию в чемпионатах мира и Играх Олимпиадах была нарастающая конкуренция двух формационных систем, каждая из которых рассматривала спортивные победы как факт собственной состоятельности в политическом, а, в итоге, и в историческом споре. И, наконец, третьим объективным обстоятельством указанного процесса являлось то, что спорт выступал одним из

немногочисленных реальных механизмов и путей преодоления Советской Россией международной политической блокады, прорыва в международную торговлю и экономику.

На фоне данных объективных и субъективных обстоятельств все попытки КСИ помешать росту регулярных контактов советских спортсменов с зарубежными «буржуазными» коллегами выглядели не более, как местечковость и мелочная опека.

Вопрос в том, а являлись ли они таковыми на самом деле?

Итог всех неудачных попыток КСИ известен: советские виды спорта один за другим налаживали регулярные контакты с мировым непролетарским спортом, сперва принимали гостей у себя в стране, затем, уже привычно, ездили за рубеж, а еще позже закономерно вступали в международные спортивные сообщества и теряли былую политическую независимость, которой так гордились.

Спортивная летопись четко датирует все этапы рассматриваемого процесса для таких видов спорта, как бег на коньках, шахматы, велоспорт, легкая атлетика, лыжные гонки, футбол, бокс, борьба, тяжелая атлетика (штанга) и так далее.

Да, действительно, это был единственный реальный способ уменьшить и ликвидировать отставание советского спорта, сделать его одним из мировых спортивных лидеров. Но одновременно это был и реальный политический (хотя многие годы, возможно, и не очень заметный) разгром социально-классовой позиции советского спорта, превратившегося со временем в составную часть мировой спортивной системы. Победив тактически, мы проиграли стратегически, потеряв реальный шанс на создание собственной главенствующей спортивной международной альтернативы, без которой держать сильные позиции в системе, которой управляет другой, не обязательно дружественный России блок стран, чрезвычайно трудно.

Тем самым, мы фактически закрыли для своих национальных видов спорта возможность становиться олимпийскими видами. Нас давят политически

и экономически посредством бойкотов проводимых у нас международных соревнований (Олимпиада 1980 года как один из примеров такого бойкота). Сегодня на нас политически и экономически пытаются воздействовать через МОК (Международный олимпийский комитет), через ФИФА (Всемирная футбольная ассоциация). Призывы наших лидеров не смешивать спор с политикой никто на Западе не желает слышать. Да мы и сами прекрасно понимаем, что на фоне насквозь политизированного спорта высших достижений это всего лишь призывы, кстати, также политического характера. Итак, подведем некоторые не очень радужные, но значимые, в плане определения политической стратегии проектирования отечественной физической культуры, итоги. Современный спорт – это международный, евро-американский, вполне реализовавшийся за последние два века проект, определяемый устойчивым вектором экономической, социальной, политической, религиозной эволюции, подкрепляемой существующим, прежде всего, западным сообществом.

Национальные (в том числе, и российская) модели спорта могут варьироваться лишь в тех рамках, которые не опровергают базовые характеристики спорта и питающие его условия социального контекста.

Любые попытки назвать спортом неспортивные модели, на наш взгляд, неконструктивны в плане их безнадежности изменить сложившуюся систему и сущность современного международного спорта. Однако эти же попытки могут считаться интересными и перспективными в плане создания внеспортивных или неспортивных моделей в сфере физической культуры, например, в области физического воспитания или единоборства.

Напомним, что мировая физическая культура создала как минимум три родственных социальных института: единоборств, физического воспитания, спорта. Причем именно в такой исторической последовательности.

Достаточно давно начавшаяся и до сих пор не законченная спортизация всех областей физической культуры есть мощный, но не абсолютный, не тотальный в пространстве и времени процесс.

В России уже сейчас четко видны усиливающиеся тенденции дифференциации и нового (точнее сказать, новейшего) обособления единоборств и военно-физического воспитания, а также фитнес-индустрии от области спорта. Иногда это проявляется довольно агрессивно и скандально.

Поэтому российским ученым следует приоритетно обратить внимание на обстоятельства и условия социокультурного проектирования не столько спорта, сколько двух других указанных институтов физической культуры, возможно, дающих еще один шанс для самобытного и стратегически важного (с позиций долгосрочной мировой политики и экономики) подъема российского общества.

2.3. Материалы для более глубокого изучения. Концепция спортизации физического воспитания

В 1995г. На базе Российской государственной академии физической культуры (РГАФК), ныне РГУФКСМиТ, Российская академия образования (РАО) сформировала Проблемный научный совет по физической культуре (ПНС). В 1998 году ПНС в качестве наиболее актуальной, стратегически важной задачи определил «разработку концептуальных основ теории и методики физического воспитания, формирования физической культуры подрастающего поколения» [см. Л.И. Лубышева, В.А. Романович, 2011, С. 7]. Такой теоретико–методологической основой стала концепция спортизации физического воспитания В.К. Бальсевича и Л.И. Лубышевой, заявленная еще в 1993 году в статье «Конверсия высоких технологий спортивной подготовки как актуальное направление совершенствования физического воспитания и спорта для всех» [см. В.К. Бальсевич, 1993, С. 21-23].

Концепция спортизации физического воспитания, в первом (да, впрочем, и в последнем) приближении глубоко научно продумана, базируется на тщательном и довольно полном анализе тенденций изменения ситуации со сферой физического воспитания во всем мире. Также плотно концепция спортизации учитывает динамику эволюции программного обеспечения

отечественного процесса физического воспитания и отражающего его учебного курса (курсов) по дисциплине «физическая культура».

Соглашаясь с исходными посылками, базовой аргументацией авторов–разработчиков рассматриваемой концепции, мы расходимся с ними в общем понимании феноменов физического воспитания, спорта, тренировки.

Рассмотрим приводимые сторонниками спортизации аргументы. Начнем с анализа организации и содержания физического воспитания в школах за рубежом. Наряду с четко выделяемой традицией спортизации физического воспитания, констатируются факты снижения статуса учебной дисциплины «физическая культура», сокращение часов, отпущенных на ее освоение. Называются различные причины указанных тенденций:

- нехватка специалистов по физической культуре;
- приравнивание ее ко времени игры и отдыха;
- отсутствие минимального материального и технического обеспечения;
- тормозящее влияние религиозных и культурных традиций;
- сведение к проблемам здоровья и гигиены;
- отданная на откуп учащимся избирательность физической культуры как учебной дисциплины;
- нежелание властей обеспечить централизованное и постоянное бюджетное финансирование;
- поощрение активного образа жизни за счет внешних ресурсов в целях снижения затрат;
- доминирование ориентации на спортивные виды.

Заметим, что многие из указанных причин (особенно ориентация на спорт) в зарубежных странах трактуются, наоборот, в качестве методов и моделей вывода физического воспитания из полосы затянувшегося и углубляющегося кризиса. Однако все эти попытки не дают никакого сколько-нибудь ощутимого положительного результата. Кризис в сфере физического воспитания продолжает углубляться. Он, прежде всего, выражается во все увеличивающемся

проценте детей и подростков, освобожденных или попросту отлынивающих от занятий физкультурой [см.

Л.И. Лубышева, В.А. Романович, 2011, С. 25-26]. Если на этом фоне программа спортизации школьников и выглядит панацеей, то на самом деле таковой даже близко не является.

Возникает риторический вопрос: «Стоит ли идти «на поводу» у зарубежной, особо отметим, неудачной профильной практики и перенимать ее малоэффективные стратегии?». Ответ становится очевидным не только при элементарном соотнесении фактов в их логической последовательности, но и при четком осознании главного факта. Зарубежные специалисты в процессе демократизации и гуманизации образования утратили ясность понимания социального назначения физического воспитания, растеряли его философско–идеологические основания, забыли его главную, стратегическую задачу, подменив последнюю мелкими, «пожарными» мероприятиями тактического характера.

Обратимся ко второму аргументу сторонников спортизации, к краткому анализу эволюции нашего отечественного программного обеспечения физического воспитания, но с одной существенной разницей: те моменты, которые абстрактно–гуманистическая педагогика третирует как недочеты и минусы, мы будем интерпретировать в качестве достоинств и плюсов.

В 1918 году подписывается декрет «Об обязательном обучении военному искусству», учреждается Главное управление всеобщего военного обучения и формирования резервных частей Красной Армии (Всеобуч). При нем организован отдел физического развития и спорта, отвечающий за физическую подготовку красноармейцев, гражданского населения, допризывников.

На основе деятельности Всеобуча в 20–х гг. развивается движение за ликвидацию «физкультурной неграмотности», органично дополняющее Пролеткульт.

В 1927 году «в свет» выходит базовая программа по физической культуре. Никаких сомнений не вызывает конкретная гражданская трудовая и военно–

политическая ориентация, подаваемых ею в общем виде задач: укрепления здоровья учащихся, формирования надлежащих двигательных качеств и навыков, воспитания морально–волевых качеств. Чтобы согласиться с этим, достаточно честно ответить на вопрос о том, для кого, в первую очередь, естественны, так называемые, «естественные виды движений»: бег, метание, балансирование, сопротивления, висы, упоры, лазанье, плавание, бег на лыжах и коньках, подвижные игры, даже пляски с их сложной координацией и энергетикой. Не менее показателен прикладной (военно-трудовой) характер ситуативного формирования санитарно-гигиенических навыков.

Программы 1932 и 1933 гг. утверждают формы и содержание уроков по физической культуре, планирование и контроль за усвоением школьного учебного материала. Иными словами, доводится до приемлемой кондиции методика подачи последнего.

В середине 30-х гг., когда страна окончательно встала на рельсы мирного строительства, в школьную физическую культуру все активнее проникают спортивные элементы. Тогда это было понятно и оправдано: начинали создаваться детские спортивные школы.

В 1939 году школьные программы, в том числе по физической культуре вновь принимают явный прикладной военно-политический характер.

Для программы 1942 года характерно единство военной подготовки и физического воспитания, что явствует и из ее разделов по огневой, строевой, физической, топографической подготовке. Также это следует из факта исключения из программы упражнений на гимнастических снарядах, вторично (первый раз еще до 1917 года) признанных неэффективными. Теперь уже в отработанных формах и условиях школьного урока.

После войны «физическая культура» – всеобщий обязательный учебный предмет в школах, выполняющий связанную с последствиями войны задачу восстановления и укрепления подорванного здоровья детей. Вот в каком контексте ставился вопрос о здоровье-сберегающих методиках физической культуры.

Опыт прошедшей войны учитывает и программа 1947 года, в которую, помимо прочего вошли прыжки с высоты, в высоту, в длину с места и с разбега, метание в цель и на дальность, единоборства, лазанье, переноска грузов, акробатика. Причем все это описывается с учетом психофизиологических возрастных особенностей детей и подростков.

В 50–70-х гг. в ходе возврата страны на рельсы мирной жизни в сфере физического воспитания вновь усиливаются стремление и тенденция к его спортизации, вплоть до постановки в программе 1975 года задачи формирования организаторских навыков по судейству спортивными соревнованиями. Хотя в 1977г., как свидетельствуют факты очередного исключения сложных гимнастических упражнений, сокращения материала по баскетболу, ручному мячу, единоборству, спортивная эйфория, несомненно, ослабла и возобладал более трезвый подход (какими бы соображениями он не был вызван).

Зато в 1983 году новая программа по физической культуре демонстрирует праздник пацифистских настроений и абстрактного гуманизма. Без конкретной, прикладной, практической ориентации «зависают в воздухе» призывы укреплять здоровье, воспитывать высокие моральные и нравственные качества (не говоря уже о том, что мораль и нравственность, суть одно и то же), обучать жизненно важным умениям, развивать основные двигательные качества. Интересно применительно к чему? И это понятно: Олимпиада 1980 года в Москве, международные фестивали молодежи и студентов, спартакиады – одним словом, благодушие. Благодушие мирного, «застойного» периода. Однако, наряду с этим, декларируются акценты на усиление физической подготовленности, повышение моторной плотности уроков, исключение сложных технических и тактических игровых, легкоатлетических, гимнастических элементов. Становится ясно, что назревают серьезные противоречия между прикладными, спортивными и абстрактно–гуманистическими тенденциями в сфере физического воспитания.

Реформа школы 1984 года ставит вопрос о необходимости организации ежедневных занятий физической культурой (закон от 1 сентября 1985 года).

Программа по физической культуре делится на 4 части. С одной стороны ставится задача повысить моторную плотность уроков и усложнить учебные нормативы - тесты, с другой – насытить учебную и внеучебную жизнедеятельность школьников малыми формами физической активности. В профильной сфере зреет противоречие между интенсивными и экстенсивными методами обучения и воспитания, более того, между абстрактной, поверхностной идеологизацией и серьезным научно–педагогическим и психофизиологическим обеспечением физического воспитания.

В 1986 году комплексная программа по физической культуре подвергается коррекции, вновь возвращающей ей военно–прикладное звучание. Вряд ли здесь обошлось без опыта войны в Афганистане. Хотя это никак не афишируется, но ясно читается при правильной интерпретации следующих моментов:

- упор на укрепление здоровья и подготовку юного поколения к труду и защите

Родины;

- проведение конкретных тестов для оценки степени повышения двигательной подготовленности (кроссовая подготовка для младших, уточнение беговых дистанций для V–VIII, определение типовой полосы препятствий для военно-прикладной подготовки в старших классах);

- автономизация раздела «Профессионально–прикладной физической подготовки»;

- доработка внеклассной туристической секции.

К сожалению, процесс нормализации ситуации с физическим воспитанием был кратким. В начале 90–х гг. начинают тотально пересматриваться целевые установки и концептуальные идеи программ по физической культуре. В общем и целом, они постепенно принимают вид того идейно-содержательного конгломерата, который ныне существует за рубежом [см. там же, С. 23–24]. Все это называется «повернуться лицом к ребенку».

Подводя итог по представленному Л.И. Лубышевой и В.А. Романович, но концептуально иначе интерпретированному нами обзору, остановимся на двух стратегически важных моментах.

Первый момент касается жесткой связи тренировочной технологии со спортивной деятельностью. Мы согласны с тем, что технология тренировки выступает на сегодняшний день наиболее разработанной в сфере физического воспитания. Вот только вряд ли, как показывает глобальный анализ мировой истории физического воспитания и спорта, а также локальный анализ вышеизложенного материала, систему тренировки следует связывать только со спортом.

Тренировка всегда составляла основу и спорта и физического воспитания, тем не менее, имевших изначально и сохраняющих в современных условиях отличия и специфику как по назначению, так по деятельностному содержанию. Поэтому нельзя растворять друг в друге, смешивать между собой выполняющие разные задачи физическое воспитание и спорт. Поэтому спортизация физического воспитания как конверсия высоких спортивных технологий идеологически и стратегически, на наш взгляд, неверна, хотя история и современность демонстрируют устойчивую тенденцию диффузии физического воспитания и спорта. Именно данная тенденция означает факт спортизации физического воспитания, но не в современных условиях, а на протяжении нескольких веков исторического развития. Именно такая спортизация носит органичный, исторически первичный характер социально-онтологического процесса. Концепция же современной спортизации, выступая отчасти данью политической конъюнктуре, искажает основания указанного социально-онтологического феномена.

2.4. Материалы для более глубокого изучения. Динамика эволюции единоборств в России с конца XIX до начала XXI века

Эволюция единоборств в России с конца XIX до начала XXI века, несмотря на кажущуюся, социально-онтологическую фрагментарность и, на первый

взгляд, не особую значимость этого института в судьбе отечественной физической культуры, в общем и целом, укладывается в русло процессов спортизации и спортогенеза, о которых речь шла выше. Однако новейшая спортивная отечественная история демонстрирует все более устойчивую тенденцию частичного разрыва культуры единоборств со спортом и выхода за его пределы:

- либо в область военно-физического воспитания (или, как говорят, еще не очень разобравшись в сути текущего процесса, в спортивно-прикладную область);

- либо в область возрождающейся на новой основе, уже коммерческой линии гражданско-рекреационного физического воспитания, представленной, в частности, индустрией отечественного фитнеса;

- либо в область, собственно, непосредственно единоборческой практики, возвращаемой как отечественными военными и педагогическими кадрами специалистов, так и, к сожалению, в сильной степени, западными бизнес-технологиями, исходящими из целей и задач, весьма и весьма далеких от наших национальных социокультурных интересов.

Рассмотрим данный, во многом нелинейный процесс поэтапно.

В конце XIX века на базе ярмарочной, цирковой развлекательной зрелищности, помимо прочего, завоевывает популярность и народную любовь, так называемая, «французская борьба», получившая это название лишь потому, что в Российскую империю она перекочевала из Франции. На самом деле это была традиционная греческая или «классическая борьба». В это время в нашей стране, по объективным причинам, связанным, в частности, с христианизацией, «канули в Лету» религиозно-боевые системы единоборств средневекового периода. Оставшиеся в фольклорной практике традиции борьбы «крест на крест», «на поясах», «стеношной потехи» тут же были вплетены в сеть цирковых зрелищ и «шаг за шагом» адаптировались к правилам «французской борьбы», порождая очень серьезных конкурентов западным (иногда только по кличке и легенде) мастерам борьбы. Одним из самых выдающихся примеров в данном

случае являлся бывший портовый грузчик («амбал») Иван Поддубный – неоднократный чемпион мира по борьбе среди профессионалов.

Традиций европейского (английского) бокса (если не считать боев «стенка на стенку») в России также не было, хотя впоследствии в советский бокс пришли представители многих губерний и уездов, где «стеношная потеха» имела широкое использование как до, так и после Октябрьской революции 1917 года.

Восточные боевые искусства проникли в Российскую империю после 1905 года. Их привнесли русские офицеры из числа бывших служащих российского дипкорпуса в Японии и интернированного контингента военнопленных, несколько лет обучавшихся «на чужбине» единоборствам с оружием и без него (джиу-джицу, кэндо). Перспективность использования таких мастеров была оценена как царской полицией (организация особого отдела для разгона массовых демонстраций без применения оружия, войск, жандармов, казачьих частей), так и большевиками (организация специальной подготовки офицеров НКВД, сотрудников «смерш»). Однако «в широкие массы» боевые искусства не попали, а верней всего, не были допущены. Для народа создается синтетический национальный вариант борьбы, названный «самбо» - самооборона без оружия (в лучших традициях истории мирового единоборства в форме оборончества (чешские табориты Яна Жижки во время «гуситских войн», окинавские крестьяне с их «школой тростника» в период освободительной борьбы против японских феодалов).

Все три указанные направления единоборств в Советской России, а затем в Советском союзе нашли свое широкое применение как в военно-физическом воспитании, так и в спорте, тем самым потеряв свою собственную социально-институциональную независимость или тщательно ее замаскировав.

Последнее обстоятельство объясняет образовавшийся «вакуум» и огромный интерес советской молодежи к единоборствам при официальном существовании зрелых, апробированных, но к 70-ым годам XX века уже предельно спортизированных единоборческих систем.

В 80-ых и особенно в 90-ых годах XX века указанный вакуум начинает активно заполняться восточными, или, так называемыми, боевыми искусствами (фактически таковыми, то есть боевыми не являющимися и также уже более-менее адаптированными к спорту). К ним относятся дзюдо, каратэ, таэквондо, тхэквондо, муай-тай, капоэйра, ушу.

Теперь, мы понимаем, что их проникновение в СССР и популярность среди молодежи отчасти, но объективно определялись перипетиями нашей внешней политики, направленной на поддержание восточных и латиноамериканских политических режимов, а также на рост и укрепление торгово-экономических отношений с ними. В то время, о котором мы упоминаем, никто из нас этого не понимал, а все происходившее (особенно в контексте уголовного преследования за занятия по каратэ) представлялось большинству чуть ли не оппозицией к официальной политике и к официальному спорту. Этим непониманием воспользовались криминальные группировки 90-ых годов, попытавшись заручиться поддержкой мастеров-инструкторов по восточным единоборствам с целью «постановки на поток» подготовки человеческого материала («мяса») для проведения бандитских акций. В общем и целом, можно констатировать, что данная попытка не удалась по двум причинам:

– в движении «восточников» было очень много бывших и действующих офицеров советской армии, милиции, Комитета государственной безопасности, четко ориентировавших свои занятия с молодежью на военно-патриотические цели и задачи;

– из-за развала СССР и связанного с ним многолетнего обвального кризиса отечественного спорта, «за бортом» оказалось большое количество молодых спортсменов, борцов и боксеров, которых в значительных масштабах и рекрутировал криминал.

Огромная по масштабам и итоговым человеческим потерям социальная группа представителей рэкета, других форм бандитизма, воровства, мошенничества захлестнула «обновленную» Россию. Бывшие «герои спорта» в

данной, потерянной для общества социальной группе занимали далеко не последнее место.

Виновата во всем этом, а частности, была, как известно, внутренняя политика, проводившаяся правительством Б.Н. Ельцина.

Социально-имущественное расслоение бывшего официально единого и однородного советского народа или «гражданского общества» создало самую благоприятную ситуацию для криминализации кругов представителей советского спорта, а также для коммерциализации, профессионализации и связанного с ними нового подъема уже российского спорта.

Под указанную закономерность стали подпадать также и духовно вырождающиеся, мировоззренчески «разворачивающиеся на 180 градусов» отечественные школы восточных единоборств и боевых искусств, увидевшие для себя совершенно новую, но очень привлекательную нишу организации различного рода коммерческих боев, боев без правил. Но легализовать новые перспективы можно было одним-единственным способом, а именно: включившись в процесс спортизации и пройдя одну-две стадии (фазы) спортогенеза. Что и было благополучно сделано.

На базе такого «рenegатства» значительная часть педагогического состава «восточников» и спортивных тренеров с начала XXI века стала задумываться над созданием новых отечественных единоборческих спортивно-прикладных (военно-ориентированных или художественно демонстрационных) систем в качестве мировоззренческого и функционального противопоставления новоявленным «традиционным российским видам спорта», под которыми высшие спортивные чиновники видели и официально позиционировали каратэ, дзюдо, тхэквондо и т.д.

Наряду с подобной, во многом вынужденной, оппозицией к официальному спорту, продолжают возникать и усиливаться единоборческие движения, организации «правого» и «левого» толка. Примером первого являются крайне агрессивные технологии подготовки НС-скинхедов и футбольных ультрасс. Примером второго выступает движение «исторической

реконструкции». Однако, следует отметить, что руководители и наставники тех и других уже активно ищут и взвешивают возможности расширения объемов финансирования своих акций (клубы «исторической реконструкции» в гораздо меньшей степени по причине собственной управленческой состоятельности).

Данное «поисковое состояние» в современных условиях может закончиться либо тотальной коммерциализацией, либо спортизацией, либо криминализацией, хотя мы не склонны разводить эти альтернативные перспективы далеко в сторону друг от друга.

Нам бы очень хотелось порассуждать о гражданских вариантах развития национальной системы спортизированных или «стоящих на пороге» спортогенеза единоборств, но мы в данной работе занимаемся исследованием и анализом социально-онтологических оснований и факторов, а не социокультурным проектированием.

Одно нам, тем не менее, ясно наверняка: физическое воспитание (точнее, военно-физическое воспитание) на сегодняшний момент является для российских единоборств «лучшей долей», способной в большей степени спасти их от самовыгорания, духовного обнищания и мировоззренческого обрачивания.

Контрольные вопросы

1. В чем состоят особенности становления сферы физической культуры и спорта в нашей стране?
2. Какие причины выступали факторами, тормозящими развитие отечественного спорта в 1914 – 1932 годах?
3. По каким причинам советское правительство резко поменяло курс в области физической культуры и спорта? В чем суть данных изменений?
4. Какие две основные ориентации в области отечественного профильного образования вступали в диалектическое противоречие друг с другом на всем протяжении 20 века? В чем состоит закономерность развития данного противоречия?
5. В чем причины и какова суть современного кризиса российского спорта высших достижений и российского олимпийского спорта?
6. Как рассматриваются и определяются физическая культура и спорт в нашей отечественной спортивной науке и практике?
7. Каковы, на ваш взгляд, дальнейшие перспективы и дальнейшая судьба отечественного спорта?

Третья глава. Структурная и функциональная организация сферы физической культуры и спорта в России, действующие и перспективные модели ее развития на уровне муниципального образования

3.1. Очерк по теории и практике функционирования муниципальной сферы физической культуры и спорта

В России понятие «сфера физической культуры и спорта» отражает в идеале – систему, в реальной практике – блок или совокупность профильных организаций и учреждений, зарегистрированных, базирующихся и осуществляющих свою основную тренировочную, а частично и соревновательную деятельность на определенной административно-хозяйственной территории и под номинальным или реальным руководством соответствующего органа профильного управления. Привязка к административно-хозяйственной территории и управлению означает, что такие сферы могут существовать на трех горизонтальных уровнях: государственном (или первом федеральном), региональном (или втором федеральном), муниципальном. Профильными руководящими органами контроля и управления ими могут быть отделы, спорткомитеты, управления, агентства, министерства.

Кроме горизонтального существует еще и вертикальное структурное деление каждой сферы физической культуры и спорта по принадлежности к тому или иному виду спорта или, на более общем уровне, - к спортивному направлению:

- силовых видов спорта;
- сложно-координационных видов спорта;
- циклических видов спорта;
- единоборств;
- технических видов спорта;
- прикладных видов спорта.

Более расширенное вертикальное деление сферы физической культуры и спорта показывает сосуществование следующих ее составляющих:

- спорта;
- физической культуры (физического образования);
- жестких экстремальных видов физической активности;
- мягких (гуманистических) видов физической активности;
- фитнеса.

По финансово-правовому основанию выделяют профильные организации (продуктами самодетельной общественной инициативы) и учреждения (созданные государственными или муниципальными органами власти).

К правильно и законно организованной **муниципальной сфере физической культуры и спорта конкретного муниципального образования** (муниципального района или городского округа) могут относиться коммерческие и некоммерческие организации, типа частных и общественных спортивных клубов, лиг, федераций; профильные муниципальные и государственные учреждения, типа спортивных школ, клубов, молодежных спортивных и спортивно-оздоровительных центров. Правовая форма существования данных учреждений и организаций определяет **порядок и возможности их бюджетного финансирования**, что закреплено Федеральным законом от 06.10.2003 N 131-ФЗ (ред. от 30.12.2021) «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации», а также Федеральным законом от 04.12.2007 N 329-ФЗ (ред. от 06.03.2022) «О физической культуре и спорте в Российской Федерации».

Соответственно, указанные возможности и статьи бюджетного финансирования для профильных учреждений и организаций сильно различаются.

Учреждения физической культуры и спорта находятся на полном или частичном бюджетном обеспечении местного бюджета и/или существуют за счет субвенций вышестоящего бюджета. Конечно, за исключением той части

финансирования, которую данные учреждения по действующему российскому (федеральному) законодательству, Постановлениям и Распоряжениям муниципальных властей (если последние не противоречат законодательству) должны добывать сами за счет оказания платных услуг населению.

У профильных коммерческих и некоммерческих организаций прямого бюджетного финансирования, как правило, не предусматривается, однако и они могут получать частичное бюджетное финансирование, например, для обеспечения организации и проведения спортивных мероприятий, включенных в Ежегодный спортивный календарь спорткомитета (управления по спорту) соответствующего уровня или от других органов власти по определенным статьям расходов, опять же закрепленных федеральным законодательством и/или местными правовыми локальными актами.

Отдельного упоминания заслуживают возможности весьма крупных бюджетных ассигнований в профильные объекты совместной или долевой собственности, включающей государственную и/или муниципальную долю и долю коммерческих и/или некоммерческих организаций.

Судя по реальной практике, Федеральный закон «О физической культуре и спорте в Российской Федерации» допускает множество лазеек и обходных путей для предоставления бюджетных денег там, где их не должно было бы быть и, наоборот, для отказа от бюджетного финансирования там, где оно обязано присутствовать. Во многих случаях на указанный закон власти просто не обращают внимания, довольствуясь теми законами и кодексами, за нарушение которых предусмотрено более суровое наказание.

Научным доказательством последнего утверждения выступили результаты конкретно – социологического исследования, направленного на выявление уровня социальной эффективности действия Федерального закона «О физической культуре и спорте в Российской Федерации» в муниципальных образованиях Московской области, а также на установление причин возникновения и возможностей устранения противоправных действий в сфере

ФКиС в муниципальных образованиях с опорой на социальную востребованность и социальную поддержку действия Закона «на местах».

Гипотезой послужило первичное и идеологически обоснованное предположение о высоком уровне социальной востребованности ФЗ в муниципальных образованиях.

В соответствие с выдвинутой гипотезой, ее доказательная база строилась в форме комплексного конкретно-социологического исследования (далее – КСИ), включающего три пилотных и одно описательное исследование. Иными словами, данное комплексное КСИ проводилось на двух этапах исследовательской теоретико-эмпирической работы: пилотном (пилотажном) и описательном.

На первом пилотажном этапе работы были исследованы структура и содержание ФЗ «О физической культуре и спорте в Российской Федерации». В результате было, во-первых, установлено, что Закон содержит попытку описания, регулирования и регламентации всех сторон функционирования и развития сферы ФКиС на всех уровнях, от государственного федерального, до местного муниципального. Во-вторых, была выявлена явная и четкая установка Закона на прямое и конкретное регулирующее и регламентирующее воздействие на разноуровневую практику профильной социальной сферы. Указанные выводы дали право и обеспечили возможность более подробно рассматривать вопрос о соответствии Закона и конкретных прецедентов по его выполнению, так сказать, «на местах». Иными словами, мы получили точку отсчета для исследования феномена социальной востребованности применения данного документа в условиях муниципального самоуправления.

На этом же пилотажном этапе, связанном с рассмотрением профильных публикаций с использованием социологического метода анализа документов, было установлено следующее. Опубликовано крайне мало научных работ, посвященных анализу функционирования отечественной сферы ФКиС в условиях муниципальных образований. Еще меньше работ отражают положение дел с правовым обеспечением или сопровождением данного функционирования.

В прямом и косвенном изложении этой темы таких работ насчитывается буквально не более пяти. И, наконец, совсем нет работ, ориентированных на конкретное исследование социальной востребованности применения ФЗ «О физической культуре и спорте в Российской Федерации».

Далее пилотажный этап работы базировался на результатах пяти свободных интервью с достаточно известными специалистами:

- Председателем спорткомитета одного из муниципальных образований Московской области;
- Начальником правового управления и Начальником планово-финансового управления Администрации двух других муниципальных образований Московской области;
- Директором крупной областной спортивной школы;
- Президентом известного областного спортивного клуба.

Именно благодаря указанному массиву пилотной эмпирической информации, а не исходя из теоретического материала официальных публикаций, авторы и разработали концепцию и программу описательного КСИ. В кратком изложении суть полученной информации состоит в том, что:

- в условиях функционирования сфер ФКиС муниципальных образований рассматриваемый Закон практически не работает, во-первых, по причине своего слишком общего федерального назначения, во-вторых, в связи с фактически недостаточной (несмотря на ожидания, обоснованные анализом материалов самого Закона) ориентацией на сложившуюся в настоящий момент в России практику прецедентов реальной и конкретной профильной работы как руководящих органов власти, так и соответствующих учреждений и организаций различной формы собственности;
- спорткомитеты и управления по спорту ссылаются на Закон лишь как на основание для отказа в аккредитации или бюджетном финансировании деятельности профильных организаций, а также чтобы не позволить явно перепрофилировать объекты спортивного профиля. В первом случае – это средство шантажа и вымогательства на вполне законной основе. Во втором

случае – это формальный запрет, который легко обходят с помощью целого ряда различных схем, незаконных в целом, но законных на каждом отдельно взятом этапе;

- вообще, проблем и вопросов профильного характера, попадающих в перечень юридических вопросов первоочередного рассмотрения на уровне юрисдикции муниципальных образований, практически не возникает. А если и возникают, то крайне редко, где-то на двадцатом и выше месте (по факту реальных обращений). Соответственно, по этому направлению специализации институт адвокатуры также практически не работает – не рентабельно и не целесообразно для частной юридической практики;

- руководители профильных государственно-муниципальных учреждений, коммерческих и некоммерческих организаций практически никогда не прибегают к использованию в своей деятельности статей и положений Закона, выстраивая свои взаимоотношения с вышестоящими органами управления на основе областного и муниципального законодательства, Постановлений и Распоряжений глав исполнительной и законодательной власти «на местах», приказов профильного Министерства или Агентства. По другим, смежным вопросам все предпочитают придерживаться статей и положений федеральных кодексов по уголовному, налоговому, административному, гражданскому праву. В тех редчайших случаях, когда Закон все-таки задействуется, сам по себе он ничего не решает, поскольку все-равно требуется обращение к более практически и прецедентно весомому законодательству и локальным актам;

- Закон не помогает фактически бороться с коррупцией и серьезными правонарушениями в профильной сфере деятельности и управления, приобретая скорее характер чисто консультативного источника информации, никак на деле не подкрепленного мерами пресечения и наказания;

- в регулировании материально-финансовых вопросов, вопросах бюджетного финансирования и субсидирования Закон также не задействуется, хотя, впрочем, прямое нарушение его статей также не приветствуется. Обращают на себя внимание слово «прямое» и оборот «не приветствуется», что не

исключает факты косвенных, неявных нарушений, а также не означает фактического, юридически подкрепленного запрета, исключаящего подобные нарушения.

Все приведенные выше положения респонденты подкрепляют многочисленными примерами из своей и чужой практики, не допускающими неоднозначного толкования или сомнения в их подлинности.

Соответственно, подобная информация неофициального, остро негативного характера, дискредитирующая Закон, не могла остаться совсем без внимания, но и не могла должным образом удовлетворить авторов исследования, направленного, в том числе, и на выявление причин возникновения и возможностей устранения противоправных действий в сфере ФКиС в муниципальных образованиях с опорой на социальную востребованность и социальную поддержку действия Закона «на местах». Данное обстоятельство послужило дополнительным аргументом в пользу организации и проведения описательного КСИ на заданную тему.

В результате проведения (методом индивидуального экспертного телефонного фокусированного интервьюирования) полевого этапа описательного конкретно-социологического исследования были заполнены 15 бланков-интервью. После их проверки и доводки была осуществлена собственно обработка первичной социологической информации, содержащейся в бланках, на основе чего стало возможным вывести нижеследующие социологические данные.

По вопросу о степени полноты и точности отражения в ФЗ профильной практики сферы ФКиС муниципальных образований Московской области респонденты выделили три позиции ответов: невысокая – 3; крайне низкая – 10; затрудняюсь с ответом – 2. То есть 86.7% респондентов дали по этому вопросу **неблагоприятную** оценку.

Между тем, степень ясности и четкости статей-формулировок ФЗ респонденты, наоборот, оценивают довольно высоко (высокая – 5; средняя – 9;

невысокая – 1). Иначе говоря, 93.3% экспертов в данном случае высказываются **положительно**.

По вопросу о степени непротиворечивости статей-формулировок ФЗ респонденты также дают положительную оценку (высокая – 3; средняя – 7; затрудняюсь с ответом – 5). Правда, здесь при 66.7% **позитивных** мнений 33.3% респондентов прямого ответа не дали.

При определении места, занимаемого ФЗ в одном из интервалов иерархии значимости других законов, прямо или косвенно регламентирующих деятельность в сфере ФКиС муниципальных образований МО оценка в целом может рассматриваться как **неблагоприятная** (с 11-го по 15-е – 3; с 16-го по 20-е – 2; ниже 20-го – 4; затрудняюсь с ответом – 6). Ниже 11 строчки в рейтинге, где главный профильный закон обязан лидировать, его поставили 60% респондентов при 40% уклонившихся от ответа.

По вопросу определения степени взаимной увязанности ФЗ с другими законами по регламентации в том числе и сферы ФКиС муниципальных образований МО 46.7% экспертов дают весьма **сдержанную** оценку (средняя степень – 4; невысокая степень – 3). При 53.3% респондентов, избравших позицию «затрудняюсь с ответом» - 8.

Степень выполнения ФЗ функций предписания и регламентации респонденты (73.3%) оценивают **относительно позитивно** (высокая степень – 2; средняя степень – 6; невысокая степень – 3; затрудняюсь с ответом – 4).

А вот по уровню полноты и точности определения зон поощрения и наказания 73.3% экспертов дают **неблагоприятные** оценки (невысокий уровень – 3; вообще не взаимосвязан – 8; затрудняюсь с ответом – 4)

По вопросу определения уровня практической востребованности ФЗ в деятельности сферы ФКиС муниципальных образований МО для муниципальных и государственных учреждений респонденты вновь демонстрируют **крайнюю сдержанность** и сомнения (средний уровень – 2; невысокий уровень – 5; затрудняюсь с ответом – 8). То есть 46.7% и 53.3%.

По вопросу определения уровня практической востребованности ФЗ в деятельности сферы ФКиС муниципальных образований МО для профильных коммерческих организаций респонденты демонстрируют небольшой разброс мнений при явном перевесе **негативных** оценок (высокий уровень – 1; средний уровень – 1; невысокий уровень – 6; вообще не взаимосвязан – 2; затрудняюсь с ответом – 5). 13.3% против 53.3%.

При определении уровня практической востребованности ФЗ в деятельности сферы ФКиС муниципальных образований МО для профильных некоммерческих организаций мнения респондентов распределились следующим образом: средний уровень – 1; невысокий уровень – 7; вообще не взаимосвязан – 4; затрудняюсь с ответом – 3). Мы видим, что 73.3% респондентов высказались **негативно**.

По вопросу определения уровня практической востребованности ФЗ в деятельности сферы ФКиС муниципальных образований МО для клубов, секций, классов общеобразовательных школ общая картина оценок на 46.7% продолжает оставаться **негативной** (средний уровень – 1; невысокий уровень – 1; вообще не взаимосвязан – 6; затрудняюсь с ответом – 7). И это при таком же проценте уклонений от прямого ответа.

При определении уровня практической востребованности ФЗ в деятельности сферы ФКиС муниципальных образований МО для системного тренировочного процесса количество **негативных** оценок несколько уменьшилось (26.7%) за счет увеличения количества уходов от прямого ответа (73.3%), что в принципе также заставляет задуматься (невысокий уровень – 2; вообще не взаимосвязан – 2; затрудняюсь с ответом – 11).

При определении уровня практической востребованности ФЗ в деятельности сферы ФКиС муниципальных образований МО для соревновательной деятельности на своей территории разброс мнений респондентов несколько увеличивается:

- предельно высокий уровень - 0
- высокий уровень - 1

- средний уровень - 2
- невысокий уровень - 3
- вообще не взаимосвязан - 2
- затрудняюсь с ответом – 7

При высоком проценте отказов от ответа (46.7%) суммарную оценку следует считать скорее **негативной**, чем нейтральной (20% против 33.3%).

По определению уровня практической востребованности ФЗ в деятельности сферы ФКиС муниципальных образований МО для соревновательной деятельности на выездных мероприятиях мы наблюдаем практически неизменившуюся, в большей степени **негативную** (20% против 33.3%) картину разброса мнений экспертов при 46.7% респондентов, уклонившихся от прямого ответа:

- высокий уровень - 0
- средний уровень - 3
- невысокий уровень - 3
- вообще не взаимосвязан - 2
- затрудняюсь с ответом – 7

Отличие лишь в потере позиции высокого уровня.

Суммарная оценка степени эффективности ФЗ в муниципальных образованиях МО по 10-бальной шкале показывает, что большинство экспертов единодушны в **неблагоприятном** оценочном результате (53.3% респондентов присуждают данной степени эффективности не более 5 баллов). Причем 5 из 8 респондентов из этого большинства не поднимают оценку выше 3 баллов (33.3%). Лишь один эксперт ставит 7 баллов (6.7%). И 6 экспертов затруднились с ответом (40%).

Переход к процедуре собственно обработки социологических данных первого порядка уже по внешним рядам требует сравнивать эти данные между собой. В ходе сравнения мы чисто формально отмечаем, что негативная оценка имеет место в десяти случаях (при ответах на вопросы 1.1., 2.1., 3.2., 4.2., 4.3., 4.4., 4.5., 4.6., 4.7., 5.1.), а благоприятная или нейтральная оценочная позиция

определяется лишь в пяти случаях (при ответах на вопросы 1.2., 1.3., 2.2., 3.1., 4.1.). При содержательном сравнении становится очевидным, что в той или иной степени позитивности относительно благоприятные мнения высказываются лишь в тех случаях, когда речь идет о качестве текста и о декларациях в самом ФЗ. В крайнем случае, когда выясняется степень увязки ФЗ с другим законодательством. Иными словами, когда речь идет о логической и юридической проработке.

Но как только вопрос затрагивает социальную практику, оценки приобретают в большей степени неблагоприятный, негативный характер. Причем интересно, что респонденты абстрактно, в обобщенной форме стараются высказываться более оптимистично (ответы на вопрос 4.1.). Однако при ответах на более конкретные вопросы о практической востребованности ФЗ модальность резко меняется на отрицательную.

Интерпретация социологических данных второго порядка, полученных в результате собственно обработки социологических данных первого порядка, требует проведения сравнительного анализа этих последних с основными положениями (задачами, гипотезами) теоретической части программы описательного КСИ. В итоге мы получили нижеследующие социологические показатели:

1. Гипотеза о том, что действие ФЗ в муниципальных образованиях Московской области отличается высокой степенью эффективности, однозначно (практически полностью) опровергается в пропорции 10 к 1. Причем более частные социологические данные первого порядка опровергают обобщенные социологические данные первого порядка.

1. Степень взаимной увязанности ФЗ с другими российскими законами и кодексами, регламентирующими в том числе функционирование сферы физической культуры и спорта (далее – сфера ФКиС) в муниципальных образованиях можно считать удовлетворительной при признании низкого рейтинга ФЗ в этой связке.

2. Проблемные зоны, где прецедентная практика допускает вольное толкование статей ФЗ или вообще отступление от их неукоснительного соблюдения, потенциально могут возникать практически в любом сегменте сферы ФКиС, функционирующей в условиях муниципального образования.

3. Определение алгоритмов приведения прецедентной практики в соответствие со статьями ФЗ в проблемных зонах на территории муниципальных образований Московской области представляется возможным только при условии существенного роста конкретной и реальной социальной востребованности действия ФЗ. Что, в свою очередь, требует серьезной и комплексной доработки ФЗ в направлении конкретной и реальной практической ориентации данного закона с учетом положения дел «на местах».

Итак, суммарные результаты КСИ, выраженные социологическими данными первого и второго порядков, а также четырьмя приведенными основными социологическими показателями, к сожалению, однозначно и полностью опровергают гипотезу о высоком уровне социальной востребованности ФЗ в муниципальных образованиях, по крайней мере, в конкретном и реальном практическом приложении данного термина. В этом смысле результаты третьего пилотажного и описательного КСИ, в общем и целом, находятся в отношениях взаимной корреляции.

Главным и основным пунктом рекомендательной записки по суммарным результатам исследования становится вывод о необходимости немедленной и комплексной доработки ФЗ в направлении фактического, а не формального правового обеспечения или сопровождения функционирования отечественной сферы ФКиС, по крайней мере, на уровне муниципальных образований.

3.2. Материалы для более глубокого изучения. Основные модели или системные формы реального функционирования муниципальных сфер физической культуры и спорта

Недостатки практического использования Федерального закона «О физической культуре и спорте в Российской Федерации» открывают прецедентные возможности для существования различных коррупционных схем и, мягко говоря, не совсем легитимных, хотя в ряде случаев и относительно благополучных, динамичных моделей развития сферы физической культуры и спорта на уровне того или иного муниципального образования. Точкой отсчёта моделирования системной организации профильных сфер, помимо других, менее значимых факторов, выступает субъективный фактор, то есть отношение Главы муниципального образования к перспективе развития физкультурно-спортивного блока его хозяйства, проявляющееся в его конкретном политическом курсе. В качестве примечания заметим, что в расчёт следует брать только реальные дела, подтвержденные нормативно-правовыми актами, а следовательно, и материально-финансовыми аргументами.

Одним из наиболее эффективных вариантов ускорения или лоббирования решения задачи выступает поиск внешних сил, реально способных нейтрализовать нередко встречающуюся консервативную или пассивную позицию Главы на счёт спорта.

Далее уже при активном участии Главы и его служб производится детальная оценка наличных ресурсов и обоснованный план восполнения их возможной недостаточности. Выбор внутреннего (внешнего, смешанного) характера привлекаемых ресурсов зависит от достигнутых договоренностей между Главой и куратором проекта регионального уровня, что, в итоге, и определяет вектор планирования модели, системной формы реорганизации и развития профильной сферы.

Дальнейшие этапы моделирования должны и будут формально лимитироваться действующим законодательством (правовым регулированием),

а фактически – определяться ходом развертывания избранной модели или системной формы. При этом, как правило, действует принцип, гласящий, что нет хороших и плохих моделей, а есть практически осуществимые и практически неосуществимые. В перечне практически осуществимых, в свою очередь, могут оказаться модели более и менее затратные, а также более и менее перспективные с экономической, политической, социальной, идеологической точки зрения.

Как показывает практика реализации подобных моделей или системных форм, здесь возможны следующие варианты:

- 1) **карьерно-политический (в основе модели – личные политические амбиции Главы);**
- 2) **частно-экономический (в основе модели – частные экономические интересы Главы);**
- 3) **дисциплинарно-иерархический (в основе системной формы – обязательства и обязанности Главы перед Губернатором);**
- 4) **организационно-градостроительный (в основе системной формы - градостроительная роль всей или части профильной сферы в организации общей муниципальной системы хозяйствования).**

Карьерно-политическая системная модель ориентирована на достижение высших показателей в развитии физкультурно-спортивной сферы муниципального образования. Эта модель имеет приоритет либо тогда, когда в муниципальном образовании нет альтернативных объектов динамичного развития, либо когда развитие в нем спорта выступает предметом договоренности с высокопоставленными лицами, от которых зависит карьера Главы.

Избрание карьерно-политической системной формы, как правило, положительно влияет на рейтинг Главы в глазах официального общественного мнения за его видимую поддержку массового спорта, выраженную, в частности, в строительстве объемных и плоскостных спортивных сооружений экономического класса.

Порочность карьерно-политической модели профильного развития определяется краткосрочностью ее существования, причем как в случае неудачного переизбрания Главы, так и в случае его успешного карьерного роста, ставящего перед ним новые задачи и иные приоритеты. И если массовый спорт еще не осуществил переход на полную самокупаемость и независимость от муниципального бюджета, то он неизбежно начинает сворачиваться.

Второй, наиболее часто встречающейся моделью развития физкультурно-спортивной сферы муниципального образования выступает **частно-экономическая модель**. Системообразующим фактором здесь снова выступает личный (частный) интерес Главы, реализуемый через подставных лиц, контролируемые коммерческие организации или членов семьи. Делается это следующим образом: по остаточной стоимости скупаются потенциально рентабельные объекты физкультурно-спортивного профиля с целью их последующей профильной, но чаще скрытой непрофильной коммерциализация, когда «бассейн» превращается в «ванну» с фитнесом и спа-процедурами; когда на стадионе строится городская баня или размещаются автомобильные гаражные кооперативы, кафе, рестораны. использующие не только потенциал спортсменов и тренеров, но и, разумеется косвенно, бюджетное финансирование. Данная частно-экономическая модель далеко не всегда законна, но вполне реально осуществима в качестве экономического прецедента. Более того, рентабельность указанной модели растет по мере того, как местный рынок профильных товаров и услуг все больше самопроизвольно или принудительно ориентируется именно на ее реализацию.

В случае системного оформления профильной сферы по частно-экономическому варианту развиваться, естественно, будут лишь потенциально финансово состоятельные, а потому и интересные, с коммерческой точки зрения, виды спорта. Другие либо отомрут, либо будут влачить полунищенское и полуполегалное существование, прикрываясь криминальными структурами.

Третья, **дисциплинарно-иерархическая модель** системной организации муниципальной сферы физической культуры и спорта связана с

выполнением Главой его внешних обязательств, данных чиновникам и руководителям более высокого ранга. Такие обязательства Главе нужно неукоснительно выполнить даже ценой перекалывания на плечи местного консолидированного бюджета большей части тягот, связанных, например, с:

- возведением сети крупных и средних физкультурно-спортивных объектов;
- содержанием сборных команд России по каким-либо видам спорта;
- предоставлением внеочередного жилья известным спортсменам, не проживающим на территории муниципального образования;
- организацией и проведением на этой территории всероссийских и международных соревнований.

Особенностью дисциплинарно-иерархической модели выступает то обстоятельство, что местный физкультурно-спортивный сектор в данном случае не является ни самостоятельной, ни, тем более, самодостаточной системой. В лучшем случае спорт служит одной из подсистем в системе сложных финансово-экономических обязательств и соглашений между представителями различных уровней власти (или лоббистских групп, представляющих крупный спортивный бизнес). Но, по большей части, местный массовый спорт вообще никак «не завязан» и не участвует в подобных проектах, развивается или пытается развиваться параллельно.

Четвертая, **организационно-градостроительная модель системной организации муниципальной физкультурно-спортивной сферы**, с точки зрения экономики и социальной политики самого муниципального образования, является самой прогрессивной. Применяя эту модель, Глава осуществляет социально, юридически и экономически обоснованные шаги по привлечению в местный бюджет внешних инвестиций (от высших бюджетных уровней, крупных коммерческих и некоммерческих источников – до небольших, но зато массовых вкладов рядовых граждан).

Механизм реализации организационно-градостроительной модели, несмотря на всю свою социально-экономическую обоснованность, очень

сложен. Поэтому пойти на столь сложную и многоэтапную операцию может только тот Глава, который, помимо обширных связей в «верхах», обладает недюжинным талантом экономиста и управленца. Осуществляющий такую фундаментальную для городского округа или крупного поселения акцию, Глава или руководитель крупного предприятия/хозяйства в муниципальном образовании должен разработать и представить детальный финансово-экономический план и обоснование проекта. Он должен собрать и представить целый перечень иной документации. Также ему необходимо заручиться реальной финансовой поддержкой, обеспечить бюджетную строку в региональной, а то и в федеральной бюджетной профильной программе; учредить внебюджетный фонд и многое другое.

Организационно-градостроительная модель – это единственный реально осуществимый вариант системного профильного оформления, в основе которого лежит сам спорт как социально-экономически обоснованный системообразующий фактор. Фактор, выступающий ядром местной микроэкономической системы, вокруг которого выстраивается вся остальная социальная инфраструктура. И если бы такая система была построена хотя бы на основе самокупаемости, то для муниципальной физкультурно-спортивной сферы это стало бы самым надежным гарантом долголетия и массовости. Вот только массовый спорт, насколько нам известно, сам по себе пока еще не выступал прибыльной или, по крайней мере, самокупаемой областью социальной практики.

Контрольные вопросы

1. Что из себя представляет отечественная сфера физической культуры и спорта и как она структурно организована?
2. Как конкретно правовая форма профильных образований (учреждений и организаций) влияет на возможности их бюджетного финансирования?
3. Какие законы регламентируют организацию и деятельность сферы физической культуры и спорта на уровне муниципального образования?
4. Какие основные задачи призван решать Федеральный закон «О физической культуре и спорте в Российской Федерации»? В какой степени, на ваш взгляд, он справляется с их решением?
5. Каковы результаты приведенного в тексте третьей главы учебного пособия комплексного конкретно-социологического исследования по уровню или степени социальной востребованности действия указанного ФЗ «на местах», то есть на уровне конкретного муниципального образования?
6. Какие рекомендации предлагаются авторами исследования в связи с полученными результатами?
7. Опишите основные модели или формы системной организации муниципальных сфер физической культуры и спорта.
8. В рамках сравнительного анализа покажите основные преимущества и недостатки данных моделей или системных форм.

Заключение

Итак, история древней и современной агонально-спортивной традиции, функционирование и развитие сферы физической культуры и спорта за рубежом и в нашей стране в 20 – начале 21 века - убедительно доказывают, что спорт является не какой-то неизменной гуманистической абстракцией, а совершенно конкретным динамичным социальным феноменом, который неправильно было бы рассматривать вне конкретного социального (экономического, классово-группового, политического и даже религиозного) контекста, в котором этот спорт, вернее, его модель существует и развивается. Иначе говоря, современный спорт - на самом деле множество различных моделей спорта, принадлежащих разным социумам.

Поэтому закономерно возникает вопрос о **классификации социальных моделей спорта**. Прделанный нами экскурс в область истории и теории физической культуры и спорта ожидаемо позволяет выделять **основные экономические, собственно социальные, политические модели спорта**.

Например, в результате экономического моделирования четко выделяются **производственная и потребительская модели**, у каждой из которых можно отметить свои достоинства и недостатки. **Производственная модель** основывается на государственном финансировании (бюджетировании, субсидировании) аккредитованных видов спорта, спортивных организаций и учреждений, прошедших официальную регистрацию в соответствующих органах юстиции. Подобная модель, в частности, существует в настоящий момент в России. **Потребительская модель**, в настоящий момент развиваемая в США, ориентирована на потребительский рынок, обеспечивающий финансирование из различных внебюджетных источников и прибыль, например, от проведения и широкой трансляции коммерческих спортивных мероприятий. Отсюда существенная разница в количестве видов спорта: менее 160 – в России, более 2000 – в США.

В группе собственно социальных моделей спорта выделяются социально-этнические, социально-групповые, классовые, национальные, интернациональные.

В большинстве случаев **социально-этнические и социально-групповые модели** выступали и в настоящий момент выступают исходными формами или зародышевыми стадиями для более зрелых и широко социально востребованных моделей спорта. Как правило, они представляют собой народные игры-соревнования, распространенные и практикуемые в том или ином регионе, регионах страны, ряда стран. Примером может служить народная борьба трынтэ (трынта), практикуемая у балканских народов еще легендарными гайдуками.

О **классовом происхождении** тех или иных (даже олимпийских) **видов спорта**, в частности, можно судить по их затратности, что выступает одним из наиболее надежных оснований их деления на **пролетарские, буржуазные, дворянско-клерикальные или аристократические**. В целом ряде стран Азии, Африки, Латинской Америки, даже после их освобождения от колониальной зависимости, такие виды спорта, как конное поло, скачки с препятствиями, фехтование, стрельба, гольф, парусный спорт - продолжают оставаться аристократическим занятием. Классовая подоплека лежит и в делении спорта на **любительский и профессиональный**.

Национальный характер английского бокса, российского самбо, американского бейсбола и футбола, японского джиу-джитсу, каратэ и дзюдо, китайского ушу и многих других **видов спорта**, в том числе ставших олимпийскими и вошедшими в Программу Игр-Олимпиад и Зимних олимпийских игр, выдает не только их происхождение, но и степень распространения и популярности в их родных странах.

На статус интернационального вида спорта, свободного от национальных особенностей, на сегодняшний день претендуют несколько видов спорта (например, то же самбо, легкая атлетика, художественная и спортивная гимнастика). В наибольшей степени данные амбиции, по мнению ряда экспертов, оправданы у футбола. Однако и на футбол оказывает влияние

национальная школа: аргентинская, бразильская, итальянская, испанская, прочие. Это дает веские основания выделения различного национального и континентального (латиноамериканского, европейского, дальневосточного, африканского) футбола.

Политические модели спорта делятся прежде всего по основанию мирной и военной политики. В первом случае модели спорта группируются по их принадлежности к тому или иному политическому режиму (демократические, аристократические, авторитарные). Во втором случае модели спорта по критерию времени развития до или после войны делятся на довоенные и послевоенные (во время войны спорт, как правило, не развивается, это время власти военно-прикладных дисциплин). **Довоенная модель спорта** предназначена для обеспечения социально-групповой и классовой солидарности нации, для социального сплачивания власти и народа перед лицом потенциального внешнего врага. **Послевоенная модель спорта** нужна для привлечения и социально-психологической адаптации сотен тысяч и миллионов демобилизованных солдат и офицеров.

Таким образом, действительно научный анализ социальной роли спорта ни в коем случае не может довольствоваться общими рассуждениями о гуманизме, мире, здоровье нации. Такой анализ обязан учитывать характер конкретной социальной модели спорта, что, в свою очередь, требует анализа реального социального контекста существования спорта в той или иной стране в тот или иной период.

Литература

1. Айзенберг К. Футбол как глобальный феномен / К. Айзенберг // Логос. – 2006. – № 3 (54). – С. 91–103.
2. Алкемайер Т. Социология спорта / Т. Алкемайер // Логос. – 2006. – № 3 (54). – С. 141–146.
3. Бальсевич В.К. Конверсия высоких технологий спортивной воспитания и спорта для всех / В.К. Бальсевич // Теория и практика физической культуры. -М.: 1993. - №4. - С.21-23.
4. Бальсевич В. К. Основные положения концепции интенсивного инновационного преобразования национальной системы физкультурно-спортивного воспитания детей, подростков и молодежи России / В. К. Бальсевич // Теория и практика физической культуры. – 2002. – № 3. – С. 2-4.
5. Бауэр В. Г. Социальная значимость физической культуры и спорта в современных условиях развития России / В. Г. Бауэр // Теория и практика физической культуры. – 2001. – № 1. – С. 50–56.
6. Вакан Л. Социальная логика бокса в черном Чикаго: к социологии кулачного боя / Л. Вакан // Логос. – 2006. – № 3 (54). – С.104–140.
7. Визитей Н. Н. Идея олимпизма и реалии современного мира / Н. Н. Визитей, В. Г. Манолаки // Теория и практика физической культуры. – № 01. – 2011. – С. 43–47.
8. Винничук Л. Люди, нравы и обычаи Древней Греции и Рима / Л. Винничук; пер. с польск. – М.: Высш. шк., 1988. – 496 с.
9. Горбунов А. Бесконечный матч / А. Горбунов. – М.: Эксмо, 2009. – 480 с.
10. Загайнов Р. М. К проблеме уникальности личности спортсмена – чемпиона // Спортивный психолог. – 2005. – № 1. – С. 4–16.
11. История физической культуры и спорта: учеб. пособие для студ. высш. учеб. заведений / Б. Р. Голощапов. – 4-е изд., испр. – М.: Издательский центр «Академия», 2007. – 312 с.
12. Кубертен Пьер. Олимпийские мемуары. – Киев: Олимпийская литература, 1997. – 400 с.
13. Кузин В.В. Научные приоритеты в физическом воспитании и спортивной подготовки детей и юношества (первые итоги работы Проблемного научного совета по

- физической культуре РАО)/ В.В. Кузин// Физическая культура: воспитание, образование, тренировка. - 1998.- № 2.- С. 2-5.
14. Кыласов А. В. Religio athletae или культурно-религиозная сущность олимпизма / А. В. Кыласов // Вестник спортивной науки. – 2009. –№ 5. – С. 55–59.
15. Ленк Г. Спорт как современный миф? // Религия. Магия. Миф. Современные философские исследования. – М.: Изд-во «УРСС». 1997. – С. 156–179.
16. Лубышева Л.И., Романович В.А. Спортивная культура в старших классах образовательной школы/ Л.И. Лубышева, В.А. Романович // Теория и практика физической культуры и спорта. -М.: 2011.- 240 с.
17. Лэш К. Вырождение спорта / К. Лэш // Логос. – 2006. – № 3 (54). – С. 23–40.
18. Мандзяк А. С. Боевые искусства Европы / А. С. Мандзяк. – Минск: Современное слово, 2005. – 352 с.
19. Матвеев Л. П. Общая теория спорта и ее прикладные аспекты [Текст]: учебник для вузов физической культуры / Л. П. Матвеев. – 5-е изд., испр. и доп. – М.: Советский спорт, 2010. – 340 с.
20. Матвеев Л. П. От теории спортивной тренировки – к общей теории спорта // Теория и практика физической культуры. – 1998. – № 5. – С. 5–8.
21. Мельникова Н.Ю. История физической культуры и спорта: учебник / Н. Ю. Мельникова, А. В. Трескин; под. ред. проф. Н. Ю. Мельниковой. – М.: Советский спорт, 2013. – 392 с.: ил.
22. Нестеров, П.В. Культурно-историческое значение и смысл Константинопольского эдикта Феодосия I Великого (393 г. н.э.) о «запрете» Олимпийских игр / П. В. Нестеров // Теория и практика физической культуры. – 2009. – № 2. – С. 29 – 37.
23. Нестеров П. В. Антиохийские агоны – одна из форм античной традиции олимпизма / П. В. Нестеров // Теория и практика физической культуры. – 2007. – № 2. – С.79.
24. Нестеров П. В. Деэллинизация античного мира в IV веке нашей эры и Олимпийские игры / П. В. Нестеров // Современность как предмет исследования: материалы II Международной научной конференции 23–24 мая 2008 г. : Московская государственная академия физической культуры; Московская областная олимпийская академия : – Малаховка, 2008. – С.101 – 104.

25. Норберт Э. Генезис спорта как социологическая проблема / Э. Норберт // Логос. – 2006. – № 3 (54). – С. 41–62.
26. Передельский А. А. Единоборства и их спортивная традиция / А. А. Передельский // Наука о спорте. Энциклопедия систем жизнеобеспечения / под ред. А. Д. Жукова. – М.: Издательский Дом Магистр-Пресс, 2011. – С. 540–617.
27. Передельский А. А., Столяров В. В. Современные проблемы наук о физической культуре и спорте: учебник / В. И. Столяров, А. А. Передельский, М. М. Башаева. – М.: Советский спорт, 2015. – 461 с.
28. Передельский А. А. Физическая культура и спорт в муниципальном образовании: монография / А. А. Передельский. – М.: Физическая культура, 2008. – 128 с.
29. Передельский А. А. Философия, педагогика и психология единоборств: учеб. пособие / А. А. Передельский. – М.: Физическая культура, 2008. – 240 с.
30. Передельский А. А. Философия спорта. Метанаучные основания спортивного процесса / А. А. Передельский. – М.: ЮНЕСКО, Издательский Дом МАГИСТР-ПРЕСС, 2011. – 480 с.
31. Передельский А. А. Физическая культура и спорт в отражении философских и социологических наук. Социология спорта: Учебник / А. А. Передельский. – М.: Спорт, 2016. – 416 с.
32. Першиц А.И. История первобытного общества – 3-е изд., перераб. и доп. / А. И. Першиц, А. А. Монгайт, В. П. Алексеев. – М.: Высш. шк., 1982. – 223 с.
33. Платонов В. Н. Олимпийский спорт. / В. Н. Платонов, С. И. Гуськов. – Киев: «Олимпийская литература», 1994. – 494 с.
34. Пономарчук В.А. Спорт как социальный институт / В. А. Пономарчук // Наука о спорте. Энциклопедия систем жизнеобеспечения. – М.: ЮНЕСКО, Издательский Дом МАГИСТР-ПРЕСС, 2011. – С. 797–813.
35. Ратнер А.Б. Структурная реформа международного олимпийского движения, осуществленная Х.А. Самаранчем / А. Б. Ратнер // «Современные проблемы физической культуры и спорта»; матер. Всеросс. научной конф. – СПб: Изд-во «Шатон». – С. 175–177.

36. Редер Д. Г. История древнего мира: В 2-х ч. Ч. 1. Первобытное общество и Древний Восток: учеб. пособие для студентов истор. фак. пед. ин-тов / Д. Г. Редер, Е. А. Черкасова. – 3-е изд., испр и доп. – М.: Просвещение, 1985. – 288 с.
37. Сараф М. Я. Очерки социокультурных процессов / М. Я. Сараф. – Голицыно, 2005. – 112 с.
38. Сараф М. Я. Спорт в культуре XX века (становление и тенденции развития) / М. Я. Сараф // Духовность. Спорт. Культура. Выпуск 3. Спорт и искусство: альтернатива – единство – синтез: сб. / Сост. и ред. В. И. Столяров. – М.: Российская академия образования. Гум. Центр «СпАрт» РГАФК – 1996. – С. 25–48.
39. Сараф М. Я. Спорт и культура (исторический анализ) / М. Я. Сараф // Спорт, Духовные ценности, Культура. Вып. первый: Сб./Сост. и ред. В.В. Кузин, В. И. Столяров, Н. Н. Чесноков. – М.: Гуманитарный Центр «СпАрт» РГАФК, 1997. – С. 51–83.
40. Столбов В. В., Финогенова Л. А., Мельникова Н. Ю. История физической культуры и спорта / В. В. Столбов; под ред. В. В. Столбова. – 3-е изд., перераб. и доп. – М.: Физкультура и спорт, 2001. – 423 с.
41. Столяров В. И. Взаимоотношение спорта и политики (социально-философский и методологический анализ) / В. И. Столяров // Взаимоотношение спорта и политики с позиции гуманизма. Выпуск 3. – М., 2005. С. 5–123.
42. Столяров В. И. Олимпизм как гуманистическая философская концепция В. И. Столяров // Гуманистическая теория и практика спорта. Вып. 1: Сб.– М.: МГИУ, Гуманит. Центр «СпАрт» РГАФК. – С. 195–230.
43. Сумерки богов / сост. и общ. ред. А. А. Яковлева: перевод. – М. Политиздат, 1990. – 398 с.
44. Сунь-цзы. Искусство стратегии. Древнекитайские трактаты, ставшие основой целого ряда управленческих теорий/пер. с кит. – СПб.: Мидгард/ М.: ЭКСМО, 2006. – 528 с.
45. Тайлор Э. Б. Первобытная культура / Э. Б. Тайлор. – пер. с англ. – М.: Политиздат, 1989. – 573 с.
46. Токарев С. А. Религия в истории народов мира / С. А. Токарев. – 4-е изд., испр. и доп. – М.: Политиздат, 1986. – 576 с.

47. Трескин А. В. От викингов до олимпийцев. История спорта в странах Северной Европы / А. В. Трескин, Н. Ю. Мельникова. – М.: Физкультура и спорт, 2008. – 272 с., ил.
48. Угринович Д. М. Введение в религиоведение / Д. М. Угринович. – 2-е изд., доп. – М.: Мысль, 1985. – 270 с.
49. Хейзинга Й. / Homo ludens / Человек играющий / Й. Хейзинга / Пер. с ирланд. Д. Сильвестрова. – СПб.: Издательский дом «Азбука – классика», 2007. – 384 с.
50. Худавердян В. Ц. Современные альтернативные движения. (Молодежь Запада и «новый» иррационализм) / В. Ц. Худавердян. – М.: Мысль, 1986. – 150 с.
51. Энгельс Ф. Происхождение семьи, частной собственности и государства / Маркс К., Энгельс Ф.: соч. – 2-е изд. – М.: Издательство политической литературы, 1974. – Т. 21. С. 23–178.
52. Coubertin Pierre de. Comment conçoit les Jeux Olympiques, par Fernand Lomazzi, «L'Auto» / Pierre de. Coubertin // Jean-Marie Brohm. Le Mythe Olympique, 1946. – P. 431.
53. Cynarski W.J., Obodynski K. Ethos of martial arts in the movie at the beginning of the 21st century / W.J. Cynarski // Sports Involvement in Changing Europe / Kosiewicz J., Obodynski K. /eds./. – Rzeszow, 2004. – P.136–152.
54. Cynarski W.J., Obodynski K. Theoretical base for martial arts. Research in the humanistic approach / W.J. Cynarski // Sports Involvement in Changing Europe / Kosiewicz J., Obodynski K. /eds./. – Rzeszow, 2004. – P.153–170.
55. Fairchild David L. Review Essay (рецензия на книгу): Morgan William J., Meier Klaus V. Philosophic Inquiry in Sport. – Champaign, IL.: Human Kinetics, 1988 // Journal of the Philosophy of Sport. – vol. XIV, 1987. – P. 71–79.
56. Goodger John. Sport as a sociological concept: an old discussion revisited / John Goodger // International Journal of Physical Education. – 1984. – v. XXI. – pp. 32–33.
57. Güldenpfennig Sven Political Science of Sport / John Goodger // ICSSPE. Vade Mecum. Directory of sport science. 2nd Edition. – pp. 123–136.
58. Parry Jim. Sport and Olympism: Universals and Multiculturalism / Parry Jim // Journal of the Philosophy of Sport. – 2006. – v. XXXIII. – № 2. – 188–204.
59. Heather L. Reid Olympic Sport and Its Lessons for Peace / L. Heather // Journal of the Philosophy of Sport. – 2006. – v. XXXIII. – № 2. – S. 205–214.

60. Heather L. Reid Was the Roman Gladiator an Athlete / L. Heather // Journal of the Philosophy of Sport. – 2006. – v. XXXIII. – № 1. – S. 37–49.
61. Hodaň Bohuslav Definition of the term “physical culture” // Physical Culture as a Component of Culture / Bohuslav Hodaň (Ed.). – Olomouc, Czech Republic: Publishing House HANEX. – 2001. – pp. 14–49.
62. Hogenová Anna. Physical culture at the beginning of the new millenium // Physical Culture as a Component of Culture / Bohuslav Hodaň (Ed.). – Olomouc, Czech Republic: Publishing House HANEX. – 2001. – pp. 71–81.
63. Lamartine Da Costa. A Never-Ending Story: The Philosophical Controversy Over Olympism // Journal of the Philosophy of Sport. – 2006. – v. XXXIII. – № 2. – 157–173.
64. Leist K.H. Sport and Culture on the sense and value scenario of human movement // Physical Culture as a Component of Culture/ Bohuslav Hodaň (Ed.). – Olomouc: Publishing House HANEX. – 2001. – pp. 109–130.
65. Lenk H. Alienation, Manipulation and the Self of the Athlete (Отчуждение, манипуляция и Личность Атлета) // Sport in the Modern World – Chances and Problems: Papers, results, materials of scientific congress, Munich, August 21 to 25, 1972. – Berlin, Heidelberg, N.Y.: Springer Verlag. – 2001. – P. 8–18.
66. Lenk Hans. Presidential Address – 1981. Tasks of the Philosophy of Sport: Between Publicity and Anthropology (Задачи философии спорта: Между Гласностью и Антропологией) // Journal of the Philosophy of Sport, vol IX, 1982. – P. 94–106.
67. Lenk H. Zur padagogischen Bedeutung der Sportsoziologie // International Journal of Physical Education. – 1973. – Vol. 10, Nr. 3. – S. 21–25.
68. Loy John W., McPherson Barry D., Kenyon Gerald S. Sport and Social Systems: A Guide to the Analysis, Problems and Literature. – London: Addison–Wesley Publishing Company, 1978. – pp. 3–16.
69. Maňakovà Radka Physis – culture – authenticity // Physical Culture as a Component of Culture / Bohuslav Hodaň (Ed.). – Olomouc, Czech Republic: Publishing House HANEX. – 2001. – pp. 92–95.
70. Mike McNamee Olympism, Eurocetricity, and Transcultural Virtues // Journal of the Philosophy of Sport. – 2006. – v. XXXIII. – № 2. – P. 174–187.
71. Reviewed by J. S. Russell Sport, Play, and Ethical Reflection (by Randolph Freezell) // Journal of the Philosophy of Sport. – 2006. – v. XXXIII. – № 1. – S. 100–102.

-
72. Reviewed by Dennis Hemphill Sport Technology: History, Philosophy and Policy (edited by A. Miah and S. Eassom) // Journal of the Philosophy of Sport. – 2005. – v. XXXIII. – № 2. – 223–226.
73. Sutton-Smith B. The Cross-cultural and Psychological Study of Games // Luschen G. (Ed.). Cross-cultural analysis of sport and games. – Champaign, Ill.: Stipes Publishing Co, 1970. – P. 100–108.
74. Sutton-Smith B. The Dialectics of Play // The International Congress of Physical Activity Sciences. Physical Activity and Human Well-Being, book 2. – Quebec, Symposia Specialists, 1978. – P. 759–767
75. Sutton-Smith B. The social psychology and anthropology of play and games // Lüschen G. and Sage G. (eds.). Handbook of Social Science of Sport. – Stipes, Champaign, Illinois, 1981. – P. 452–478.

Передельский Алексей Анатольевич

Маркин Эдуард Васильевич

Мелентьев Александр Николаевич

Ахапкин Василий Николаевич

Малинин Анатолий Николаевич

**Очерки по истории и социальной теории физической культуры и спорта:
Учебное пособие для студентов аграрных ВУЗов**

Учебное пособие издано в авторской редакции

Сетевое издание

Ответственный за выпуск – Алимova Н.К.

Учебное издание

Системные требования:

операционная система Windows XP или новее, macOS 10.12 или новее, Linux.
Программное обеспечение для чтения файлов PDF.

Объем данных 2 Мб

Принято к публикации «02» ноября 2022 года

Режим доступа: <https://izd-mn.com/PDF/53MNNPU22.pdf> свободный. – Загл. с экрана. –
Яз. рус., англ.

ООО «Издательство «Мир науки»

«Publishing company «World of science», LLC

Адрес:

Юридический адрес — 127055, г. Москва, пер. Порядковый, д. 21, офис 401.

Почтовый адрес — 127055, г. Москва, пер. Порядковый, д. 21, офис 401.

<https://izd-mn.com/>

**ДАННОЕ ИЗДАНИЕ ПРЕДНАЗНАЧЕНО ИСКЛЮЧИТЕЛЬНО ДЛЯ ПУБЛИКАЦИИ НА
ЭЛЕКТРОННЫХ НОСИТЕЛЯХ**